ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

год издания VIII

6

поябрь-декабрь

SOMMAIRE

V. V. Vinogradov (Moscou). Slavistique soviétique, son état d'aujourd'hui et perspectives du développement ultérieur; N. I. Konrad (Moscou). Sur la tradition nationale dans la linguistique chinoise; Discussions: V. N. Toporov (Moscou). L'introduction de la possibilité en linguistique; B. A. Serebranikov (Moscou). Sur les méthodes des études toponymiques; A. M. Sčerbak (Léningrad). L'hypothèse altaique en linguistique; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; Matériaux et notices: J. Fourquet (Paris). La genèse des systèmes consonantiques arméniens; N. S. Grinbaum (Kichinev). Les textes cretomycéniens et les dialectes grecs anciens; P. N. Gapanović, Y. F. Matskevič (Minsk). Sur la classification des dialectes byelo-russes; M. V. Gordina (Léningrad). Le problème du phonème en vietnamien; A. N. Baskakov (Moscou). Sur la classification des participes en turc; De l'histoire de la linguistique: A. A. Leontie v (Moscou). Conceptions linguistiques générales de I. A. Baudouin de Courtenay; V. I. Grigorie v (Moscou). Le code et la langue; Critique et bibliographie; Lettres à la rédaction: P. Perego (St. Ouen, France). Quelques remarques sur l'article de M. V. Sergievski «Le français en Algérie»; Vie scientifique.

CONTENIS

V. V. Vinogradov (Moscow). The present state and perspectives of future development of Soviet slavistics; N. I. Konrad (Moscow). On the national tradition in Chinese linguistics; Discussions: V. N. Toporov (Moscow). The introduction of possibility in linguistics; B. A. Serebrennikov (Moscow). On the methods of toponymic studies; A. M. Sčerbak (Leningrad). The Altaic hypothesis in linguistics; On the formation of East Slavonic national literary languages; Materials and notes: J. Fourquet (Paris). The genesis of consonant-system in Armenian; N. S. Grinbaum (Kishenev). Creto-Mycenean texts and old Greek dialects; P. N. Gapanovič, Y. F. Matskevič (Minsk). On the classification of Byelorussian dialects; M. V. Gordina (Leningrad). The problem of the phoneme in Vietnamese; A. N. Baskakov (Moscow). On the classification of participles in Turkish; From the history of linguistics: A. A. Leontiev (Moscow). I. A. Baudouin de Courtenay's general linguistic conceptions; I. A. Baudouin de Courtenay's general phonetics (from the course of lectures); Consultations: V. I. Grigoriev (Moscow). The code and the language; Critics and bibliography; Letters to the editorial office: P. Perego (St. Ouen, France). Some remarks on M. V. Sergievsky's article «The French in Algeria»; Scientific life.

В. В. ВИНОГРАДОВ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Краткий очерк славяноведения

Славяноведение как система или комплекс научных дисциплин, изучающих родство славянских языков и литератур, специфические закономерности их развития и их взаимоотношений, общие тенденции истории славянского народного творчества, культурно-исторические снязи и исторические взаимодействия славянских народов, роль славянства в мировой истории, зародилось еще в средние века. Уже в русской летописи содержится положение о генетическом родстве славянских языков и народов. Очевидно, эти идеи находили себе опору в стремлении славянских народов, подвергавшихся ватиску со стороны разных народов Азии и Европы, к объединению для защиты своей независимости. Особенно большую роль играло создание родства славянских языков.

Велико было и сознание культурной общности славян, уже в IX в. имевших международный письменный старославянский язык, введенный просветителями славянства Кириллом и Мефодием. На этом языке в IX—XI вв. была создана богатая оригинальная и переводная литература в Моравии, Паннонии, Болгарии, на Руси и в Сербии, которая, являясь существенным фактором, содействовавшим укреплению внутренних культурных связей между западными, южными и восточными славянами, углубаяла совнание единства славянского мира и повышала в славянских народах моральный дух сопротивления в борьбе за политическую свободу перед лицом агрессоров.

На этой почве углубляется в кругу славянских культурных деятелей стремление облегчить культурно-языковое взаимопонимание и взаимодействие славянских народов; распространяется тенденция к созданию на этой основе общего литературного языка всего славянского мира (ср. иден Константина Костенчского в конце XIV — начале XV вв., Ю. Крижавича в XVII в.). Расширению сознания внутреннего культурно-политического единства славянства содействовали исторические условия и политические события в судьбе разных славянских народов, испытывавших онасность утраты народности и политической независимости вследствие вавоевательных стремлений тюркских (южные славяне) и германских (западные славяне) народов. Особенно остро необходимость взаимной поддержки, культурно-политического взаимодействия, а также сознание родства происхождения и судеб славянских народов давали о себе знать в эпоху подъема национально-освободительного движения (в начале XIX в.) У западных и южных славян, известного под названием славянского напионального Возрождения.

Формирование и развитие капиталистических отношений, процессы складывания славянских наций, а кроме того растущее сознание необкодимости более эффективного сопротивления германской культурной и
толитической экспансии на восток (см. историю Германии и Австро-Венгрии), борьба за освобождение от турецкого ига на Балканах пробудили
развили в славянских народах не только национальное самосознание

и идею общеславянской взаимности, но и глубокое понимание общности задач и целей в области изучения славянства. Среди них очень важны были проблемы изучения формирования и развития национальных литературных языков, национальных литератур, создания своих национальных гуманитарных дисциплин — этнографии (особенно фольклористики) и культурно-политической истории, призванных утвердить права славянских народов на свою самобытность и равноправное существование в семье «вропейских народов.

Общественное понимание малой эффективности разобщенной борьбы против внешних врагов приводило к идее единения славян (при этом русский народ и Россия — мощное славянское государство — осознавались как основная опора), к идее, вытекающей из всей более чем тысячелетней истории славян, из их генетического изыкового и культурного

родства.

Первоначальное славяноводение представляло собой мало дифференцированную науку с общим преобладанием проблем славянского языкознания, литературоведения и фольклористики. Крупную роль в развитии славяноведения сыграли труды чешских и словацких ученых: Добровского — «отца славянской филологии», Й. Юнгмана, В. Ганки, Ф. Челяковского, Ф. Палацкого, Я. Колдара, выдвинувшего и обосновавшего идею славянской взаимности, П.-Й. Нафарика, заложившего своими трудами по славянским древностям научную основу для всего последующего изучения древней истории и археологии славянских народов. Возпикшее хронологически ранее всего в Чехии, славяноведение неравномерпо развивалось в различных славянских и неславянских странах. Если в Чехии оно сразу получило широкий научный и культурно-общестненный размах, обусловленный постановкой проблем и задач в общеславянском плане, то в Польше, Сербии, Хорватии и в особенности в Болгарии (где разработка научных проблем славистики началась гораздо позже) в течение первой и отчасти даже второй половины ХІХ в. оно не так часто и не всегда достаточно широко и свободно выходило за рамки своих национальных потребностей и региональных научно-исслеповательских целей.

Однако нельзя забывать, что важный вклад в разработку славяноведения сделали польские ученые С. Линде, В. Суровецкий, И. Раковецкий и И. Лелевель. А великий польский поэт А. Мицкевич впервые широко поставил вопрос о сравнительном изучении славянских литератур. Большое значение в обосновании культурно-исторической общности славян имела деятельность виднейшего представителя сербского Возрождения Вука Караджича, хорватов Л. Гая, С. Враза и словенца В. Копитара, а также и многих других. Из пеславянских стран только в Германии и Австро-Венгрии паблюдалось интенсивное развитие славяноведения; причины и цели этих паучных штудий не требуют комментариев — в силу специфической политической остроты планов этих государств в отношении славянских народов.

Особо следует сказать о развитии славяноведения в России. Здесь еще в XVIII в. М. В. Ломоносовым был заложен прочный фундамент славяно-русской филологии и отчасти истории. Организация славяноведческих исследований мыслилась как изучение языка, литературы и истории других — кроме восточнославянских — славянских народов. Возникнув первоначально как чисто академическая наука (см. труды П. И. Прейса, П. И. Кеппена, А. Х. Востокова, О. М. Бодянского, П. С. Билярского), русское славяноведение ко второй половине XIX в. достигло весьма значительных результатов, успешно соревнуясь с чешским, немецким, а позднее французским и занимая одно из ведущих мест в нашей отечественной истории гуманитарных наук. Следует отметить, что в 60—70-х годах и позже русские слависты представляли собой политически неоднородную группу. Среди них, наряду со сравнительно нейтрально-академической частью

(И. И. Срезневский, А. Л. Дювернув и др.), довольно активно выступали славянофилы, многие из которых придерживались позиции панславизма, пытаясь использовать вполне естественное тяготение порабощенных славянских народов к русскому народу в великодержавно-мопархических целях (А. С. Будилович, А. Ф. Гильфердинг, позже В. И. Ламанский, Т. Флоринский и др.). Однако союз славяноведения с панславизмом не был органическим. Так, учениками слависта И. И. Срезневского были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Н. Г. Чернышевский и его соратники (ср. также вклад в науку о славянстве Л. Каравелова и С. Марковича) выступали против реакционного панславизма с революционно-демократических позиций.

Многие деятели и научные работники в области славяноведения вели последовательную борьбу против славянофилов, объединяя прогрессивные и революционные силы славянства. В самом конце XIX в. и в первые десятилетия ХХ в. в славяноведении наблюдается все более четкая дифферевциация отдельных дисциплин — языкознания, литературоведенвя, фольклористики, истории, этнографии. Общее развитие науки требует более точных и более специализированных исследований и их методики. Значительное внимание уделяется сбору и классификации материала (научное издание славянских памятников и источников, создание дифференциальных словарей славянских языков, сбор диалектных данных и т. п.). В этот период большинство русских ученых не связывает свою судьбу с панславистской пропагандой (Ф. Ф. Фортунатов, В. Н. Щенкин, А. А. Шахматов, М. К. Любавский и др.), это дело предоставляется полунаучным «славяцским благотворительным обществам». Такие слависты, как И. А. Бодуэн де Куртене, открыто выражали свое крайне отрицательное отношение к панславизму, выступая в то же время за сотрудничество славянских ученых.

В начале XX в. русское славяноведение, возглавляемое А. А. Шахматовым, занимало первое место в мировой науке о славянстве, а Российская Академия наук объединяла крупнейших зарубежных славяноведов (В. Ягича, А. Белича, О. Брока, Л. Милетича, Я. Лося, Л. Нидерле и

др.).

В результате первой мировой войны и возникновения новых самостоятельных славянских государств — Чехословакии, Польши, Югославии — Прага и Краков, затем Белград, Варшава, Загреб и в Болгарии София стали крупными центрами славистики. Для славянских стран славяноведение, куда входит и изучение родного языка, родной литературы, культурно-исторических связей между родственными славянскими народами, было мощным фактором национального самосознания и политического сдинсния. Наиболее широко и интенсивно среди славянских стран в ХХ в. славяноведение развивается в Чехословакии и Польше. Показательно для понимания и оценки культурно-политической роли славяноведения в славянских странах то обстоятельство, что до сих пор там президентами академий являются слависты — представители гуманитарных наук (в Чешской Академии наук Зд. Неедлы, в Болгарской — Т. Павлов, в Сербской — А. Белич). В развитии славяноведения заинтересованы также такие страны народной демократии, как Румыния (румынский язык испытал сильное воздействие южно- и восточнославянских языков) и Венгрия, унаследовавшая интерес к изучению славянства от Австрии.

Уже во второй половине XIX в. славяноведение как система дисциплин, исследующих славянские языки, литературу, историю, культуру и этнографию славянства, укрепляется и достигает больших успехов в неславянских странах, особенно в Австрии (в Вене кафедры славяноведения нередко занимали представители южнославянских народов), в Германии и во Франции. Дело в том, что славянское языкознание составляет органическую часть сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Изучение процессов развития славянских литератур чрезвычайно важно

для истории всеобщей литературы (ср. творчество А. Мицкевича, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.). Большую роль в развитии славяноведения в таких странах, как Италия, Англия, Скандинавские страны, Финляндия, играли и политические мотивы. Любопытно, например, что в Англии славяноведение, опирающееся главным образом на изучение русского языка и русской литературы, начинает особенно интенсивно распространяться в системе университетского филодогического образования во время первой мировой войны (с 10-20-х годов ХХ в.). В настоящее время славяноведение усиленно разрабатывается. часто с специфическим политическим уклоном, в университетах и научноисследовательских институтах Западной Германии и Соединенных Штатов Америки. Многие очень крупные слависты этих стран или принадлежат к эмигрантам из славянских государств (например, в Америке — В. Ледницкий, Р. Якобсон, Г. Вернадский, отчасти Д. Чижевский и др.), или воспитались в семьях и школах таких эмигрантов. Победа СССР в Отечественной войне, победа социализма в славянских странах резко повысили интерес в Западной Европе и в Америке к славянским языкам, к славянской культуре, литературе и истории.

В России в 10-20-е годы и вначале 30-х годов славистические исследования проводились в очень значительном объеме (см. труды А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского, П. А. Лаврова, В. М. Истрина, А. И. Яцимирского, Н. М. Петровского, Е. Ф. Карского, В. Н. Перетца, Б. М. Ляпунова, Л. В. Щербы, Г. А. Ильинского, Н. Н. Дурново, А. М. Селищева, Н. К. Грунского, М. Г. Долобко, Д. В. Бубриха, Л. А. Булаховского, С. П. Обнорского, Н. С. Державина и др.). Советские слависты сотрудничали В круппейших изданиях и занимали одно из ведущих мест в мировом славяноведении. В начале 30-х годов, однако, положение резко ухудшается, славистические кадры редеют. Ослабление позиций славянского языкознания в 30-е годы связано с упадком и деградацией у нас сравнительно-исторического языкознания, гонимого не в меру ретивыми последователями акад. Н. Я. Марра. Славяноведение смешивается с панславизмом. Решительные действия некоторых представителей «нового учения о языке» способствуют тому, что в университетах почти полностью прекратилась подготовка молодых славистических надров. Генетическое родство славянских языков объявлялось ересью, славистические издания прекращались (например, «Сравнительная грамматика славянских языков» Г. А. Ильинского была рассыпана после набора). Это положение исправляется во время Отечественной войны и коренным образом изменяется после языковедческой дискуссин 1950 г.

Объем понятия «славиноведение»

Общие черты в истории, культуре и языках славянских народов советское славяноведение объясняет как реальный результат общности их этнического происхождения, смежности территорий и тесных экономических, политических и культурных связей. Славяноведение, подобно другим аналогичным научным дисциплинам — востоковедению (более узко: арабистике, китаеведению, индологии и т. п.) или африканистике (более узко: бантуистике, контоведению и т. п.), является системой научных дисциплин, изучающих язык, литературу, культуру, историю и этнографию славянских народов 1. Такое объединение различных дисциплин основывается на общи ост и происхождения славян, на генетическом родстве их языков и в значительной мере на общих свойствах их исторической судьбы,

¹ Необходимо, само собой разумеется, помнить, что «объединение» с навлюшедешия опирается прежде всего на единство происхождения (т. е. на происхождение ва общего источника) всех славянских языков, между тем как объединение разных десциплии под именем «востоковедения», «африканистики» и т. п. обусловлено главным образом исторически, географически и политически.

фольклора, быта и литературы. Славяноведение развивалось гланным образом как система наук сравнительных и сравнительно-исторических, исследующих языковые, литературные и вообще культурные и общественно-политические связи и взаимодействия славянских народов, специфические условия и закономерности их развития, их роль в истории мировой культуры и т. п. Для исследователей — представителей неславянских народов в понятие славяноведения входило изучение языка, литературы, культуры и истории любых славянских народов, для исследователей-славин славяноведение охватывало обычно изучение всех других славянских народов, кроме своего родного (ср., например, термины «русистика» и «славистика»). Подобное разделение, естественно, является в известной мере условным.

В западноевропейских научных кругах термины «славистика» и «славяноведение» нередко применяются к более узкому понятию «славянской филологии», к изучению лишь языков, литератур и народного творчества, быта и этнографии, но не истории славянских народов. Такое сужение значения возникло, укрепилось и распространилось в связи с практикой интернациональных славистических съездов. Первый международный съезд славистов, как известно, происходил в Праге в 1929 г. Он назывался: І съезд славянских филологов. Вопросы истории здесь ставились лишь в связи с этногенезом славян, происхождением письменности, с развитием славянской культуры. Этот объем проблем был принят также вторым, третьим и четвертым международными съездами славяноведов и стал в известной мере традиционным. Славянские этнографы и географы созывали отдельно свои конгрессы — последний (четвертый) состоялся в Софии в 1936 г. После второй мироной войны эти конгрессы не возобновлядись. Сланянские историки западных стран объединились, создав славянскую секцию при Интернациональном комитете историков (см. материалы конгресса в Риме в 1956 г.), однако дентельность этой секции сравнительно малоэффективна. С Интернациональным комитетом историков осуществияет связь Сонетский национальный комитет историков, в состав славянской секции, или комиссии, Интернационального комитета историков вошли и славяноведы Советского Союза (лингвисты и историки).

Следует отметить, что и в самое понятие «славянской филологии» до сих пор вкладывается не вполне одинаковое содержание. Вот высказывания трех крупных славистов — хорвата В. Ягича, русского Г. А. Ильинского и чеха М. Вейнгарта.

«Славянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях... простонародного творчества, наконец в верованиях, преданиях и обычаях. Таким образом она включает в круг своих занятий: во-первых, научные рассуждения о и з ы к а х славянских,... во-вторых, историю славянских л и т е р а т у р,... в-третьих, историю б ы т о в у ю, изображающую особенности народной жизни во всех ее изгибах. В этом объеме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое» 1.

«Славинская фидология есть культурно-историческая дисциплина, изучающая духовную деятельность славянства, поскольку она проявляется в слове (resp. в языке) и его произведениях»².

«... славянская филология есть историко-сравнительная дисциплина обо всех славянских языках и обо всех произведениях славянской словесности, изучаемых с особым вниманием к то м у, в чем они соприкасаются и ч то их объединяет на протяжении всей истории развития славянства»³.

¹ И. В. Ягич, История славянской филологии, СПб., 1910, стр. 1.

² Г. Ильинский, Что такое славянская филология?, «Уч. зап. Сарат. гос. ун-та», т. І, вып. 3, 1923, стр. 127.

³ M. Weingart, Opodstatě slovanské filologie, Bratislava, 1924, стр. 16.

В соответствии с общим процессом развития знаний о славянстве славяноведение должно рассматривать как совокупность наук о славянских народностях и народах, исследуемых в аспекте лингвистическом, историко-литературном, историческом, археологическом и этнографическом. Сюда, следовательно, относятся такие проблемы: происхождение, этногенез славян, древнейшие связи славянских племен с другими племенами (славяно-балтийская «общность», славяно-германские, славяно-финские отношения), возникновение славянской письменности и литературы, родственные черты в культуре и литературе славянских народов, борьба славянских народов с агрессорами-ассимиляторами (проблема полабских славян, «лужицких славян» и т. д.), славянские исторические, культурные и литературные связи, славянская лингвистическая и этнографическая география, тононамика и т. п.

Следует учитывать также замечание проф. К. Я. Грота о том, что «в область славяноведения..., в его совокупности, входит иногда тесно соединенное с ним изучение народностей, своей судьбой и историей неразрывно со славянством связанных и составляющих с ним один культурно-исторический мир, а именно мадьяр, румын, албанцев и т. д....»¹.

Современное состояние славяноведения за рубежом

Следует разграничить обзоры состояния славяноведения в славянских странах, в неславянских странах народной демократии и в капиталистических странах.

- 1. Как уже было отмечено, более всего развито славяноведение в Чехословакии и Польше, где имеются прочные научные традиции и многочисленные славяноведческие кадры. В этих странах в последние десятилетия предпринят и уже отчасти осуществлен ряд капитальных работ. Среди них сдедует отметить обширный круг лексикографических изданий (старославянский словарь, древнепольский словарь, словари польского языка XVI, XVII и XVIII вв., большие словари современного польского, чещского и словацкого языков), широкое изучение народных говоров, исследование этногенеза славян, их прародины, лексического состава праславянского языка, изучение русского языка, его грамматики и лексики в сравнительном или сопоставительном плане, сравнительное изучение славянских литератур, польско-русских и чешско-русских литературных связей, формирования древнепольского государства, комплексное изучение эпох Возрождения и Просвещения, проблемы реализма в славянских литературах и др. В Югославии и Болгарии славяноведение более ограничено своими национальными задачами. Диапазон славистических исследований в Югославии и Болгарии в последнее время становится более широким.
- 2. В Румынии, Венгрии и ГДР славистика—сравнительно молодая наука. В Румынии и Венгрии до войны лишь единичные ученые запимались славистическими проблемами. Сейчас там существуют большие коллективы, занимающиеся главным образом славяно-румынскими и славяно-венгерскими языковыми, литературными и историческими отношениями (славянская лексика в румынском и венгерском языках и т. п.). В ГДР из ученых старшего поколения остались лишь единицы, но молодое поколение смавистов очень способное и активное. Разрабатываются вопросы истории славистики, топонимики, грамматического строя славянских языков в историческом и сравнительно-исторических аспектах, связей немецкой и славянских литератур, ведется большая практическая работа по русскому языку, по вопросам стилистики художественной литературы, интенсивно изучается история русской литературы XVIII и XIX вв., а отчасти и древнего периода, много внимания уделяется советской литературе.

¹ К. Я. Грот, Об изучении славинства, СПб., 1901, стр. 5.

- 3. В послевоенный период особенно активизировалось изучение славянской истории, славянских литератур и языков в США. Здесь на первом месте выступает русская тематика, но ведутся исследования и по другим славянским народам и языкам. Внимание американских исследователей привлекает современное положение в СССР и странах народной демократии, русская древняя и классическая литература, а также история литератур и народного творчества других славянских народов, грамматический 🐞 фонетический строй славянских изыков и проблема машинного перевода с русского языка (последней проблемой занимаются 4 центра, финансируемые военными ведомствами). Американские славистические учреждения покупают имеющиеся за рубежом славянские рукописи и готовят их к изданию. Американские славяноведы широко привлекают к участию в своих журналах и изданиях специалистов из западноевропейских стран. Почти весь современный состав славяноведов США сформировался во время и после войны, под сильным влиянием славистов, эмигрировавших из славянских стран.
- 4. Почти на прежнем, довоенном уровне сохранилась славистика Франции и Австрии. В Австрии развитие славяноведения даже несколько ослаблено. В Англии же оно, по-видимому, возрастает. Здесь основное внимание уделяется изданиям памятников, сравнительно-историческому изучению славянских языков, изучению русской классической литературы. Значительное развитие в послевоенный период получила славистика Скандинавских стран и отчасти Голландии; в этих странах за последние 15 лет воспитано новое поколение славистов. Свое прежнее очень видное и важное положение в зарубежной славистике стремятся сохранить ученые ФРГ. Следует указать, что славяноведение развивается в таких странах, где оно раньше не было представлено (Канада, Китай, Япония, Индия, Австралия).

Таким образом, объем славяноведческих исследований в капиталистических странах в послевоенный период сильно возрос, что видно хотя бы из общего числа научных славистических центров и периодических и повременных изданий по вопросам славяноведения.

Проблемы современного славяноведения в общественно-идеологическом аспекте

Рост славяноведения в зарубежных странах объясняется не только возросшими после второй мировой войны авторитетом и мощью нашей страны и славянских стран народной демократии. В развых странах по-разному — в дружественных с целью укрепления культурных связей, а в капиталистических странах, особенно среди враждебно настроенных кругов, нередко также с целью изучения противника и пропаганды против него — ведется довольно интенсивное изучение славянских языков, литератур и истории. При этом полем для идеологических атак оказывается не только современность и новая история и литература, но и древность — древняя история, литература, фольклор и даже этногенез. В связи с этим, например, едва ли нормально то положение, что в СССР до сих пор очень мало готовили специалистов по славянским литературам XVII—XVIII вв. и более древнего периода, в то время как за рубежом они исчисляются десятками, всли не сотней.

В наше время перед славяноведением встали новые важные в научноробщественном и социально-политическом отношении проблемы. В настоящее время все славянские народы вступили на путь социалистического развития. Строительство новых справедливых основ социальной, народнообщественной жизни не может не отразиться и на возникновении новых
форм культуры и нового их содержания. Приобщение широких славяноких народных масс к сокровищам национальной культуры, мировой
науки и технического прогресса, нередко находящим воплощение в памятвиках литературы и литературного языка, сказывается и в развитии совре-

менных литературшых языков у славянских народов. Процессы формирования новых характеров людей и новых отношений между вими в условиях социалистического общества настойчиво требуют усовершенствонания и преобразования старых методов словесно-художественного отражения и литературного воплощения и вызывают к жизни новые методы литературно-словесного искусства. Социалистическая действительность с характерным для нее разнообразным и могучим развитием производства и техники, с присущими ей новыми формами быта и экономики порождает новые виды народнопоэтического творчества у отдельных славянских народов. Углубление и расширение международных связей, тесная спайка стран социалистического лагеря — все это также вызывает стремительный рост славянских национальных культур и ведет к обогащению и новому содержанию интернационального фонда духовных ценностей в общественной жизни славянских народов.

Перед славяноведением возникли новые большие и важные задачи. Ему открыты широкие увлекательные перспективы изучения закономерностей развития славянских языков, литератур и народнопоэтического тнорчества, а также процессов культурно-политического и технико-экономического прогресса в социалистическом обществе. Правда, на Западе среди некоторых ученых существует стремление продолжить старую идеалистическую школу славяноведения, представляющую славянство как носителя некоего особого славянского «духа» (особенно в фольклористике), пытающуюся «изучать» этот «дух» и сравнивать его с «духом» германским, западным или каким-либо иным. Этим «теориям» должна быть противопоставлена марксистская наука о славянстве, опирающаяся лишь на реальные исторические факты, толкующая их материалистически, на основе марксистской теории исторического развития общественных явлений.

В некоторых случаях может возникнуть вопрос: верно ли, что спавяноведение изжило себя и уже нет реальной почвы для отдельного существования такой научной области? Безусловно изжило себя славяноведение старого типа, подобное школе акад. В. И. Ламанского или проф. А. С. Будиловича, сводящее снои исследования к изысканиям общего славянского «духа» и общеславянской «идеи». Но славяноведение как комплекс исторических и филологических наук, изучающих реально существующие связи, общие истоки и пути развития славянских языков, литератур и истории славянства, имеет все права на жизнь и дальнейшее развитие. Теоретическая и практическая важность развития славяноведения в СССР очевидна. Иной вопрос, какие организационные формы следует признать наиболее целесообразными для успешного развития славяно ведения и нашей стране.

Состояние славяноведения в СССР до IV Международного съезда славистов

Организационные основы современного советского славяновсдения были заложены во время Великой Отечественной войны и вскоре после ее окончания. Решением Министерства высшего образования были открыты кафедры славяноведения в Москве, Ленинграде, Киеве и Львове (эти города и стали наиболее звачительными центрами славистики в СССР). Постановлением Совета Министров от 31 VIII 1946 г. был создан Институт славяноведения АН СССР в Москве (с отделением в Ленинграде). В этом институте явственно преобладают и особенно плодотворно, широко и успешно разрабатываются вопросы истории славянских народов и славянских культур. Однако тематика и проблематика литературоведческих и лингвистических исследований здесь еще не захватывает ни с исторической, ви с этно-географической точки зрения важных областей славянской филологии. Славяноведческие проблемы исследуются также в научных институтах Отделения литературы и языка АН СССР — Институте русского языка,

Институте русской литературы (Пушкинский дом), Институте мировой литературы им. А. М. Горького, в институтах языка и литературы Белорусской Академии наук, в Институте языкознания им. А. А. Потебни и в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, в университетах Воронежа, Харькова, Одессы, Саратова, Тбилиси, Еревана, Алма Аты, Львова, в педагогических институтах Тамбова, Ярославля и др. городов.

Таким образом, славяноведение у нас разрабатывается в разъединенных ячейках разных научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. Показательно, что IV Международный съезд славистов в 1958 г. был организован и успешно проведен в Москве главным образом усилиями Отделения литературы и языка Академии наук СССР и его институтов. Необходимо отметить, что за последние десять лет подготовка славистов у нас заметно улучшилась и расширилась.

В своем научном развитии советские славяноведы использовали опыт и достижения русской дореволюционной и советской исторической и филологической науки, прежде всего опираясь на многочисленные и капитальные труды по русской истории, русской литературе и русскому языку, а отчасти и по истории языков, литератур и культур украинского и белорусского пародов. Изучение же языков, литератур, культур и истории южнославянских и западнославянских народов нужно признать все еще недостаточным.

В период после Великой Отечественной войны в Советском Союзс основные славистические разрабатывались следующие мстория славянских народов (история Болгарии, Польши, Чехословакии); история революционного движения в славянских странах; история социалистического строительства В славянских история отдельных славянских литератур, преимущественно времени (болгарской, чешской, польской — общие обзоры и отдельные проблемы); проблемы социалистического реализма, реализма и романлитературах; межславянские славянских вязи; проблема славянского этногенеза; история восточнославянских языков; сравнительная славянская акцентология; история и диалектология болгарского языка. Значительно меньше изучалась лингвистическая география болгарского языка. Балто-славянские этнические и языковые связи исследовались в недостаточной степени. Очень слабо развивалось сравнительно-историческое изучение грамматического строя славянских языков, особенно западнославянских. В отдельных работах затрагивались вопросы фонологии и морфологии общеславянского языка. Ослаблено **Т**радиционное у нас изучение старославянского языка и церковнославянских памятников разной редакции. Наиболее широко и разносторонне изучались закономерности развития восточнославянских литературных языков, особенно русского и украинского.

Перечень этих проблем, котя и далеко не полный, свидетельствует, то советское славяноведение еще не охватывает весь комплекс научных задач, выдвигаемых современным славяноведением, и что по целому ряду славяноведческих дисциплин в нашей стране пока не развиваются в достаточной степени необходимые исследования. Показательно, например, что в Белоруссии в Минске до сих пор не велось крупных славяноведческих исследований. Признанный всей зарубежной научной печатью успех советского славяноведения на IV Международном съезде славистов показал, то советские ученые при дружной координации своих действий и правильной организации научных исследований могли бы не только запять центральное место среди славистов стран народной демократии, но и выступить как руководящая активная сила, оказывающая благотворное влияние на энергично развивающееся (нередко с явно антимарксистскими, втисоциалистическими, реакционными тенденциями) славяноведение в западной Европе и США.

Перспективы развития советского славяноведения

Период от конца Великой Отечественной войны до IV Международного съезда славистов можно считать периодом созревания современного советского марксистского славяноведения. Следует продолжить работу по мобилизации научных сил и координации научных исследований, начатую Советским комитетом славистов. В 1963 г. в Софии будет созван V Международный съезд славистов. Советские слависты должны широко и активно включиться в подготовку этого международного конгресса. Следует еще больше активизировать работу на местах (на Украине, в Белоруссии, в университетах других национальных республик, а также областных центров Российской Федерации). Желательно поддержать просьбу Украинского комитета славистов об открытии славяноведческих кафедр в Одессе и Харькове и оказать помощь белорусским ученым в организации в Минске крупного славяноведческого центра. Крайне важным было бы создание специального славяноведческого журнала в СССР.

Большую мобилизующую роль в развитии советского славяноведения сыграл IV Международный съезд славистов, происходивший в Москве. Здесь исно обозначились актуальные задачи славяноведения и перспективы его развития в мировом аспекте. Все это, особенно в связи с общим подъемом советской науки на современном ее этапе, не могло не отразиться и на создании научно-исследовательских планов по славяноведческой тематике в соответствующих наших институтах и высших учебных заведениях. Эти планы на ближайшее семилетие (на 1959—1965 гг.) очень интересны и показательны (в дальнейшем излагается проблематика работ только лишь по славянскому языкознанию).

В Институте славяноведения развертываются исследования в области балто-славянских отношений древнейшего периода: изучаются в этой связи вопросы ударения, количества, интонации, глагольного словообразования. Большое место отводится этимологическим изысканиям, охватывающим названия животных в славянских языках, ремесленную терминологию ткачества, гончарного дела, обработки металлов и т. п. Ведутся подготовительные работы по сравнительной лексикологии славянских языков и над общеславянским лингвистическим атласом. Развивается монографическое изучение отдельных проблем сравнительно-исторической грамматики славянских языков, например, по истории личных местоимений, по теории глагольного вида, по раскрытию системы падежей старославянского языка и т. д.

Заслуживает особого упоминания большая работа над «Атласом болгарских говоров» совместно с Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук.

В области сравнительно-исторического изучения славянских языков основная задача Института русского языка на предстоящие годы заключается в исследовании древнейшего периода истории русского языка, точнее — истории древнерусского языка, которое должно производиться путем использования языка древних памятников письменности и сравнительно-исторического изучения современных восточнославянских языков — русского, украинского, белорусского.

Материалы для этого в предстоящем семилетии будут широко представлены в картотеке Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) и в пополненной картотеке Словаря старорусского языка (XV—XVII вв.), причем первые тома обоих словарей будут выпущены к концу этого периода. Кроме того, в Институте русского языка развиваются исследования по сравнительно-исторической морфологии и сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков.

Однако сравнительно-исторические исследования в Институте русского языка не должны ограничиваться только восточнославянскими языками, так как многие древнейшие явления в них генетически тесно связаны с

соответствующими явлениями южнославянских и западнославянских языков. В связи с этим в институте изучаются вопросы праславянской морфологии, а в дальнейшем будет разрабатываться и праславянская фонетика.

Важной темой в области сравнительно-исторического изучения славянских языков явится общеславянский лингвистический атлас, подготовка к которому начата в 1959 г. Работа над общеславянским лингвистическим атласом, в общем не отличаясь по методу собирания материала от обычных диалектологических работ, коренным образом отличается от них по своей научной направленности, по тем задачам, которые она ставит и которые целиком относятся к сфере сравнительно-исторической грамматики и лексикологии славянских языков. В то время как изоглоссы национального атласа дают материал для истории данного языка, изоглоссы общеславянского атласа должны дать материал для истории взаимоотношений между славянскими языками в разные эпохи, особенно древнейиме, для истории образования славянских языковых групп, развития различий между славянскими языками, для изучения праславянских языковых процессов и диалектных различий праславянской эпохи, для характеристики строя праславянского языка и его лексического состава. Впрочем теория лингвистического атласа группы родственных языков еще совершенно не разработана ввиду отсутствия подобного рода труда в мировой лингвистической науке.

Славяновелческую проблематику Института славяноведения и Института русского языка АН СССР существенно дополняет план научно-исследовательской работы по вопросам славянского языкознания, намеченный Институтом языковедения им. А. А. Потебни АН УССР. Здесь на первом месте стоит подготовка сравнительно-исторической грамматики славянских языков. По этой теме в ближайшие годы основные исследования будут сосредоточены на вопросах славянской акцентологической системы, исторического словообразования в славянских языках (на материале южно- и западнославянских языков), сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков. Далее идут темы из области сравнительно-исторической лексикологии этих языков (историческое развитие общеславянской лексики различных семантических категорий в славянских языках, праславянская лексика). Большое место занимают также исследования в области истории славянских литературных языков. Здесь выделяются следующие проблемы: 1) роль старославянского (церковнославянского) языка как международного культурного (литературного) языка славянства; 2) соотношение и взаимодействие современных славянских литературных языков; 3) общие закономерности развития славянских литературных языков в разные периоды их истории. Само собой разумеется, что вопросу об исторических связях украинского языка с другими славянскими языками уделяется особенное внимание. К этой исторической и сравнительно-исторической проблематике присоединяется изучение грамматической системы современных славянских языков (сравнительное изучение грамматической системы южно- и западнославянских литературных языков, сравнительная грамматика восточнославянских языков).

С планом славистических исследований киевского Института языковедения им. А. А. Потебии в значительной степени связана и проблематика славянского языкознания в научно-филологических учреждениях г. Львова. И здесь широко представлены вопросы славянского исторического словообразования (русского, украинского, белорусского, чешского), чаще в сравнительном аспекте. Интересны отдельные темы в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков: части речи в восточнославянских языках и их характеристика, история склонения основ на согласный в славянских языках, развитие указательных местоимений в болгарском языке и др. под. У львовских славистов ощутителен большой интерес к славянской топономастике («Топонимика Львовской области»,

«Современные украинские фамильные названия: происхождение, словообразование, география» и др. под.). Разрабатываются проблемы сравнительной славянской лексикологии (например, славянские наименования цветов), вопросы стилистики восточнославянских языков. Однако по удельному весу здесь на первое место выдвигаются проблемы славянской лексикографии («Словарь древнеукраинского языка», «Фразеологический словарь украинского языка», «Чешско-украинский словарь») и истории украинского языка старшего периода (XIV—XVII вв.).

Гораздо беднее и ограничениее лингвистическая тематика славяновелческого характера в Институте языкознания им. Я. Коласа АН БССР. Здесь в центре исследований лежит проблема «Сравнительно-историческое изучение белорусского языка в его взаимосвязях с другими славянскими языками». По этой проблеме ведутся исследования в следующих четырех направлениях: 1) белорусско-польские языковые связи (по дексическим данным); 2) местоимение в славянских языках; 3) оценочные прилагательные в славянских языках; 4) вопросы изучения семантики соотносительных фразеологических единии некоторых славянских языков. Кроме того, полготавливается работа, раскрывающая становление и развитие белорусской лингвистической терминологии сравнительно с лингвистической терминологией других славянских языков. Необходимо отметить также развертывание исследований по белорусской ономастике: «Белорусские опомастические названия в их отношении к ономастическим названиям близко родственных языков». Наконец, широко изучаются взаимосвязи и взаимодействия белорусского и украинского литературных языков.

Если к этой разнообразной и важной программе исследований по славянскому языкознанию присоединить обнирный круг работ но русскому языку, ведущихся на кафедрах русского и славянского языкознания университетов и других высших филологических учреждений и во многих направлениях связанных с многими как общими теоретическими, так и конкретно-историческими вопросами славистики, то перед нами предстанет мощный и богатый содержанием поток лицгвистического движения в сфере советского славяноведения.

В плане изучения русского языка русистами выдвигаются, между прочим, проблемы, связанные с общей мыслью о сближении славянских языков современности, так как сейчас наступило время, когда усилились славянские взаимоотношения, а межславянский языковой обмен в этих условиях (взаимные переводы и т. п.) может содействовать в известных пределах сближению речи. Задача состоит, следовательно, в установлении этих пределов, т. е. в выяснении того, какие стороны языка (русского и других славянских) не противоречат такому сближению. Сюда, например, относятся: 1) нопросы сравнительной фонологии современных славянских языков. Один частный вопрос из этой проблематики для русского языка имеет большое практическое значение (для орфознии и орфографии). Этовопрос о произношении долгих и недолгих согласных в заимствованных словах; 2) вопросы сближения славянских терминологий; при этом имеются в виду главным образом национальные фонды, различающиеся ипогда только приемами парадлельного (дублетного) словообразования; 3) изучение семантических типов и, в связи с этим, синонимических дублетов, общих для многих славянских языков не только в сфере литературной речи, но и в сфере диалектов.

Несмотря на широту и разносторонность намеченных планов развития славянского языкознания в СССР, все же хотелось бы высказать пожелание о том, чтобы возродилось изучение хотя бы некоторых из забытых у нас в настоящее время, но некогда прославленных заслугами русских ученых областей славяноведения. Такова, например, область исследования старославянского языка и его памятников, а также истории развития церковнославянского языка в разных славянских странах.

По разным историческим причинам изучение старославянского языка в нашей стране почти свелось на нет. Необходимо восстановить былую славу русской пауки в области исследования памятников старославянской письменности и их языка, а также церковнославянских памятников и их языка, в обилии хранящихся в рукописных отделах многих наших архивных учреждений. Здесь можно было бы наметить на ближайшее время и отдельные частные сферы изучения.

- 1. Наличие в нашей стране таких рукописей, как Киевские листки, Зографское и Мариинское евангелия и другие, является прекрасной основой для развертывания работы по палеографии глаголицы. Ведь после изнестного труда В. Ягича по палеографии глаголицы, а также работ И. Вайса изыскания этого рода почти не продолжались. Нерешенных вопросов здесь много, и они ожидают исследователя.
- 2. Лексика старославянского языка изучена мало, причем главным образом изучалась она в плапе анализа так называемых лексических вариантов, передающих одно и то же греческое слово (работы В. Ягича и некоторые другие). Существующие исследования в этой области требуют проверки на основе изучения употребления и значения слов в текстах различных памятников старославянской письменности.
- 3. Вопрос о русской редакции памятников старославянской письменности является совершенно неисследованным.
- 4. Роль церковнославянизмов в памятниках древнерусской письменности, даже таких, как «Повесть временных лет», Новгородская I летопись и т. д., почти совсем не изучена.
- 5. Необходимы исследования по фонетике и грамматике намятников старославянской письменности, особенно по синтаксису, очень мало изученному (ср., например, работу X. Бирнбаума о формах описательного будущего времени в намятниках старославянской письменности 1).
- 6. Многие памятники старо- и церковнославянской письменности ожидают издания.

Советское языкознание, двигаясь собственным путем, но не чуждаясь того ценного и положительного, что достигается в разных направлениях зарубежной лингвистики, пользуется, естественно, различными приемами и методами при исследовании славянского языкового материала. Рассматривая язык как специфическое общественное явление, советское языкознание не порывает тесных связей и контактов с другими общественными науками. Поэтому и в области славяноведения советские лингвисты сотрудничают вместе с литературоведами, обращаясь к вопросам стилистики славянских художественных литератур, принимая активное участие в изучении истории стилей той или иной национальной славинской литературы, характеризуя словесное мастерство писателя. С другой стороны, и сами наши литературоведы (например, А. И. Белецкий, Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, П. Н. Берков и др.) органически связывают изучение движения и смены литературных направлений с историей развития и преобразования разных словеспо-художественных систем в русской, украинской и иных славянских литературах.

Таким образом, изложение перспектив развития советского славяноведения даже по разделу языкознания было бы неполным и односторонним без указаний на сотрудничество лингвистов с литературоведами в области изучения стилей славянских литератур. Но и этого мало. Необходимо также упомянуть о полезности и целесообразности совместных работ языковедов со славистами — историками, археологами и этнографами. Советскими историками и археологами изучаются такие проблемы, как проблема славянского этногенеза, проблема исторических связей между славянскими народами, проблема возрождения и гуманизма в славянских

¹ H. Birnbaum, Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen, Stockholm, 1958.

странах, проблема изучения и публикации письменных источников по истории славянских стран, проблема изучения топонимики славянских стран и другие, которые представляют исключительный интерес и для историка славянских языков. Частично с этой проблематикой соприкасается также план исследований Института этпографии АН СССР в области славяноведения.

Перед советскими этнографами-славистами стоят следующие проблемы, решение которых возможно только в результате комплексных исследований ученых разных профилей.

1. Этногенез славянских народов

Работа должна вестись совместно историками, этнографами, археологами, лингвистами, фольклористами и антропологами. Сложные вопросы происхождения и этнического развития славянских народов до настоящего времени не получили достаточно полного освещения. Между тем накопленный совстской наукой и учеными славянских стран материал может уже послужить базой для обобщающих работ по этим вопросам.

2. Развитие материальной и духовной культуры славянских народов

Здесь важно выявить элементы, общие для всех славянских народов или отдельных их групп, и те национальные особенности, которые обусловлены историческим развитием каждого народа. При этом должны изучаться и более мелкие этнические группы каждого славянского народа.

Важное значение в разработке этой проблемы имеет составление историко-этнографических атласов, которые должны показать распространение и развитие важнейших элементов материальной и духовной культуры (с.-х. орудия, жилище и хозяйственные постройки, одежда, пища, средства передвижения, обряды и т. п.). Работа по составлению таких атласов уже ведется. В Институте этнографии АН СССР подготовлены 3 выпуска Русского этнографического атласа Европейской части СССР: Сельско-хозяйственная техника, Жилище, Одежда. Начали подготовку к составлению такого атласа и украинские этнографы. Уже вышел из печати ряд выпусков «Польского этнографического атласа». Эту работу необходимо координировать и составлять атласы для разных народов по одним и тем же разделам, чтобы в дальнейшем составить общий Славянский историко-этнографический атлас. Составление историко-этнографических атласов должно вестись в тесном контакте с лингвистами, подготовляющими диалектологические атласы славянских языков.

3. Изменения быта и культуры спавянских народов в исриод строительства социализма

Исследование этой проблемы — одна из актуальнейших задач, стоящих перед советскими учеными. Здесь важно изучать изменение национальных форм материальной культуры, семьи, формирование нового общественного быта и пр. Для языковеда особенно существенна тема «национальный язык и социалистическое общество».

В целях расширения и углубления исследований по современной тематике и получения сопоставимых материалов целесообразно координировать эту работу в разных славянских странах и проводить сбор полевых материалов по единым программам и методике. Это даст возможность выявить общие закономерности развития культуры и быта в период перехода к коммунизму. При этом важно установить национальную специфику развития, выяснить, какие традиционные элементы сохраняются и развиваются, в каком направлении они изменяются.

4. Народное художественное творчество (поэзня, музыка, изобразительное прикладное искусство)

Материалы народного искусства, изучаемые в историко-сравнительном илане, имеют большое значение для выявления как общности славянских народов, так и особенностей каждого из вих. Одной из основных задач является изучение современного состояния различных отраслей народного искусства, использование национальных традиций и выявление новых тем, сюжетов и образов, отражающих изменения в сознании народа.

Конечно, один аспект — языковедческий — рассмотрения ближайших перспектив развития советской славистики не дает общего представления о всем славяноведческом фронте нашей гуманитарной науки. Но даже только и в этом аспекте ясна необходимость координации и объединения всех славяноведческих исследований в нашей стране. Быть может, наилучшим органом или инструментом такой координации явится Ученый совет по славяноведению с широким представительством всех заинтересованных институтов и высших учебных заведений, состоящий из наиболее авторитетных славистов Советского Союза. Этот Ученый совет мог бы функционировать при Отделении литературы и языка АН СССР в тесном контакте с Отделением исторических наук. Конечно, при соответствующем изменении структуры и научно-организационных форм эти функции мог бы взять на себя и Сонетский комитет славистов.

Во всяком случае трудно рассчитывать на быстрые, решительные и необходимые с научной и политической точки зрения успехи славяноведения при существующей раздробленности и разъединенности в организации славяноведческих исследований, особенно в области языкознания и литературоведения. Необходимо иметь в виду, что на нас — советских филологах-славистах — лежит огромная задача активного участия в V Международном съезде славистов в Софии. Председателем Международного комитета славистов до 1960 г. остается представитель советского славяноведения.

В предстоящем семилетии предполагается укрепить международные научные связи в области славиноведения и предпринять ряд совместных работ со славиноведами стран народной демократии (общеславинский лингвистический атлас, создание словари книжнославинского языка, изучение истории славиноведения и др.), произвести широкий обмен опытом, осуществить ряд совместных конференций.

1959

н. и. конрал

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

После победы Народной революции китайские языковеды стали вести особенно интенсивную работу. Перед ними стояли задачи поистине исторической важности: своим трудом они должны были способствовать укреплению позиций китайского национального языка на той подлинно всенародной почве, которую создала для него Народная революция; они должны были содействовать выработке литературной нормы национального языка, разработать научные основы преподавания современного литературного языка в школе. Эти задачи китайские языковеды выполняют с честью и достигли уже очень мно ого.

Значение деятельности китайских лингвистов — специалистов по родному языку — выходит за пределы собственно китайского языкознания. Они изучают язык, строй которого, именуемый обычно изолирующим, раскрыт в гораздо меньшей степени, чем строй языков агглютинативных и флективных. Поскольку же анализ строя изолирующих языков составляет часть общего языкознания, столь же важную и необходимую, сколь и анализ языков другого строя, постольку работа китайских лингвистов имеет первостепенное значение и для общего языкознания. Поэтому следить за работой китайских специалистов должны не одни лингвисты-китаеведы, но и все, кто интересуется общими проблемами науки о языке.

Есть при этом одно особое обстоятельство, делающее работу китайских языковедов еще более интересной для лингвистов: китайские языковеды имеют свою национальную традицию, созданную двухтысячелетней историей лингвистической мысли в их стране. В своей работе они то спорят с этой традицией, пересматривают ее, то пользуются ею, принимают и развивают некоторые ее положения. Ввиду этого всякому, кто желает лучше поиять и общее направление современного языкознания в Китас, и конкретную работу его нынешних представителей, необходимо хотя бы в самых общих чертах знать важнейшие положения этой традиции. Данная статья и имеет своей целью разъяснить некоторые из таких положений.

1

В истории языкознания в Китае, как и в некоторых других странах Востока, можно различать два периода: до знакомства с европейской наукой о языке и после знакомства с нею. Основанием для такого разделения служит различие в принципах и методах лингвистического исследования: в первом периоде языковеды этой страны ведут изучение своего языка на основе принципов и методов, которые сложились вне влияния европейского языкознания вообще, во втором периоде—на основе принципов и методов европейского языкознания. Таким образом, в первый период наука о языке развивалась в рамках своей национальной традиции, во второй — в традициях европейского языкознания, которое рассматривается не как явление, возникшее и развившееся исторически также в русле некоей своей традиции, в данном случае западноевропейской, а как наука о языке вообще.

Переход от одного периода к другому связан с распространением в данной стране Востока европейской науки и европейского образования и

с появлением национальных ученых, получивших подготовку либо в Европе или Америке, либо в своих учебных заведениях, к тому времени уже вполже европеизированных. Иногда при этом бывает возможно обнаружить определенный факт, который служит знаком подобного перехода. Таким фактом может оказаться появление первой работы об определенном восточном языке, написанной местным автором по образну европейских работ. Большей частью это бывает грамматика своего языка, что мы видим например, в Японии: в 1833 г. там полвилась первая свропеизированная грамматика японского языка, написанная Цурумина Сиганобу. То же наблюдается и в Китае: в 1898 г. вышла грамматика китайского языка Ма Цзынь-чжуна «Маши вэнь тун». В подобных случаях явственно обнаруживается ориентация авторов на грамматику какого-либо из европейских языков. Так, китайский автор ориентировался на грамыатику франмузского языка, а через нее — на грамматику латинского; японский на грамматику голландского языка. Объяспяется это историко-культуршыми условиями: французский язык в XVII—XIX вв. был языком наиболее известным тем образованным китайцам, которые соприкасались 6 французскими миссионерами в Китае: голдандский язык был единственвым европейским языком, с которым японцы имели дело с начала XVII в. по середину XIX в.

Уже в этот начальный момент обпаруживается невозможность построить грамматику своего языка целиком по схемам грамматик европейских языков. В той или иной мере авторам даже первых европеизированных грамматик пришлось освещать некоторые явления своего языка в духе прежней традиции. Так, вапример, Ма Цзянь-чжун, стремившийся распределить слова китайского языка по рубрикам обычных для грамматики европейских языков частей речи, все же не мог не сопоставить их со свокми исконными лексико-грамматическими категориями —«полных слов» (шицзы) и «пустых слов» (сюйцзы). Цуруминэ Сигэнобу, также распреде ливший слова японского языка по рубрикам частей речи европейских грамматик, не мог обойтись без традиционных для старого японского языкознания категорий «слов-субстанций» (тайгэн) и «слов-акциденций» (ёгэн), соединив к тому же эти категории с указанными китайскими, в свес время перешедшими и в японское языкознание; он определил, например, существительные как «слова-субстанции-полные» (дзиттайгэн), а предккативные прилагательные как «слова-субстанции-пустые» (кётайгэн).

Подобное соединение европейской традиции с национальной продолжалось и в дальнейшем: при этом обычно наступает такой момент, когда вырабатывается как бы некая схема своеобразного эклектизма: ноявляется работа, в которой обе традиции сочетаются широко и обдуманно, и эти работы на некоторое время становятся своего рода эталоном для других грамматик, особенно учебных. Именно такой работой в Китае была грамматика Ян Шу-да «Гаодэн говэньфа» 1913 г. (ср. в Японии грамматику Оцуки Фумихико 1897 г.). Поздисе, однако, элементы эклектизма ослабевают, и обе традиции начинают восприниматься критически: от каждой берется лишь то, что по мнению данного исследователя приложимо к сворму языку. О наступлении такого критического этапа в грамматической науке Японии свидетельствует теоретическая грамматика японского языка Ямада Ёсно (1908), в Китае — также теоретическая грамматика китайского языка Лю Фу «Чжунго вэньфа тундунь» (1920). Такие грамматики положили начало углубленному изучению своих языков — ливии, представленной и в Китае, и в Японии работами ряда крупных ученых. В Китае это — Чэнь Чэн-цээ «Говэньфа цаочуан» (1922), Цзинь Чжао-цзы «Гованьфа-ды яньцэю» (1922), Хэ Хэ-жун «Чжунго вэньфа лунь» (1937), Ван Ли «Чжунго сяндай юйфа» (1943), «Чжунго юйфа лилунь» (1945), Гао Мин-кай «Ханьюй юйфа лунь» (1948), Люй Шу-сян «Чжунго вэньфа долюс» (1941). В Японии такими учеными были Мицуя Сигэмицу, Сакума Канаэ, Хасимото Синкити, Киндаити Кёскэ, Есидзава Есинори и др.

Следует отметить одну черту, характерную одинаково и для нового китайского, и для нового япоиского языкознания; работа сначада велась на материале того, что в этих странах считалось тогда «литературным языком». А это был язык письменный, книжный, т. е. язык старый, весьма отличный от современного живого разговорного языка этих стран. Ма Цзянь-чжун, автор первой такой грамматики китайского языка, построид все даже на материале древнего китайского изыка, языка древних классических намятенков; с письменнолитературным языком, как мы такой язык цазываем, имен дело ч Цуруминэ Сигснобу, создавший цервую европеизированную грамматику японского языка. Это вызывалось существовавшим тогда представлением, что языком, достойным изучения, является только старый письменнолитературный язык, живой же разговорный язык долгое время рассматривался как «язык простонародный» («сухуа»в Китае, «дзокуго»— в Японии). Такой взгляд был, конечно, не случаен: за ним скрывалась языковая действительность того времени, состоящая в том, что новый литературный язык, точнее — литературная норма напио-(в общественно-историческом смысле этого понятия) нального языка тогда еще только складывалась, а грамматическое изучение языка обычно имеет своим материалом именио такую норму. Кроме того, и в программу школьного образования входил только письменнолитературный язык. Поэтому знаменательной вехой в истории нового языкознания в Китае и Японии является момент, когда появляются первые грамматики современного языка. Первую грамматику китайского языка создал Ли Цзинь-си «Синьчжу гоюй вэньфа» в 1924 г. (в Японии — Мацусита Дайцзабуро, в 1901 г.).

Появление таких грамматик служит наглядным свидетельством не только развития китайского и японского языков как национальных, но и образования в них своей литературной нормы, иначе говоря — свидетельством сложения нового литературного языка.

Вместе с тем такой поворот оказывается связанным и с общественной обстановкой в страче — с развитием демократического движения. Эта сторона особенно отчетливо проявляется в Китае: усиление внимания к современному языку совпало с обстановкой широкого подъема демократического движения, известного в Китас под названием «Движения 4-го мая» (1919 г.). Обращение к современному языку в лингвистике сочеталось с борьбой за современный язык в художественной литературе и в школе. Такой факт имеет весьма важное значение. Поскольку грамматическая наука до этого строилась на материале старого литературного языка, постольку ири изучении грамматического строя языка и в новую эпоху сис имела большую силу традиция; при изучении же современного языка исследователь был более свободен от власти прошлого. Ввиду этого именно по линии грамматической науки и проявилось больше всего, с одной стороны, влияние различных течений западной лингвистической мысли, с другой --- собственной оригинальной паучной мысли. Следует сказать, что и в Китае, и в Япошии в настоящее время изучение старого литературного языка («вэньянь»— в Китае, «бунго»— в Японии) начинает закономерно отходить в область истории языка, и на первое место постепенно выдвигается современный язык. Особенно отчетливо такой поворот замечается в Китас, в чем нельзя не видеть влияния победы Народной революции, властно направившей винмание исследователей на все, что входит в орбиту жизни народа в настоящее время. По все же национальная традиция продолжает действовать. И это объясняется не только тем, что представления о своем языке, как они сложились исторически, продолжают держаться в умах, по и тем, что современный язык, каким бы новым ни был его общий облик сравичтельно со старым языком, складывался в течение столетий, и эти столетия в какой-то мере и в каком-то качество существуют в нем и сейчас. Поэтому так важно учитывать, как национальные традиции представлены в работе наших китайских коллег.

Хань Юй — философ, публицист и поэт 1X в.— однажды написал в «Суп Мэн Дун-е сюй»: «Самое существенное в том, что создается человеческим голосом, есть слово». Это было сказано в относительно позднюю эпоху, во всяком случае для Китая, — в его Средпевековье, по представление, что главное в языке — слово, возникло в Китае еще в Древности.

Наглядным свидетельством этого служит китайская письменность, называемая нами пероглифической. Самые раниие из дошедних до нес намятников китайской письменности — надписи на костях животных, относящиеся к XII в. до н. э., удостоверяют, что каждый пероглиф был призван обозначать слово. Таким образом, письменный знак был логограммой. И такой логографией китайское письмо оставалось очень долго: отчетливые следы своего логографического происхождения китайская письменность сохраняет до наших дней.

О том, что слово было первым осознанным элементом языка, свидетельствуют и дошедшие до нас древние сочинения, отразившие в себе лингвистическую мысль древинх китайцев: эти сочинения — словари. Важнейшим из них считается знаменитый «Шовэнь» (около 100 г. н. а.). Слава его основана не только на том, что он содержит в себе свыше девяти тысяч знаков, т. е. слов, что, по-видимому, следует считать основным словарным составом древнего китайского языка, по главным образом на том, что этот словарь устанавливает категории письменных знаков, иначе говоря, раскрывает структуру китайской письменности. Нам, однако, кажется, что «Шовэнь» содержит в себе и то, что можно назвать системой представлений о слове — такой, какой она сложилась к 100 г. н. э. Ведь само конструирование письменного знака для каждого слова было основано именно на представлении о слове, подчинено попиманию различных сторон слова. На этой основе и создалась идентификация знака слова с самим словом — факт, позволяющий нам рассматривать многие памятимки последующего времени, говорящие о письме, как работы и о языке.

Обращаясь к словарю «Шовэнь» как к сочинению, в котором отражена лингвистическая мысль древних китайцев, мы можем обнаружить в нем следующее.

- 1. Каждое слово мыслилось как некое единство ряда элементов, его составляющих,— единство, отличное от других подобных же единств. Свидстельством такого представления является строгая индивидуализация графического символа слова его графического знака, индивидуализация не только формы входящих в такой знак элементов, но и их числа и расположения.
- 2. Основным элементом слова считалось значение, что подтверждается содержанием словарной статьи. При всех своих модификациях словарные статьи имсют одну цель: раскрытие значения слова.
- 3. Другим элементом слова считалось звучание. О наличии представления о звуковой стороне слова свидетельствует введение в определенных случаях в состав грамматического знака слова специального фонетического определителя особого графического элемента, назначением которого было только указывать на звучание слова, обозначенного данным графическим символом.
- 4. Существовало представление о лексической омонимии. Это можно усмотреть, во-первых, в применении одного и того же фонетического определителя для указания на звучание разных по значению слов. Наличие представления о лексической омонимии обнаруживается, во-вторых, и в случаях применения целого знака, выработанного специально для определенного слова с целью обозначить слова с другим значением, но с тем же звучанием. Так, например, знак, созданный для обозначения слова «феникс», без всякого изменения применялся для обозначения одинаково

звучащего слова «друг». В этом случае омонимичность соединялась с омографичностью, чего нельзя сказать о первом случае, где омонимичность налицо, а омографичность является частичной — лишь в том элементе письменного знака, который призван обозначать звучание.

- 5. Существовало мнение о соотнесенности значения слова с понятием. которое в свою очередь рассматривалось как нечто производное от представлений. Наличие идеи о такой соотпесенности можно усмотреть в том, что графическим символом слова в одних случаях служил рисунок изображение предмета, обозначенного данным словом: такой рисунок являлся графическим символом понятия, основанного на наглядном представлении предмета. Подобные случаи мы видим в обозначении рисунками значения слов вроде «дерево», «птица», «рыба», «гора», «глаз», «человек», «рот», «рука» и т. д. В других случаях, когда понятие рождалось из взаимодействия нескольких представлений, это находило свое отражение в том, что знак тогда представлял собою комбинацию рисунков — графических символов отдельных представлений, что мы наблюдаем при определении значения, например, таких слов, как «стойло» или «весна»: знак для слова «стойло» состоял из рисунка крыши и помещенного под ним рисунка животного с рогами; знак для слова «весна» в одной из его древнейших форм состоял из рисунка растения с расположенным под ним изображением солнца, т. е. тепла, появляющегося с наступлением весны и вызывающего рост растений. Наконец, в третьих случаях соотнесенность значения слова с понятием находила свое выражение во введении в графический символ слова особого понятийного определителя, детерминатива; только в таких случаях указывалось не единичное понятие, а групповое, охватывающее несколько понитий по какому-нибудь общему для всех них признаку. Для того же чтобы было ясно, какое именно понятие из этой группы соотносится со значением данного слова, обращались к звуковому символу этого значения, т. е. вводили в знак слова и фонетический определитель. В подобных случаях путь к соотнесению значения слова с понятием был таков: сначала возникало звуковое представление о данном слове, например, оно звучит хэ, но так как слов с таким звучанием было несколько, например «река» и «топорище», то для понимания, имеется ли в виду хэ — «река» или хэ — «топорище», к фонетическому определителю в первом случае приписывался детерминатив «вода», во втором --«дерево».
- 6. Существовало представление о группах слов, о чем свидетельствует то, что слова в словаре «Шовэнь» распределены по определенным группам, причем основанием для отнесения нескольких слов к одной группе служил один признак из комплекса признаков, образующих значение слова, воспринимаемый как главный. Таким признаком могла быть сочтена принадлежность того, что обозначалось данным словом, к какой-либо группе предметов или явлений внешнего мира (например, к деревьям, металлам, животным, птицам и т. д.). Таким признаком могла быть сочтена связь с рукою человека, например, у слов, обозначающих действия руки; связь с функциями психики, например у слов, обозначающих чувства, эмоции и т. д. ; у слов со значением той или иной болезни общим признаком считался признак самой болезни. Признаки, создающие какую-то общность значений отдельных слов, разумеется, определялись тем, как воспринимался людьми внешний мир, общественная жизнь, они сами, а восприятие всего этого в свою очередь определялось ступенью общественно-исторического и культурного развития.
- 7. Существовало представление смыслового деривата. Это можно усмотреть в том, что какой-либо знак, например знак слова «старость», входил в состав знаков различных слов, исходным моментом значения которых было именно понятие старости. Таким образом, дериватом понятия «старость» считалось не только такое понятие, как «дряхлость», но и такое поиятие, как «сыновний долг»; последнее осмыслялось как служение ста-

рикам, и графическим символом слова с таким значением был рисунок ребенка (сына), несущего на своих плечах старика (родителя).

Представление о соотнесенности слова с предметами и явлениями внешнего мира и общественной жизни вызвало мысль о том, что совокупность слов, т. е. словарь языка, несет в себе все содержание действительности, как оно, это содержание, отразилось в сознании людей и воплотилось в слове.

На основе такого представления создан словарь «Ши-мин» (II в. н.э.), в котором слова распределены по таким разделам, как небо, земля, вода, гора, родство, пища и питье, утварь, одежда, украшения, музыкальные инструменты, болезни, экппажи, суда и т. д.

К изложенному следует добавить, что уже в древности появилось представление о стилистическом (в языковом смысле) качестве слова: появилась мысль, что есть слова «высокие» или «изящные» (я), составляющие принадлежность «высокого» или «изящного» языка. Таким словом определялось тогда то, что мы могли бы назвать литературным языком того времени. Словарем этого языка является «Эр-я» (ПП—П вв. до п.э.). Его состав показывает, какие именно слова считались тогда принадлежностью «высокого», т. в. литературного, языка: это были слова, встречавшиеся в древних сочинениях, признанных в то время основой просвещения и образованности.

Такова система представлений о слове, как она отразилась в указанных намитниках. Эта система в дальнейшем превратилась в один из наиболее важных элементов национальной традиции китайского языкознания. В заключение можно только отметить, что упомянутые памятники древней китайской лингвистической мысли возникли в русле филологии. Это было в эпоху Ханьской империи (III в. до н. э. — III в. н. э.) — последнего этана китайской Древности, когда усиленно разыскивались, восстанавливались, обрабатывались и комментировались древние сочинения. В этом аспекте ханьская филология в древнем Китае является китайским аналогом александрийской филологии — филологии последнего этапа европейской древности.

3

Второй существенной частью национальной традиции китайского языкознания является система представлений о звуковой стороне языка. Важнейшее в этой системе следующее.

- 1. Фонетической единицей считается комплекс, соответствующий слову. Отдельные элементы, подмеченные в составе такого комплекса,—«звуки» (инь-юнь) и «голос» (шэн) воспринимались как компоненты целого. Это можно усмотреть в том, что выделение указанных компонентов воспринималось как «рассечение» (це), т. е. искусственное разрушение произносительной целостности слова.
- 2. «Звуки». т. е. качественные компоненты звуковой стороны слова, рассматривались не только как элементы, составляющие произносительное целое—слово, но и как элементы, порождающие это целое. Это можно усмотреть в том, что один компонент первый по положению в составе целого получил наименование «отец» (фу), другой второй по положению —«мать» (му).
- 3. Такие паименования отражают представление о том, что начальные и конечные компоненты произносительного целого слова противоположны не только по своим функциям в образовании целого, но и по своей фонетической природе. Поскольку начальными компонентами были согласные, конечными гласные, постольку противоположными по фонетической природе мыслились согласные и гласные.
- О том, что начальными компонентами были согласные, свидетельствует появившаяся в первой половине X в. классификация, разделяющая

их на губные, язычные, нижнезубные, верхнезубные, гортанные, полузубные, полуявычные. Такая классификация могла относиться именно к
согласным, если при этом иметь в виду и то, что мы называем «твердым»
и «мягким» приступом. Губные, язычные и верхнезубные делились еще на
«тяжелые» и «легкие». Судя по соответствующим пероглифам, призванным
иллюстрировать каждую такую группу, можно заключить, что в группе,
например, губных «тяжелыми» считались взрывные, билабиальные (р.
р', b, m), «легкими»— щелевые, лабиодентальные (f, f', v, w). Кроме того,
внутри некоторых групп различались «чистые» (цпп), «следующие за чистыми» (цы-цин), «мутные» (чжо) и «чисто-мутные» (цпп-чжо). Судя по соответствующим пероглифам, приводимым для иллюстрации таких согласных, к «чистым» были отнесены глухие, к «мутным»— звонкие; «следующими за чистыми» считались аспираты, «чисто-мутными» — назадьные.

Следует сказать, что как описания фонетической природы начальных так и их число в старых фонетических трактатах определялись различно. Это вызывалось празличным пониманием фонетической природы отдельных звуков, и фонетическими различиями, связанными с историческими изменениями в фонетиче, и с диалектными особенностями. Наиболее устойчивой цифрой, определяющей количество начальных, является 36.

- 5. Противоположными начальным считались конечные. По своей фонетической природе они были гласными, что можно видеть из классификации этих звуков, появившейся тогда же, когда и классификация начальных. По этой классификации конечные делились на «классы» (дэн), причем, судя по иероглифам, призванным иллюстрировать каждый класс, это было деление на различные виды широких и узких звуков. Существовало еще деление конечных на «внутренние» (нэй) и «внешние» (вай), «открытыс» (кай) и «свободные» (хэ). Такие классификации приложимы именно к гласным.
- 6. В фонетическую характеристику гласных входил и так называемый «голос». В европейской синологии вместо слова «голос». что является буквальным переводом китайско о наименования «шэп», употребляют слово «топ». Однако трактовка «топа» в качестве музыкального ударения, как это обычно делается, не исчерпывает существа данного явления.

В число признаков, определяющих «голос», входят следующие: во-первых, голосовая мелодия, осуществляемая на протижении всего произносительного целого и состоящая в повышении или понижении высоты этой мелодии, либо удерживании ее на одной высоте; во-вторых, наличие определенной протиженности произносительного целого, дающей эффект краткости или долготы; в-третьих, наличие особого ивления, которое во принимается как «медленность» (слабость) или как «стремительность» (напряженность). Под этим подразумевается, как прарило, плавность или отрывистость конечной части произносительного целого.

Следовательно, под «голосом» понимался комплекс различных фоне тических явлений: и ход голосовой мелодии, могущей приводить к эффекту музыкального ударения, и количественная характеристика сонорных в составе целого, и качественная характеристика копечных элементов. Если же учесть, что в одном из «голосов», называемом «входящим», качественная характеристика конечного элемента означает, что произпощение конечного гласного заканчивается эффектом, воспринимаємым как резко обрывающийся звук k или t, или p,- получается что в представление о «голосе» входят и некоторые особенности звукового состава произносительного целого. Во всяком случае в произнесении подобных слов иностранцами, например японцами, давно воспринявшими китайский язык, в этих случаях появляются вполне отчетливо выраженные конечные согласные k, t и p. Подобные особенности «голоса» могут затрагивать и срединные звуки из разряда гласных. Так, например, то, что мы слышим как шуй «кто» и шуэй «вода», воспринималось как различие гласного по «голосу».

Описания конечных и число их, даваемые в различных фонетических трактатах, значительно расходятся, что, видимо, вызвано теми же причинами, что и расхождения в описаниях и числе начальных. Наиболее часто повторяющаяся цифра конечных — 206.

Учение о звуковой стороне слова развивалось в силу различных причин. По-видимому, наиболее ранией причиной была необходимость приводить в словарях произношение слова, обозначенного данным проглифом. Спачала это делалось указанием на соответствующий омоним, но этот способ в дальнейшем оказался педостаточным, и уже ханьские филологи стали указывать, как следует произносить данное слово с номощью двух других пероглифов: от звукового состава первого следовало взять пачальный компонент (ипь), от звукового состава второго — конечный компонент (юнь); соединение вх и давало звучание искомого слова. И уже в конце II в. н. э. уномянутый выше «Эр-я» — словарь древнего литературного языка — был издан с такими указаниями на произношение (Эр-я инь-и).

Другой причиной, приведшей к образованию фонстического учения о слове, была поэзия, с III в. начавшая бурпо развиваться. Поскольку поэзия была рифмованной, а сама рифмовка имела весьма сложный характер, постольку потребовались особые словари рифм (юньшу), представлявшие собой классификацию слов по консчным компонентам их произносительного целого. Разумеется, такие словари были справочным пособием для поэтов, но вместе с тем их необходимо рассматривать и как особую форму выражения результатов большой работы по изучению фопетической стороны слова.

Третьей причиной развития изучения фонетической стороны слова была необходимость транскрибирования собственных имен других явыков. Китайцы были окружены миогочисленными и разпоязычными народами, и история Китая полна сообщениями о них. Поэтому уже с древности оказалось необходимым выработать способы транскрибирования географических названий, названий чужих стран и народов, собственных имен. обозначений титулов и званий. Тем самым исроглиф из знака, обозначающего одновременно значение и звучание одного определенного слова. превращался только в фонетический знак, совершенно оторванный от слова, т. е. из логограммы превращался в фонограмму. Особенво гажную роль в этом направлении сыграла работа по переводу будлийской литературы, требовавшая транскрибирования огромного числа собственных имен.

Эта работа имела, однако, и другое огромной важности последствие: она насла в науку о языке, как она развивалась до этого в Китае, алсменты индийского языкознания. Ученые монахи — переводчики бурдийских сочинений — должны были знать оба языка буддийской литературы: пали и санскрит. Изучая эти языки, они однов геменно знакомились и с индийским языкознанием и переносили положения последнего на свой язык. Так, в работе под назвавием «Юнь цзип» («Зерцало гифм»), появившейся в начале X в., дана первая классификация звуков китайского языка. Эта классификация, повторявшаяся потом в позднейших работах по фонетике, несомненно возникла под влиянием пидийского языкознания. В дяльнейшем развитие фонетического учения в китайском языкознании рисует картину сочетания и борьбы исконного спитетического подхода к произносительному целому и вновь сложившегося аналитического.

4

Следующей частью национальной традиции китайского языкознания является учение о «словах полных», «словах пустых» и «словах служебных» (чжуцзы). В этом учении несомненно отражается грамматическое представление о слове. О «полных», «пустых» и «служебных» словах стали говорить в связи с речью. Так, например, Лю Цзун-юань, известный

писатель IX в., в письме к одному из своих корреспондентов указывает на ошибки, допущенные последним в употреблении слов «вопросительных» и «утвердительных». В данном случае противопоставлены друг другу не «вопрос» и «ответ», а две категории высказывания: одна — сомнение, другая — утверждение. Лю Цзун-юань приводит пять слов, которыми выражаются в речи различные оттенки вопроса-сомнения, и четыре слова, которыми выражаются различные оттенки утверждения. В данном случае речь идет о том, что корреспондент Лю Цзун-юаня не умеет пользоваться такими словами, которые требуются для точной передачи именно нужного оттенка того и другого. Такие слова названы «служебными». Их иероглифическое обозначение говорит о том, что викакой знаменательности они в себе не несли; иероглифический знак здесь играет роль простого фонетического обозначения.

Кобо-дайси, знаменитый проповедник буддизма в Японии VIII—IX вв., получивший образование в Китае и оставивший написанные по-китайски записки по вопросам китайского языка и литературы, говорит о «начальных словах». Приведенный им список слов свидетельствует, что он имел в виду то, что мы назвали бы условными, уступительными и противительными союзами (если, если бы, пусть, пусть даже, но и др.) и частицами (разве, именно и др.). Интересно отметить, что все подобные слова обозначены двумя знаками, т. е. не являются односложными. Такие «начальные слова» также названы «служебными».

Иначе следует понимать слова «полныс» и «пустые». Фань Си-вань, писатель XIII в., разбирая стихи Ду Фу, известного поэта VIII в., находит у него обе эти категории и указывает, какие именно слова являются «полными», какие — «пустыми». Анализируя такие слова, мы видим, что «полными» словами он считает слова с предметным значением, «пустыми» с глагольным значением, а также наречного типа (например, $unoz\partial a$). Подобного рода указания свидетельствуют о том, что деление слов на упомянутые классы было связано с семантической стороной слов. В том же XIII в. Чжан Янь в сочинении «Цы юань» («Источник слов») специально указывает, что нельзя обходиться одними «полными» словами, а их следует связывать со словами «пустыми». Изучая приводимые им примеры слов каждой группы, мы видим, что «полными» словами у него являются предметные и качественные имена, а «пустыми» — обозначения процессов и качеств как признаков. Но особенно важным в работе Чжан Яня является указание, что сочетание слов данных двух групп необходимо для построения речи. Это свидетельствует о том, что слова в речи рассматривались им не только с семантической стороны, но и со стороны грамматической. При этом похоже на то, что грамматическая функция слова в речи определялась его семантической природой и его синтаксической функцией. До нас допіла большая литература по вопросам этих групп слов. ·Очень важное значение имеет трактат «Чжу юйцзы» («Служебные слова») .Лу И-вэя (конец XVI—начало XVII в.), в котором различаются «служебные слова» и «служебные частицы». Он приводит более ста таких слов и частиц. В число «служебных слов» попал и ряд слов, которые считались «пустыми». В других работах встречается обратное явление: ряд слов, считавшихся «служебными», включается в группу «пустых».

В такой своеобразной форме развивалось в старом Китае учение о грамматической стороне языка. Отличительной чертой этого учения было то, что грамматическая функция слова мыслилась неотделимой от его значения. При этом слова и частицы, определяемые как «служебные», призваны были одни определять смысл слова именно в данном значении, другие — его отношение к другим словам. Учение о грамматической стороне слова развилось в китайском языкознании позднее, чем учения о других сторонах слова, и его развитие связано с расцветом филологии в XVII—XIX вв. Предметом внимания филологов этого периода были древние памятники, что и привело к расцвету критической текстологии, исто-

рической фонетики и этимологии. Китайская филология этого периода в известной мере является аналогом европейской филологии эпохи классипизма.

5

Разумеется, национальная традиция китайского языкознания далеко не ограничивается изложенным. Существует, например, учение о «цзюй»отрезках речи, ограниченных наузами и объединяемых фразовой годосовой мелодией. Это учение тесно связано с теорией китайского стиха, в которой словом «цзюй» обозначается стиховая строка. Вместе с тем о «цзюй» товорится и в аспекте, который мы назвали бы синтаксическим. В на-«тоящей статье коспуться всего этого паже схематично невозможно. Кроме того, и в приведенном выше материале излагается дишь самое основное из рассматриваемых явлений и при этом остаются в стороне различные трактовки их в разное время и у разных авторов — создателей национальной традиции китайского языкознания, и тем более освещение этих вопро-«ОВ V языковедов новейшей эпохи. Пля настоящего освещения национальной траниции китайского языкознания слеповало бы изложить вообще историю языкознания в Китае. Знать эту историю важно для того, чтобы правильно понимать особенности работы современных китайских лингвистов, исследователей свосго языка как в его современном состоянии, так и в его истории.

Изучение истории китайского языкознания имеет огромное значение и для истории науки о языке вообще. Полноценная история языкознания не может состоять лишь из истории европейской лингвистической мысли; она должна быть основана на изучении лингвистической мысли всех тех народов, у которых развивалось свое языкознание. Многие народы имеют такое языкознание. Существует, например, богатая история языкознания в Японии, есть весьма своеобразное языкознание у арабов. Китайский народ наряду с некоторыми народами Индии имеет, пожалуй, наиболее длительную, продолжающуюся более двух тысячелетий богатейшую историю своей лингвистической мысли. Поэтому история китайского языкознания должна быть включена в общую историю науки о языке.

Следует помнить и о следующем. Мы в настоящее время стремимся разработать общую теорию языкознания на основе понимания как общественного явления. Но всякое общественное явление познается в его истории. Поэтому наиболее прочную почву для построения общей теории языка может создать история языков у различных народов. Сопоставление такого процесса у разных народов, особенно у народов с различным языковым строем, может дать надежные выводы как об общем, так и об индивидуальном в разных языках. Однако необходимо считаться и с тем, как представляли себе явления своего языка сами его носители. Пренебрегать поэтому национальным языкознанием нельзя. Так, например, история языкознания Японии дает интересный материал для суждения, как воспринимался языковым сознанием самого японского народа его язык, принадлежащий по типу к агглютинативным языкам. История китайского языкознания раскрывает, как осознавался самими носителями языка его строй, его отдельные явления, а китайский язык -один из важнейших представителей языков изолирующего строя. Поэтому национальная традиция в Китае, история лингвистической мысли в Китае являются необходимым материалом и для построения прочной, исторически обоснованной общей теории языка.

дискуссии и обсуждения

B. H. TOLIOPOB

о введении вероятности в языкознание

Сознательное применение некоторых элементов теории вероятности (сначала в виде самой элементарной статистики) к исследованию лингвистических фактов насчитывает уже более ста лет своего существования, а неосознанное использование статистических методов, по существу, началось с тех пор, как возникло языкознание 1. Однако очень долгое время практические результаты в этой области были вичтожными, что объяснялось разными причинами. Одним были неясны (пусть даже они не сознавали этого) сфера и пути приложения вероятностных методов к анализу языка и, конечно, техника такого применения. Другие рассматривали факты языка просто как материал, на котором можно проиллюстрировать те или иные приемы статистического анализа.

Возможно, что неудача, постигшая исследователей, пытавшихся осуществить такой подход к языку, была связана как с отсутствием подлинно научной теории языка, так и с тем, что исключительная сложность отношений между разными элементами языка на разных его уровнях едва ли могла быть удовлетворительно объяснена при вероятностном подходе, пока в самой математике не возникла необходимость в создании общей теории случайных процессов, которая исследовала бы случайные величины, зависищие от одного или нескольких непрерывно изменяющихся параметров. Нужно думать, что лишь такие достижения в этой области, как центральная предельная теорема теории нероятности А. М. Ляпунова, изучение последовательности зависимых случайных величии («цепи Маркова»), исследование случайных процессов, в которых распределение вероятностей для состояний изучаемой системы зависит только от уже достигнутого состояния, повая интерпретация самого понятия вероятности, — создали предпосылки для того, чтобы вероятностный подход к фактем языка был оправдан и достаточной степени. И хотя и сейчас существует точка зрешия, рассматривающая факты языка просто как иллюстративный материал для теории вероятности2, однако не она определяет современную ситуацию, как, впрочем, не определяет се и другая крайняя точка зрения, согласно которой те или иные фрагменты теории вероятности могут служить математической моделью для проверки любого лингвистического вывода⁸. Однако какой бы точки зрения по предерживаться при определении границ применимости вероятностных (в частности, статистических) методов к анализу языка, следует иметь в виду прежде всего особый класс формальных языковых структур, которые могут быть объяс-

¹ Cm G. Herdain, Language as choice and chance, Groningen, 1956, crp. 1.

⁴ CM M. Boldnini, Le statistiche letterarie e i fonemi elementari nella poesia, Milano, 1948.

³ Cm. A S. C. Ross, Philological probability problems, Journal of the Royal statistical society», ser B vol XII, № 1, 1950. См также G. Herdan, указ соч. стр. 6

нены, исходя из закона больших чисел («макролингвистические» структуры)³.

После иноперских работ Цинфа и целой имеяды ученых военного и послевоенного времени (Юл, Томпсоны, Росс, Хердан, Гиро, Мандельброт, Фукс и др.) статистический подход к анализу языка признан не только допустимым, но и полезным. В самом деле, даже статистическое исследование, изучающее не сам язык («langue»), а лишь его графическое отражение в тексте, осложненное некоторыми фактами, не имеющими непосредственного отношения к языку (так наз. literary statistics), позволило установить ряд статистических законов, имеющих глубокий лингвистический смысл или допускающих переформулирование применительно к собственно языку.

Тем не менее в исследованиях последних лет, как нам кажется, соверменно педостаточно освещаются два аспекта в идее вероятностного подхода к языку. Во-первых, хотя сделано уже немало попыток вероятностного рассмотрения фактов языка (слово «язык» употреблено здесь не терминологически), среди лингвистов сплошь и рядом еще распространено мнение о вспомогательном значении такого рассмотрения во всех случаях, имсющих отношение к лингвистике, и, во всяком случае, как правило, остается неосознанным, что в целом ряде ситуаций именно вероятностный подход к языку является наиболее целесообразным или даже единственно возможным. Во-вторых, — и это относится даже к тем, кто хорошо понимает преимущества введения вероятности в анализ лингвистических фактов, - лишь немногие осознают значение категории вероятности, взятой в самом широком смысле, для опредсления отношения между лингвистическими утверждениями (так называемыми «законами») и языковой реадъностью. Пока же не осознан вероятностный характер этого отношения, остается неясной моделирующая и операционная роль лингвистических понятий или утверждений, и лингвисты не знают, что делать с индетерминированным остатком в виде фактов, не отраженных в модели, предполагаемой данным понятием или утверждением. Нужно помнить, что «концепция вероятности не инструмент какой-либо узкой научной дисциплины; она представляет собой фундаментальную концепцию, на которой основывается любое знание действительности и интерпретация которой определяет формулирование любой теории знания»2.

После этих предварительных замечаний рассмотрим некоторые вопросы, возникающие в связи с применением понятия вероятности в лингвистическом исследовании. Вопрос о смысле лингвистической теории и о способах описания конкретного языка хотя и остается не совсем ясным в деталях, в целом, видимо, решается в зависимости от задач, преследуемых данной теорией, и от практических целей описания языка. В этом смысле можно говорить о независимости и равноценности различных описаний языка, если только их задачи различны. Однако существуют условия, при которых сравнительная оценка двух или нескольких описаний одного и того же языка (или его фрагмецтов) возможна и даже, более того, необходима. Прежде всего сюда относятся две калегории случаев. Во-первых, когда выдвигаемые частные задачи одинаковы, а способы решения различны и при этом не сводимы друг к другу. Во-вторых, когда речь идет об описании языка как целого, с собственно лингвистической точки зрения.

И в том и в другом случае критерии выбора — общелогические: они предусматривают максимальную полноту, самодостаточность, непротиво-

¹ B. Mandelbrot, Linguistique statistique macroscopique, вки: L. A postel, B. Mandelbrot, A. Morf, Logique, langage et théorie de l'information, Paris, 1957

Paris, 1957 ² Cu II. Reichenhach, The theory of probability, Berkley — Los Ange-Jes, 1949, стр. 11 (ср. его же соображения, высказанные на стр. 10).

дискуссии и обсуждения

В. Н. ТОПОРОВ

О ВВЕДЕНИИ ВЕРОЯТНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сознательное применение некоторых элементов теории вероятности (спачала в виде самой элементарной статистики) к исследованию ливгинстических фактов насчитывает уже более ста лет своего существования, а неосознанное использование статистических методов, по существу, началось с тех пор, как возникло языкознание 1. Однако очень долгое время практические результаты в этой области были пичтожными, что объяснялось разными причинами. Одним были неясны (пусть даже они не сознавали этого) сфера и пути приложения вероятностных методов к анализу языка и, конечно, техника такого применения. Другие рассматривали факты языка просто как материал, на котором можно произлюстрировать те или иные приемы статистического анализа.

Возможно, что неудача, постигшая исследователей, пытавшихся осуществить такой подход к языку, была связана как с отсутствием подлинно научной теории языка, так и с тем, что исключительная сложность отношений между развыми элементами языка на разных его уровнях едва ли могла быть удовлетворительно объяснена при вероятностном подходе, пока в самой математике не возникла необходимость в создании общей теорип случайных процессов, которая исследовала бы случайные величины, зависящие от одного или нескольких пепрерывно изменяющихся параметров. Нужно думать, что лишь такие достижения в этой области, как центральная предельная теорема теории вероятности А. М. Ляпунова, изучение последовательности зависимых случайных величин («цепи Маркова»), исследование случайных процессов, в которых распределение вероятностей для состояний изучаемой системы зависит только от уже достигнутого состояния, новая интерпретация самого понятия вероятности, -- создали предпосылки для того, чтобы вероятностный подход к фактем языка был оправдан в достаточной степени. И хотя и сейчас существует точка зрения, рассматривающая факты языка просто как иллюстративный материал для теории вероятности², однако не она определяет современную ситуацию, как, впрочем, не определяет ее и другая крайняя точка зрепия, согласно которой те или иные фрагменты теории вероятности могут служить математической моделью для проверки любого лингвистического вывода³. Однако какой бы точки зрения ни придерживаться при определении границ применимости вероятностных (в частности, статистических) методов к анализу языка, следует иметь в виду прежде всего особый класс формальных языковых структур, которые могут быть объяс-

стр. 6.

Cm. G. Herdan, Language as choice and chance. Groningen, 4956, crp. 1.
 Cm. M. Boldrini, Lo statistiche letterarie e i fonemi elementari nella poesia,

Milano, 1948.

3 См. A. S. C. Ross. Philological probability problems, Journal of the Royal statistical society», ser. В vol. XII, № 1, 1950. См. также G. Herdan, указ сот.

методика обнаружения изоморфизма, а отчасти и сами его формы, по нашему мнению, еще далеки от надлежащей точности. В этой связи к современной теории изоморфизма могут быть предъявлены упреки двоякого рода. Первое: выбор фактов как в плане выражения, так и в плане содержания таков, что в известных случаях нет гарантии, что он не произволен (хотя бы в некоторой своей части). Второе: изоморфизм элементов внутри каждого отдельного плана в одних случаях определен недостаточно четко, в других — оперировать этим понятием в его теперешнем виде крайне неэкономно, поскольку даже единичный элемент приходится рассматривать как свернутый комплекс целого ряда элементов (например, однозвуконой слог в языках, где структура слога достаточно сложна).

Понятно, что такое положение возникает не только при рассмотрении проблемы изоморфизма, но и вообще при описании языка. В таком случае открываются как будто две возможности. С одной стороны, для данной категории можно восстановить предельно полную схему возможностей (обычно она очень последовательна и обладает симметрией). Так поступил Л. Ельмслев в своей работе о падежах и отчасти Е. Курилович при анализе вида и времени в глаголе 1. При всей логичности и простоте этот путь не всегда оказывается дучшим, так как он связан с непременным знанием максимально полно засвидетельствованной модели, в свете которой интерпретируются и другие менее полные схемы. Когда же оказывается, что есть еще более развернутый вариант, то приходится заново переосмысливать все схемы, ориентированные на предыдущий максимальный вариант. Кроме того, нередко такой подход слишком пепрактичен из-за его избыточности (ср., например, анализ болгарского имени в плане падежных отношений), которая имеет тенденцию к возрастанию в случае асимметрических отношений между планом выражения и планом содержания.

С другой стороны, закономерен, а иногда и более целесообразен второй путь, когда исследователь исходит не из полной схемы теоретически мыслимых возможностей, а из фактической реализации их в данном языке. Преимущество этого метода заключается в том, что он лучше вскрывает закономерности частных типологических схем и тевденции их развития, тогда как первый способ описания, по сути дела, исходит из универсальности категорий без учета того, что сама идея универсальности подрывается существованием разных типов разбиения действительности при помощи фонологических и грамматических категорий². Таким образом, при анализе языка в указанном плане каждый элемент языка (в том числе и категории) предстает перед нами не как строго детерминированный факт общей схемы, а как одна из вероятностей, которая даже в одном и том же языке в одних случаях оказывается реализованной, а в других — нет.

Думается, что и вся проблема изоморфизма могла бы быть переформулирована в вероятностном плане, если бы речь шла об общих чертах в принципах импликации, когда наличие одного явления определяет наличие или отсутствие другого (это относится и к плану выражения, и к плану содержания). При таком подходе стала бы особенно понятной важность определения границы любого элемента данного уровня максимальным возрастанием энтропии (т. е. когда обычные правила импликации перестато соблюдаться), а выделение преобладающих связей внутри того или иного элемента — направлением энтропии и ее характером. Понятно, что учет вероятностных факторов при исследовании изоморфизма придал бы большую точность анализу, поскольку учитывались бы и случап, где нет строгой детерминированности. Введение вероятности позволило бы уста-

¹ См.: L. H jel m slev, La catégorie des cas, I—II, Aarhus, 1936; J. Kuryłowicz, Aspect et temps dans l'histoire du persan, «Rocznik orientalistyczny», t. XVI (1950), 1953; ero же, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 25 и сл.

² Идеи, связанные с невозможностью однозначного сравнения одинаково называющихся категорий в разных языках, находят достаточно четкое отражение в трудах Дж. Фёрфа (J. Firth) и его школы.

новить повые связи между изыкознанием и теорией информации. Наконец, одо бы позводило проблему гоздества выразить в терминах вероятностных отношений.

Преимущество введения вероятности заключается, между прочим, и в том, что даст возможность в ряде случаев отказаться от обязательного ноиска инвариантов. А как известно, иногда определение инварианта при преобразованиях в языке и отделение его от вариантов трудно осуществимо, в некоторых же случаях, может быть, и вовсе переально. Дело в том, что точное выявление инвариантных отношений затруднено теми ограничениями (в лингвистическом и нелингвистическом смысле), которые палагает любой текст.

В частности, нередко бывает, что имеющаяся в модели языка возможность противопоставления двух фонем или двух морфологических категорий практически не реализуется, ввиду случайного по отношению к данному явлению стечения обстоятельств, и ученые вынуждены устанавливать сложные системы косвенных оппозиций. Полезность введения вероитности очевидна хотя бы потому, что она не требует от языка большего, чем он может дать в с в е р и у т о м виде, который, собственно говоря, часто единственно и дан нам непосредственно. Проблема же выявления инвариантов и связанная с ней проблема тождества требуют нередко линг-вистических экспериментов, выявления скрытых потенций, предельных ситуаций, своеобразного reductio ad absurdum. Яспо, что во многих случаях практически целесообразнее вероятностная картина, что, однако, никак не отвергает идеи поисков инвариантов, являющейся центральной на уровне структурного анализа языка.

Уже отмечалась целесообразность и экономичность применения вероятностного анализа для определения фонетической принадлежности звуков на спектрограммах, без выяснения вопроса об инвариантах, при механическом анализе речи, при дешифровке, при статистическом исследовании афазии 1, при изучении вопроса о сочетаемости звуков в слоге и — в более общем виде — при решскии проблемы лингвистической ожидаемости в применении к разным планам. Вероятностные методы уже нашли себс применение при установлении абсолютной хропологии некоторых языковых фактов, при определении стецени языкового родства и меры лингвистического разнообразия, при статистических исследованиях словаря и расиределения тех или иных языковых единиц (в частности, вероятностный характер семантических полей в принципе позволяет изучать распределение и в этом плане). С вероятностным анализом связаны и некоторые обиме теории языка и статистическая концепция стиля, примецимая, видимо, к разным уровиям языка и нозволяющая дать количественное определение стиля. Это в свою очередь во многом разрещает проблему идентификации стилей и существенно облегчает установление авторства неизвествых текстов в том случае, если этому же автору принадлежит и какой-то минимум известных текстов. Наконец, общеизвестда рольпостного подхода к языку с точки зрения теории информации как к коду с вероятностиыми ограничениями,

Уже существуют и некоторые другие пути внедения вероятности в языковнание и в отдельные смежные с ним области. В частности, в последнее десятилетие в исихологии возникла новая дисциплина — «статистическая бихевнористика», представляющая собой теорию стохастических (вероятностных) процессов, приложенную к изучению последовательностей ответов в изыковом поведении². Характерно, что взучение так называемой «травзиционной вероятности» (transitional probability), т. е. сте-

 $^{^{1}}$ Cm. G. H e r d a n. Statistical interpretation of aphasia, «Confinia psychiatrica», vol. I, No 3, 1958.

² CM.: G. A. Miller, F. C. Frick, Statistical behaviouristics and sequence of responses, «Psychological review», vol. 56, 1949, crp. 311—324; J. B. Carroll, The study of language, Cambridge (Mass.), 1953, crp. 105—107.

пени вероятности того, что данный ответ последует за другим данным отпетом или целой их серией, объединяет это направление с некоторыми собстьенно лингвистическими школами, изучающими в вероятностном плане то, что будет сказано, при условии, что нам заданы структурные черты ситуации, при которой происходит общение, и известно, что говорящее лицо входит в ту или иную речевую общность (Дж. Фёрф). Сущность акта речевой коммуникации и передачи значения от одного лица к другому, как это было представлено Х. Уолполом и развито его продолжателями, также, видимо, нашла бы более строгое выражение в терминах вероятности 1. Такой же подход, кажется, возможен и при изучении восприятия речи (процесс трансформации физических волновых движений в лингвистические единицы)², и при решении проблемы перевода не только с одного языка на другой, но и внутри одного и того же языка, а также из одной семиотической системы в другую 8.

Следует, впрочем, отметить, что многие (их даже большинство) из указанных применений вероятностного анализа относятся скорее к речи («parole»), чем к языку («langue»), и поэтому иногда находятся на периферии интересов тех лингвистов, которые изучают прежде всего структуру языка, хотя в отдельных случаях переформулирование тех или иных результатов в терминах языка (а не речи) оказывается не слишком сложным. Более того, в самое последнее время была сделана попытка понять язык (в соссюровском смысле), прибавив к нему вероятностные характеристики его отражения в индивидуальной речи (Г. Хердан). Пока еще рано говорить о целесообразности именно такого понимания языка 4, однако уже сейчас особенно важным представляется выявление тех применений вероятностного анализа, которые относятся непосредственно к языку. Возможно, что прежде всего внимание ученых должно быть привлечено к некоторым видам вероятностных процессов, могущим служить хотя бы приблизительной моделью языка или отдельных его фрагментов; к вероятностной характеристике того индетерминированного (или кажущегося таковым) остатка языка, который не учитывается построенной моделью данного языка; к характеристике системы языка через ее проекцию в конкретных манифестациях или, говоря языком теории информации, к анализу кода через сообщение ⁶. Введение вероятности в анализ языка следует рассматривать не только как дополнительный прием, но и как необходимость хотя бы потому, что любая модель языка будет лишь приблизительным отражением его структуры. Все же то, что не отражено в модели или получило в ней лишь суммарное недифференцированное отображение, находится в поле действия вероятностных отношений.

Подобно тому, как в каждой данной языковой системе наряду со строго детерминированной частью есть и недетерминированный остаток, так и в диахроническом плане выявляется серия строго обусловленных и однозначно объясняемых изменений и серия явлений в двух смежных сре-

¹ См.: H. R. Walpole, Semantics, Norton, 1941, стр. 78 исл.; F. F. Nesbit, Language, meaning and reality, New York, 1955, стр. 62 исл.
2 См. D. B. Fry, Perception and recognition in speech, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956, стр. 169—173. Хотя автор и не говорит здесь непосредственно о вероятностном подходе, он понимает сомнительную ценность строго детегминистического взгляда на соотпошение физических волновых движений и построенных на ях основе лингвистических единиц. Ср. его высказывание на стр. 170: «Любую теорию, требующую одно-однозначного соответствия между физическими величинами и лингвистическими единицами, трудно примирить с экспериментальными результатами, которые показывают широчое разнообразие в физических ключах, могущих привести к распознаванию единичного звука речи».

з Об этих трех типах перевода см.: R. Jakobson, On linguistic aspects of translation, c6. «On translation», Cambridge (Mass.), 1959, crp. 232-239.

⁴ Между прочим, можно думать, что само различение языка и речи и установление моделей любого конкретного языка уже предполагает знание определенных статистических характеристик элементов этих моделей.

Следует помнить, что в данном случае оно близко и твиу эргодических сообщений.

зах, не поддающаяся установлению однозначной связи и доступная исключительно вероятностному авализу. При реконструкции доисторического состояния языка при постоянном уменьшении наших сведений о дстерминированной части увеличивается значение всроятностных заключений.

Несомненно, что введение вероятностных индексов при каждой реконструированной форме позволяет в принцине дать более строгую картину восстановления исчезнувших систем (в фонологии, в морфологии, в синтаксисе) при решении целого ряда этимологических проблем, пока в основном не связанных с системным анализом. Такой путь предельно сузил бы возможности субъективных заключений; при нем каждая реконструированная система или отдельные ее части вилоть до форм представляли бы собой некое исчисление вероятностей, предусматривающее все ответы, возможные в данной теории. По существу, речь шла бы о реконструкции возможных алгоритмов утраченных форм. Конечно, в целом ряде случаев такая вероятностная реконструкция оказалась бы (особенно при тецерешнем состоянии науки) крайне пезкономной, поскольку мы все еще не обладаем достаточными познаниями в области лингвистической типологии и не вполне усвоили вероятностные правила игры импликаций на разных уровнях языка. Однако уже сейчас высокая степень избыточности устанавливаемых вероятностных реконструкций компенсировалась бы тем, что сразу же стали бы ясны очень многочисленные случаи, когда восстановление той или иной формы или решение этимологии данного конкретного слова оказалось бы вообще беспредметным в силу отсутствия скольконибудь надежных исходных данных, из-за практически бесконечного количества решений или просто из-за того, что применительно к данному языковому факту вопрос был поставлен неверио.

Кроме того, в сравнительно-историческом языкознании, особенно в том его виде, который представлен классической индоевропсистикой, есть одно противоречивое положение; его использование в одних случаях полезно, в других — вредно, но всегда в равной степени поучительно. Мы имеем в виду то, что обычно называют законом регулярности (или безисключительности) фонетических изменений¹. При его номощи удалось вскрыть определенную сеть соответствий, на основании которой и было заложено здание современной индоевропеистики. Всё, что останалось вне этой сети соответствий, представлялось необусловленным и объяснялось аналогическими влияниями, заимствованиями, поздвим происхождением, потерей старых форм и т. д. Постепенно выяснилось, что существуют изыки, относимые к индоевропейским, в которых индетерминированный остаток не меньше, чем детерминированный, и, следовательно, эффективность метода, основанного на принципе регулярности звуковых законов, в применении к этим языкам очень невелика. Разумеется, все, что не предусмотрено схемой, можно бы было снабдить индексами вероятности, однако это не явилось бы достаточно радикальной мерой. Дело в том, что и сами фонетические законы — не более как вид вероятностных закономерностей; положение, которое сейчас подтверждается и рядом исследований о механизме этих законов и об их распространении (особенно на материале лингвистической географии). Таким образом, речь идет здесь не столько о вероятностной интерпретации не объяспенного до сих пор остатка, сколько о новом вероятностном подходе к проблеме реконструкции и сравнения, в отличие от старого, строго детерминистического.

Введение вероятности в сравнительно-историческое языкознание показывает, что во многих случаях барьеры, воздвигнутые между генетическими и типологическими исследованиями, оказынаются искусственными.

¹ Ср. особенно категорическую формулировку этого «закона» в предисловии к труду Г. Остгофа и К. Бругмана (см. Н. O s t h o f f, K. B r u g m a n n, Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Tl. 1, Leipzig, 1878).

Понятно, что при типологическом анализе детерминированная часть еще меньше и что она сама определяется вероятностными методами, причем переход между любыми двумя детерминированными состояниями управляется законами вероятности. Другая сфера применения этих законов в типологии связана с отношением сравниваемых систем в разных языках, поскольку даже одинаковые категории (например, глухость — звопкость) играют различную роль (положим, в русском языке и в ряде кавказских).

В связи с введением вероятности возникает еще один чрезнычайно существенный, но пока сдва ли разрешимый вопрос о предсказуемости в языке. Понятно, что знание того факта, что язык имеет тенденцию к большей эффективности (efficiency)², не может еще определить частные пути к достижению этого состояния. С другой стороны, знание состава эдементов данной языковой системы, их отношения друг к другу, особенностейих конфигурации дает возможность в сочетании со статистическими подсчетами ныделить в данном состоянии не только архаические, но и относительно новые элементы и тем самым провести стратиграфический анализ во временном планс. Конфигурация элементов в наиболее новом слое позволит, видимо, с некоторой долей вероятности определить последующее состояние, хотя, возможно, и не в единственном варианте. Есть некоторые основания считать, что предсказание будущего состояния для данного языка принципиально возможно³, как, например, обратное движение в прощлое без привлечения каких-либо внешних данных (едва ли нужцо напоминать, что речь идет о предсказании только тех элементов, которые определяются системой, а не причинами, лежащими вне языка — langue). Однако окончательное решение зависит от того, можно ли это будущее состояние представить как симметричное прошлому и есть ли в настоящем состоянии явыка элементы, недоступные наблюдению. Но как бы ни обстояло дело. любое описание будущего состояния языка сводилось бы, видимо, к набору вероитностных рядов.

Другой аспект проблемы предсказуемости ориентирован на нероятностный выбор элементов данного состояния при заданных предшествующим текстом элементах. Здесь перспективы гораздо шире, и уже существует — правда, еще небольшая и не всегда лингвистическая — литература, связанная с проблемой ожидаемости и разными ее видами. В свою очередь проблема ожидаемости может быть выражена в терминах топологического по своему характеру лингвистического времени, на которое также наложены вероятностные ограничения.

Разумеется, тема введения концепции вероятности в языкознание не исчерпывается указанными примерами такого применения или уномянутыми перспективами, открывающимися в будущем. Однако и сказанного, видимо, достаточно, чтобы осознать, что один из существенно важных путей превращения лингвистики в науку со строгими методами исследований связан с вероятностным подходом к языку. Введение вероятности в лингвистику и некоторые другие науки внесет в них элемент необходимой точности и строгости и сблизит языкознание с целым рядом еще более точных дисциплин, а в практическом плане оно снабдит нас более экономным и простым инструментом анализа.

¹ Cp. R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Reports for the Eighth International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957 и отчасти J. H. Greenberg, Essays in linguistics, Chicago, 1957.

² Cp. ряд работ О. Есперсена, кончая «Efficiency in linguistic change» (Krbenbavn, 1941). Cp. также: J. Engels, Ya-t-il du progrès dans le langage?, «Neophilologus», Jg. 40, aflev. 4, 1956.

⁸ В этой связи нельзя пройти мимо полемики К. Леви-Штрауса с И. Гинером. См. С. Lévi-Strauss, Language and social laws, «American anthropologist», vol. 53, № 2, 1954 (см. особенно стр. 157).

В. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Современный период развития мировой лингвистической науки характеризуется интенсивно ведущимися исследованиями в области ономастики. Исследования подобного рода ведутся не только в таких крупных странах, как США, Франция, ФРГ и т. д., но и в целом ряде малых стран (Финляндия, Швеция, Бельгия, Дания и т. д.). Большой интерес к ономастике наблюдается в странах народной демократии, особенно в Польше, Чехословакии и Болгарии. Литература по ономастике уже настолько велика, что об ономастике можно теперь говорить как о совершенно особой отрасли языкознания. В некоторых странах имеются специальные журналы Для обсуждения проблем ономастики созываются специальные конгрессы. Повышение интереса к проблемам ономастики наблюдается в последнее время и в нашей стране, но нужно откровенно сказать, что этот участок языкознания у нас все же является исключительно запущенным.

В пределах небольшой статьи невозможно дать обзор всей огромной литературы по ономастике. Однако трудов, посвященных методике ономастических исследований, очень немного. Этим объясняется отчасти наличне некоторых спорных вопросов именно в этой области. Нам и хотелось бы осветить только некоторые общие вопросы методики исследования топонимических и гидронимических названий, поскольку топонимика и гидронимика являются наиболее важными частями ономастики.

Каждый метод исследования всегда чем-то определяется. Методы исследования топонимики, по нашему мнению, могут определяться: 1) особенностями топонимики как части языка, 2) особенностями исторического развития топонимических названий, 3) состоянием исследуемого материала (известностью или неизвестностью языка создателей топонимики).

I. Особенности топонимики как части языка

Топонимические и гидронимические названия всегда создаются на базе языка. Для их создания используются слова, оформленные согласно бытующим в данном языке словообразовательным моделям, сложные слова, словосочетания и даже предложения. Ср. в русском языке такие названия, как Сокол, Ильинское, Красный ключ, Петрокрепость, Камень на Оби, Пронеси господи² и т. д. Таким образом, топонимика связана не только со сферой словообразования, она в известной степени захватывает и область синтаксиса.

Сходство топонимических моделей с обычными словообразовательными моделями, типами сложных слов, словосочетаний и предложений, пожалуй, ограничивается только этим. Далее начинаются существенные различия. Как только слово или словосочетание превратилось в название населенного пункта, местности, реки и т. п., оно сразу же становится именем собственным, и эта особенность за ним прочно закрепляется. Превращение слова или словосочетания в имя собственное означает вместе с тем

² Название одного участка Военно-Грузинской дороги.

¹ Hanpumep, «Revue internationale d'onomastique» (Франция), «Onomastica» (Польша) и др.

его изоляцию от остального языкового материала. Топонимическое наввание начинает себя нести особо. Прежде всего оно приобретает необычайную устойчивость. Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные, пичего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться и течение тысяч лет. Обычные слова языка нередко вытеспяются иноязычными заимствованиями, в результате действия различных ассоциаций возникают новые слова, вытесняющие со временем старые. Подобные процессы в области топонимических названий не наблюдаются. Особенности исторического развития топонимических названий и значительной степели напоминают особенности исторического развития имен собственных.

Выше уже говорилось, что топонимика использует обычные словообразовательные модели и типы словосочетаний какого-либо конкретного языка, но отсюда было бы неправомерно делать вывод о полной зависимости топонимики от моделей данного языка. Топонимика способна создавать свои модели и слова, не бытующие в языке ее создателей. В русском языке, например, нет моделей сложных слов типа Усть-Пинега, Устюг, Каменогорск, Кисловодск, Красноборск и т. д.

Топонимика способна создавать по словообразовательным моделям конкретного языка такие слона, которые в данном языке вообще ничего не обозначают. В русском языке и его диалектах нет прилагательного курейный, но тем не менее в Лепском районе Архангельской области существует деревня Курейная, т. е. находящаяся около курьи (диалектное название речной старицы). Подобного рода слова, бытующие только в топонимических названиях, можно было бы назвать то полексем ами.

Тесно связанная со словообразовательными моделями языка и моделями бытующих в нем словосочетаний, топонимика также обладает формульностью. Но формульность топонимики не тождественна формульности словообразования определяется предметными категориями, названия которых образуют словообразовательные типы, тогда как формульность топонимики определяется в первую очередь категориальностью объектов паименования — село, деревня, город и т. п., а также их различными особенностями. Количество типов и формул в области топонимических названий более ограничено, тем не менее формульность топонимики — одна из ее наиболее существенных черт, о чем, к сожалению, очень часто забывают многие авторы работ по топонимике и особенно не в меру усердствующие этимологи. Рассмотрим некоторые образцы топонимических формул на конкретном языковом материале.

А. Й. Бурхардт, специально исследовавший толонимику Чувашии, выделил 27 так называемых ключевых слов (Grundwörter), позволяющих всю чувашскую топонимику распределить по отдельным типам 1. Из них наибольшее распространение имеет слово каса «деревня» (собственно — деревенская улица, часть деревни) и слово ка «деревня», встречающееся главным образом у низовых чувашей 2. И действительно, в Чувашской АССР имеется довольно большое количество названий деревень, содержащих слово каса, например Шоркаса, Ураскаса, Атмуллакаса, Арманкаса и т. д. К числу основных слов Бурхардт отпосит также слова сырма «река», кул «озеро», пасар «базар», ту «гора» и т. д.

Подобные ключевые слова или индикаторы топонимических типов, как мы будем их называть в дальнейшем, можно выделить и в топонимике Марийской АССР. К ним будут относиться слова: нур «поле» (Кугунур, Ломбенур, Колянур, Тайганур, Айбакнур, Маскапур и т. д.), ял «деревня» (Торъял, Вильял, Кожлаял, Шоръял и т. д.), сола «сепо» (Семисола, Ядыксола: Кораксола, Памашсола и т. д.), тур (дур)

A. J. Burghardt, Tschuwassische Ortsnamen, Wiesbaden, 1957, стр. 19.
 Там же. (Слово каса, вероятно, обозначало первоначально вырубку; ср. чув кас «резать», «рубить».— В. С.)

«край» (Пиньжедур, Юмдур и т. д.), мучаш «конец» (Пурмучаш, Ошламучаш и т. д.), этер «река» (Кугенер, Куршенер, Веряшенгер и т. д.).

Другие индикаторы встречаются значительно реже 1.

Пля топонимики Коми АССР индикаторами типов будут слова: ыб «поле» (Вадыб, Вылиб, Пакиб, Кебыриб, Аньыб и т. д.), шор «ручей» (Ниашор, Вскшор, Гыркашор, Кыкшор, Пышор и т. д.), ёль «ручей» (Викторьёль, Кортъёль, Жакъёль, Динъёль и т. д.), дор «край, берег» (Югыдтыдор, Курьядор, Коджувдор, Керосдор, Ягдор, Тыдор и т. д.), вож «разветвление реки или ручья» (Ворвож, Асыввож, Войвож и т. д.).

В топонимике Удмуртской АССР в качестве индикаторов типов чаще всего выступают такие слова, как гурт «дерения» (Малягурт, Вукогурт, Сюрногурт, Котсгурт и т. д.), вай «разветвление реки или ручья» (Тыловай, Сюрсовай, Уйвай и т. д.), луд «поле» (Кыйлуд, Гуртлуд и т. д.).

В топонимике Карелии в роли индикаторов типов выступают такие слова, как селька или сельга «возвышенность», собственно «спина» (Колатсельга, Кясияселькя, Терусельга, Гомсельга, Кяппесельга, Нинисельга и т. д.), салми, в русской передаче салма, «пролив» (Пиньгосалма, Лайдасалма, Лубосалма и т. д.), лахта (lahti) «залив, губа» (Кинелахта), саара «гора» (Суопасваара, Плакковаара и т. д.).

Такая же формульность наблюдается и и гидронимике. Так, например, для финно-угорских языков характерно наличие определенной типологической схемы: название реки чаще всего составляется из двух слов. Первый компонент — прилагательное или существительное, второй компонент — имя существительное, обозначающее реку. Ср. примеры.

Коми-зы ряпский язык. Названия рек: Изыю, Мелыю, Сюзыю, Видзыю, Косыю, Расыю или Юсыва, Шаква, Созва. Элементы ю и ва в этих названиях обозначают реку, например Видзыю «луговая река»; ср. видз «луг».

Мансийский язык. Названия рек: Перпыя, Ейшыя, Ворья, Толья, Волья, Турупыя, Огурья, Мыныя, Попуя, Шумыя, Нюрумыя, Лямля, Турья и т. д., где компонент $j\bar{a}$ обозначает реку.

Кольско-лапландский язык. Названия рек: Няльмйок,

Лимтайок, Каръяйок, Чудзьйок, Выхчыйок, где йок обозначает реку.

Марийский язык. Названия рек: Музенер, Шоленгер, Лавраэнгер, Шурашэнгер и т. д.; энгер в марийском языке обозначает реку.

Мордовский язык. Названия рек: Инелей, Ускляй, Кирляй, Перхляй, Пишляй, Новляй, Нерлей, Леплей и т. д.; ср. эрзя-морд. лей «река», мокша-морд. ляй.

Финский язык. Названия рек: Кемийоки, Сулуйоки, Калайоки, Пюхайоки, Каухайоки, Сикайоки, Аурайоки, где йоки обозначает реку.

Хантыйский язык. Названия рек: Несьёган, Харьёган, Муё ган, Ламбеёган, Волдепъёган, Шоганъёган, Логасьёган, Тромъёган, Рытьёган, Собтыёган и т. д.; ёган по-хантыйски «река».

Ненецкий (самоедский) язык. Названия рек: Седълха.

Ярейяха, Харьяха, Падыръяха и т. д., где яха означает реку.

По типу образования тюркская гидронимика довольно близка к финноугорской. Ср. окончание рек на чай в Азербайджане — Селенчай, Барзендчай, Самбурчай и т. д. (чай — по-азербайджански «река»), многочисленные реки, оканчивающиеся на сай в Узбекской и Казахской ССР, например: Сабырсай, Аксай, Ширсай, Зебонсай, Чинорсай и т. д. Ср. также некоторые назнания рек на су типа Кара-су, Ак-су и т. д., где су обозначает воду; типичные для верховья Енисея ойротские названия рек на хем, кем, например: Улуб-хам (или Улуб-кам), Орта-кам, Айліг-кам, Куйлубкам².

Топонимические названия даются нами по русским материалам.— В. С.
 См. Н. Ф. К а т а п о в, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, сто. 287—288.

Русская топонимика обладает необычайным разнообразмем, но и здесь могут быть установлены определенные типы. Значительное место в этой топонимике занимают названия населенных пунктов, представляющие прилагательные среднего рода, образованные от фамилий, например: Нефедово, Карпово, Митяево, Сафоново, Воробьего, Плеханово и т. д. Цян среднерусской топошимики этот тип является абсолютно господствующим, Более редки названия следующего типа: Александровское, Стиберское, Михайловское, Коровье, Троицкое, Мостовка, Сидоровка, Муравьиха, Мигалиха. Волчиха, Осиновка. Каменка и т. п. В Архангельской области определенно преобладает другой тип названий населенных пунктов, представляющий прилагательные женского рода, например: Егоровская, Омелинская, Лобанская, Куликовская, Сторожевская, Фоминская, Строговская, Спасская, Макаровская, Кондратовская, Климовская и т. д. Населенные пункты, представляющие формы множественного числа, характерны главным образом для западных областей, например: Смолевичи, Фоевичи, Красновичи (Бряпская область), Зверовичи, Хиславичи, Теровичи (Смоленская область). Таким образом, топонимика и гидронимика каждой страны и даже отдельных районов имеют свои специфические особенности.

Одна из характерных особенностей русской топонимики — в том, что хорографические назнания в ней составляют очень незначительный процент. Другая ее отличительная черта — эллиптичность топонимических назнаний. Названия населенных пунктов обычно представляют эллипсисы, например Сафоново (т. е. село Сафоново), Лобановская (деревня Лобановская) и т. д. Так же и в русской гидронимике; ср. назнания рек типа Песочная (Курская обл.), Серая (Владимирская обл.) и т. д.

Огромное количество эллиптических названий резко отличает русскую топонимику и гидронимику от топонимики и гидронимики соседящих неиндоевропейских языков. Это явление вполне закономерно и вытекает из структурных особенностей русского языка. Наличие родовых окончаний у прилагательного в русском языке позволяет легко определить, к чему оно может относиться. Например, название реки *Великая* делает ненужным дополнительное употребление слова река, так же как названия населенных пунктов типа Чупрово, Сметанино или Ильинское не вызывают необходимости употребления слова село. Создание эллипсиса в финно-угорских языках не давало бы такой ясности. Употребление в коми-зырянском названии реки Расъю одного слова Рас не давало бы возможности понять, к чему оно относится, так как рас обозначает просто «смешанный дес». Было бы затруднительно создание эдлипсиса от названия реки и в Марийской АССР Лавра энер, буквально «грязная река», так как в этом случае было бы неясно, к чему относится прилагательное *лавра*. Оно може**т** в одинаковой степени относиться и к речному дну, и к берегу и т. п.

Конечно, это не значит, что в финно-угорских, тюркских и им подобных по структуре языках эдлиптические названия вообще невозможны. В Казахстане есть названия рек типа *Булсырты* «мутная», *Оленты* «травянистая». Название города *Алма-Ата* — *Алматы* буквально означает «яблочный (город)». Однако подобные образования не типичны.

Среди топонимических названий любой страны и области могут также встречаться названия, довольно необычные по своей архитектонике, не составляющие выдержанных типов, обладающих массовостью распространения; ср. название острова на Аральском море Барса-Кельмес, буквально: «Если уйдет, не придет». Кроме того, различной может быть и сама степель формульности. Топонимика и гидропимика Татарии менее формульна по сравнению с Марийской АССР, в Западной Европе она менее формульна, чем в Европейской части СССР, и т. д.

Приведенные выше структурные топонимические формулы конкретных языков даны в одноплоскостном плане. В действительности топонимика и гидропимика каждой страны представляет смешение разных по времени образования топонимических пластов, принадлежащих разным

языкам и народам. Топонимика и гидронимика, рассматриваемые в плане исторической перспективы, имеют ярусное строение: например, в Карельской АССР явно обнаруживаются четыре гидронимических пласта, или яруса, - русский, карельский, лапландский и дофинноугорский.

Выше говорилось о том, что топонимические названия обладают необычайной устойчивостью. Многие процессы, вызывающие глубокие изменения в словарном составе языка, топонимике вообще не свойственны. Однако устойчивость топонимики относительна. Под влиянием действия различных факторов топонимические и гидронимические названия также могут ваменяться, только эти изменения имеют свою специфику.

Особенности исторического развития топовимических названий

Топонимические и гидронимические названия, созданные одним и воспринимаемые другим народом, говорящим на другом языке, могут подвергаться так называемой фонетической адаптации. Так, например, при сравнении татарского названия города *Qåzan* с соответствующим русским Kазань можно установить, что задненёбное татарское q в русском языке передано через простое κ , а огубленное глубокое d передано через неогубленное русское a. Под влиянием названий типа *Разань* конечное н получило палатализацию.

Название реки Guadalquivir в Испании восходит к арабскому Wadal-kebîr «большая река», собственно «долина реки» 1. В названии Амдерма опущено совершенно несвойственное не только русскому, но и многим другим языкам начальное заднеязычное д, обычное для слов ненецкого языка (Амдерма — в ненецком языке namdarma). В названии Нарьянмар при передаче непецкого слова таг' опущен совершенно несвойственный русскому языку гортанный смычный.

В языках с сильно отличающейся фонетической системой искажения первоначального звучания оригинала могут быть очень значительными. В японском Arusaka трудно узнать Аляску, вряд ли кто сможет во въетнамском Ucoren распознать Украину и уже совсем невозможно в китайском lidza распознать Pury. Особый тип представляют искажения, возникающие в результате механической транслитерации названий с иноязычвых карт; ср. Гётеборг и Цейлон (Göteborg произносится как Jötebor', a англ. Ceylon произносится как silon).

Топонимические или гидронимические названия могут и не содержать в себе звуков, резко отличающихся от звуков языка воспринимающего, но непривычность самих сочетаний звуков может привести к искажениям. В бассейне реки Яреньги (Ленский район Архангельской области) имеется ручей, называемый русскими *Диндель*. Сопоставление этого названия со встречающимся в Коми АССР названием Дінъёль (ёль «ручей») позводяет установить, что первоначальное название Дінъёль было русскими испорчено, откуда получилось Диндель.

Искажение топонимических и гидронимических названий может быть не только в результате фонетической адаптации, но и в результате действия новых фонетических законов. Сравнение названия города *Алатыръ* с чувашским его наименованием Улатар показывает, что изменение первоначального а возникло вследствие превращения в чувашском языке а первого слога через промежуточную ступень o в y; ср. также название мтальянского города Orvieto из дат. urbs vetus, т. е. «старый город»².

Разиме фонетические законы, действующие в диалектах, также являются причиной неодинакового фонетического облика по сути одного и того же названия. Название реки Иртыш в одних диалектах хантыйского языка, где сохраняется глухое л, имеет форму Лапал; в других диалектах, где произошло превращение глухого л в т, оно получило форму Тадат.

J. J. Egli, Nomina geographica, Leipzig, 1872, crp. 225.
A. Dauzat, Les noms de lieux. Origine et évolution, Paris, 1926, crp. 9.

Недалеко от города Ханто-Мансийска находятся три озера: Эринский сор, Малькин сор и Энетор. Элементы тор и сор в этих названиях генетически родственны и представляют диалектные разновидности одного и того же слова. Тор в среднеобском диалекте обозначает озеро, главным образом — озеро, возникшее на месте бывшего рукава реки или старицы; ср. мансийское тур «озеро», тогда как сор, усвоенное также местными русскими, восходит к более северным диалектам хантыйского языка, где оно звучит как раг 1.

Встречаются случаи, когда один и тот же язык может усваивать топонимические названия из разных диалектов. Название столицы КНР Пекин в некоторых старых русских документах известно в форме Пежин². Такой разнобой объясняется тем, что форма Пекин проникла в русский язык (возможно, через посредство английского языка) из южнокитайских диалектов (ср. кантонск. Pəkiŋ «Пекин»), тогда как форма Пежин отражает севернокитайское произношение Pei-tiŋ, Bei-cziŋ и т. д. (ср. монгольск. Бээжин). Поэтому знание диалектологии необходимо для каждого, занимающегося топонимическими исследованиями.

Топонимические и гидронимические названия отражают не только фоветические особенности диалентов, но также и диалентную лексику. Так, например, некоторые названия поморских сел Архангельской области оканчиваются на *щелье* (Долгощелье, Белощелье и т. д.). У неопытного этимолога такое окончание может вызвать ассоциацию с русским словом щель в ее метафорическом употреблении, например «морской залив с высокими берегами». На самом деле это окончание восходит к диалентному слову щелья, или щелье, «крутой каменистый берег» или «мыс»³.

Любопытным примером может служить название поселка Соломенное около Петрозаводска, происходящее от диалектного соломя «пролив», «залив» (ср. фин. и карел. salmi), но не от русского слова солома.

Около острова Колгуева (Северный Ледовитый океан) имеются наввания двух отмелей — *Плоские кошки и Восточные кошки*. Вышеуказанвые названия ничего общего не имеют с русским словом кошка, так как диалектное кошка «отмель» в севернорусских говорах возникло из лапланд. kuašk «отмель».

Если топонимическое или гидронимическое название усваивается каким-либоиноязычным народом, то в этих условиях данное название окажется вне действия фонетических законов того языка, откуда оно заимствовано, и может сохранить более древний облик. Сравнение восточномарийского Ozaŋ «Казань» с татарским Qazan свидетельствует о том, что говоры башкирских марийцев сохранили древнее заднеязычное ŋ, некогда существовавшее в этом названии, но утраченное татарским, чувашским и другими языками 4. Сравнение немецкого названия города Пскова Pleskau с его русским названием заставляет предполагать былое наличие в этом названии l. Действительно, форма Пльсковъ засвидетельствована в летописях.

Изменение звукового облика топонимов или гидронимов может возникнуть вследствие приспособления непривычных звукосочетаний чужного языка к звукосочетаниям языка родного. В Ленском районе Архангельской области есть небольшое озеро, называемое Тыкала. Происхождение этого названия установить нетрудно, поскольку в коми-зырянском языке имеется слово тыкола, обозначающее «небольшое озеро». Однако русский язык невольно приспособил его к тыкала (форма 3-го лица ед. числа прош. времени жен. рода от глагола тыкать).

Нередки случаи изменения названий под влиянием так называемой

¹ Слово *тор* и русское диалектное cop чаще употребляются в значении заливного луга.— B C.

² По сообщению И. М. Ошанина.

в По происхождению слово щелья, вероятно, связано с ненец. саля '«мыс».

⁴ H. Pa a sonen, Der Name der Stadt Kasan, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. VI, Hf. 1-3, 1906, crp. 113-114.

народной этимологии. Название села Холмогоры Архангельской области, по всей вероятности, произошло из карельского Kolmevaara(a). Затем оно было включено в тип полупереводов с характерным окончанием горы (довольно многочисленных в Архангельской области, например: Хаврогоры, Нисогоры, Карпогоры и т. д.). Под нлиянием второго составного элемента горы первая иноязычная составная часть была ассоциирована с русским словом холм, откуда современное Холмогоры.

Иноязычное название может быть не всегда удобным для, воспринимающего, особенно если оно заметно отдичается от распространенных в его языке типов. В таких случаях иногда наблюдается тенденция подогнать это название под какой-нибудь распространенный в данном языке тип. Наиболее показательным в этом отношении является название Осетия, восходящее к груз. Oseti; ср., например, грузинское название Abxazeti «Абхазия». Поскольку в русском языке нет существительных на и в единственном числе, название Oseti было включено в более обычный в русском языке тип на ия, характеризующий названия стран (Англия, Франция, Италия, Персия и т. д.).

Название реки Чусовая, по всей видимости, возникло из первоначавьного Чусов, позднее Чусова. Такое предположение оправдывается тем, что в районе Чусовой и вообще в бассейне Верхней Камы много рек, оканчивающихся на -ва: Косьва, Яйва, Язьва и т. д. Название Чусова, очевидно, очень напоминало по своей форме краткое прилагательное, не типичное для русских гидронимических названий. Отсюда возникло стремление к включению его в ряд названий, представляющих по своей форме полное прилагательное типа Моховая, Воровая, Великая и т. д.

Морфологическая адаптация иногда осуществляется путем усечения данного названия. Интересный пример в этом отношении представляет русское название реки $Ko\partial opu$ в Абхазии — $Ko\partial op$, возникшее к результате отсечения конечного u.

В русском языке значительно чаще происходит изменение топонимических и гидронимических названий по аналогии. В Ярославской и Костромской областях встречаются названия деревень типа Вороболово, Суболово и т. д. Сопоставление их с некоторыми названиями населенных пунктов на бол или бола, типичных для бывших мерянских территорий, например Пушбола, Брембола, Яхробол и т. д., позволяет установить, что первоначальные формы этих названий Воробол, Субол и т. д. были включены в весьма распространенный тип названий русских деревень и сел на ово, например: Сафоново, Тушково, Чирково и т. д.

В русской топонимике встречается тип названий населенных пунктов, представляющий по форме множественное число имен существительных. Ср. такие названия, как Ватраки, Веляницы, Житницы, Ременницы, Рябинки, Рыбаки и т.д. Русский язык иногда приспосабливает к этому типу и иноязычную топонимику. Ср. такие названия, как Кочемары, Кокшамары, Помары. Сравнение их с соответствующими по типу названиями, встречающимися главным образом в Марийской АССР, например Кокшамар, Пумар, Ляжмар, Паратмар и т. д., показывает, что в русских названиях прибавлено окончапие мп. числа -ы. Названия населенных пунктов Чувашской АССР Елчёк и Муркаш получили в русской обработке форму Яльчики и Моргауши.

Возникновение формы множественного числа от названий иноязычного происхождения может быть результатом сложных процессов. В микротопонимике Архангельской области (Ленский р-и) имеется название Ласты (название сильно заболоченной местности). Оно, несомпенно, происходит от коми-зырян. слова ласта «низкий сыроватый луг». Слово ласта в русском языке может восприниматься по аналогии с другими словами русского языка в форме ед. числа. Поскольку заболоченные пространства могут простираться на многие десятки километров, на этом основании могла возникнуть форма мн. числа Ласты.

Иноязычное название может изменяться под влиянием других слов, попадая в определенные словосочетания. По окраине села Яренска (Ленский р-и Архангельской обл.) протекает речка Кишера, известная в документах XV в. и как Кишор, что указывает на коми-зырянское происхождение слова. Название Кишера могло возникнуть в словосочетании «речка Кишера», затем «речка Кишера».

Возможны более сложные случаи переделки топонимов и гидропнмов. Название озера Себентий, или Себентьевское (Ленский р-н Архангельской обл.), несомнению, восходит к древнему коми-зырян. Себенты, где ты обозначает озеро; Себенты было переделано в Себенти. Дальнейшая ассоциация с именами типа Лаврентий, Инножентий послужила толчком для возникновения прилагательного Себентьевский (Себентьевское озеро).

Могут быть случаи, когда топонимические или гидронимические названия сокращаются или, паоборот, удлиняются. Название реки *Шугор* (Коми АССР) представляет сокращение мансийского *Сокыръя* (из более древнего *Шокуръя*), т. е. «река, где водится щёкур» (название рыбы). Ср. хант. сёхыр; город Старая Русса в прошлом назывался просто Руса.

Топонимическое или гидронимическое название может исчезнуть. Ср., например, исчезновение наименований камско-булгарских городов Булгар и Биляр, исчезновение названия греческой колонии Диоскурим на месте современного Сухуми и т. д. Встречаются случаи, когда топонимические названия на протяжении истории неоднократно меняются, например: Орешек, Шлиссельбург, Петрокрепость, Царевококшайск, Краснококшайск, Йошкар-Ола и т. д. Иногда прежнее название сохрапяется в некоторых производных названиях. Гледенский монастырь, находящийся недалеко от гор. Великого Устюга (Вологодск. обл.), свидетельствует о наличии в прошлом на месте этого монастыря города Гледена, что подтверждается данными летописей.

Встречаются некоторые любопытные случаи, когда название, созданное каким-либо народом, у него исчезает, но сохраняется в языке другого народа. Название y_{pan} , вероятно, заимствовано русскими от древних вогулов (мапси). y_{pan} по-мансийски «гребень горы». Но сейчас в мансийском языке y_{pan} называется $H\ddot{e}_p$, у хантов Kee (буквально «камень»).

Один и тот же населенный пункт, река или озеро у разных народов может называться по-разному. Ср. нем. Wien «Вена», но венг. Bécz; русск. Объ, по хантыйское и мансийское Ac, ненец. Саля ям'; русск. Иртыш, но хантыйское (среднеобский диалект) Тарат; русск. Вычегда, но комизырян. Эжва; русск. Сосьва, но мансийск. Таг; русск. Волга, но эрзя-мордов. Рав, лугово-марийск. Юл, татар. Идел; русск. Марпосад, но чуваш. Сёнтёр Варри и т. д.

Топонимические и гидронимические названия в разных языках могут авучать близко, но не совсем одинаково. Ср. русск. Еписей, ненец. Епься ям'; русск. Кокшага, марийск. Какшан; русск. Кама, удмурт. Камшур; удмурт. Лерыз, татар. Эгерже и т. д.

Топонимические и гидронимические названия могут представлять переводы соответствующих названий с другого языка. Арм. Midzagetk является переводом греч. Месопотаціа, которое, в свою очередь, является переводом вавилон. Aram Naharaim, т. е. «Сирия между двух рек» 1. В некоторых случаях возникают полупереводы, когда первая составная часть названия остается иноязычной, а вторая часть переводится. Особенно много таких полупереводов в Карелии, а также в Архангельской и Вологодской областях, например в Карелии: Сяргозеро, Укшозеро, Рувозеро, Тикшозеро, Пулозеро, Кескесручей, Ропручей, Юккогуба, Пуйгуба, Кудамагуба, Саригора, Виллагора и т. д. Известны случаи, когда на другой язык переводится не вторая, а первая часть названия, например в Марийской АССР Кугу Ломбенур «Большой Ломбенур».

¹Cm. R. Kleinpaul, Länder- und Völkernamen, Leipzig, 1910, crp 21.

Вместе с носителями языка топонимические, а также гидронимические названия могут переноситься, иногда на довольно большие расстояния. Ср. название реки Тойма — приток Камы — и названия двух рек. впадающих в Северную Двину: Верхняя Тойма и Нижняя Тойма. Название реки Ижма в бассейне Ветлуги перекликается с названием реки Ижма в бассейне Северной Двины. Название реки Икша в бассейне Ветлуги перекликается с названием населенного пункта Икша в Московской области. Ср. также название реки Урдома — приток Волги — и название населенного пункта Урдома на Нижней Вычегде.

Изменяются не только отдельные топонимические названия, но и сами типы топонимических названий; например, в русской топонимике старые типы названий деревень и сел в настоящее время непродуктивны. Названия типа Караваево, Ильинское у новых населенных пунктов почти не встречаются. Наблюдаются смены типов и в области гидропимики.

Некоторые языковеды предполагают, что все современные топонимические и гидронимические названия искажевы, представляют результат фонетической и грамматической адаптации, подверглись изменениям под влиянием народной этимологии, в результате всевозможных сокращений, уссчений и т. д. Позволим себе с этим мнением не согласиться. Все вышеперечисленные янления в огромном большинстве случаев не имеют характера непреложно действующих законов. лиць потенциальные возможности изменений под влиянием действия различных факторов. Фонетическая адаптация возможна, но она может оказаться совершенно неодинаковой. Показательным гдесь тожом быть изучение адаптации звуков чувашского языка русскими чувашских топонимических названий. (палатализованное с), содержащийся в чувашских названиях Савал и Сёмёрлё, в одном случае передан через русск. и (Савил — Цивиль), а в другом — через русск. ш (Сёмёрлё — Шумерля). В топонимическом названии Пёпрес этот же звук передан через русское с — Ибреси. Точно так же чувашское редуцированное е в одних случаях передается через русск.у (например, Сёмёрлё—Шумерля), в других—через русск.ы (например, Cёнтёр — Cун ∂ ырь) или через a, u (например Eлчёк — Hльчики) и т. д.

Точно так же грамматическая адаптация не всегда дает одинаковые результаты, не говоря уже о том, что она не всегда осуществляется. Так, например, мерянские населенные пункты, оканчивающиеся на бол, в одних случаях остаются без изменения (Яхробол, Искробол), в других случаях подводятся под тип склонения существительных жен. рода на -а (например, Брембола, Пушбола), в третьем случае подводятся под тип названия населенных пунктов на -ово (например, Шихобалово).

А. П. Дульзон, по нашему мнению, совершенно неправ, когда он утверждает, что на среднем Чулыме окончание рек на -са возникло из слова су верека»; - ∂a , -та — из суффикса -тыг; -ла — из суффикса -лыг; -га — из -гъ, -гы, -гу; -ка — из -ке, -кы, -к 1 . Такого однообразия быть не могло. Сам А. П. Дульзон уклонился от детального доказательства выдвинутого им тезиса.

Народные этимологии, усечения, переводы и полупереводы, исчезновение одних названий и замена их новыми возможны, но не обязательны. Стихийность и отсутствие строгой плановости являются наиболее характерной чертой всех этих изменений. Исследователь топонимики и гидронимики должен прежде всего учитывать все возможные случаи изменения топонимических названий, уметь этимологизировать, выявлять случаи фонетической и грамматической адаптации,

¹ См. А. И. Д у л ь з о н, Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения, ВЯ, 1959, № 4, стр. 39.

изменений названий в результате влияния народной этимологии, учитывать возникновение новых фонетических законов в языках и их диалектах, изучать диалектную лексику, устанавливать переводы с одного языка на другой, широко использовать в качестве источников различные карты, летописи, писцовые книги, архивные документы, фольклорные материалы, легенды, предания, должен, наконец, хорошо знать типологию образования топонимов и гидронимов в конкретных языках. Но все это относится только к содержанию исследований. Методика же топонимических исследований должна выяснить, как нужно это делать. Рассмотрим более детально некоторые из этих приемов.

1. Этимодогизирование

Ни одно современное исследование тоцонимики не обходится без попыток этимологизирования гидронимических и топонимических названий. Тем не менее методика этимологизирования является меньше всего разработанной.

A. II. Дульзон утверждает, что «топонимы всегда составляют только особый разряд слов языка, и поэтому их анализ должен полностью подчиняться обычным правилам этимологических исследований» 1. Основная ошибка многих исследователей в области топонимики как раз и состоит в том, что, подчиняя апализ топонимов обычным правилам этимологических исследований, они начинают этимологизировать, как говорится, вкривь и вкось. Хорошим этимологом в этой области может быть только исследователь, хорошо изучивший структурную типологию образования топонимов и гидронимов в различных языках, четко представляющий, какие слова языка могут фигурировать чаще всего как составные части этих названий. Без такого предварительного условия всякая этимология рискует быть обреченной на неудачу.

Из-за нарушения этого основного правила топонимическая литература буквально кишит крайне псудачными этимологиями. Приведем несколько примеров. М. Кастрен, пытаясь расшифровать название одного из рукавов Северной Двины Уногра, разлагает его на две части: уна (коми-зырян. уна «много») и гра = русск. гора 2. Этимология явно неудачна, так как слово *гора* в названии рукавов рек обычно никогда не встречается. Еще более невероятным представляется сопоставление М. Кастреном названия реки Песа с финским словом реза «гнездо» 3.

Не менее странно выглядят этимологии названий рек русского Севера, предложенные А. Соважо. Река Tespa — это фин. tägräs «обрывистый берег», река *Нылга* сопоставляется с марийск. *нулго* «пихта», река *Сура* сопоставляется с мордовским словом *сюра* «рог». Ср. коми-зырян*. сюр*, фин. sarvi и т. д. 4.

Подобные этимологии, к сожадению, в изобилии встречаются в работах М. Фасмера по русской гидронимике. Ср. предложенные им некоторые этимологии рек Костромской области: Hxma = марийск. jäktə «сосна»⁵, $extbf{ extit{III}}$ и $extit{pe}$ н $extit{e}$ т $extit{a}$ — $extit{e}$ т $extit{a}$ рийск. $extit{s}$ и $extit{d}$ $extit{a}$ «трава» $extit{f}$ Нельша = марийск. nelša «заглатывающий» 7, Шунга = марийск. šüŋgä

См. там же, стр. 37.
 M. A. C as t r é n, Nordische Reisen und Forschungen, V — Kleinere Schriften,
 St. Petersburg, 1862, стр. 96.

³ Там же, стр. 105. 4 A. Sauvageot, A propos de certaines noms de lieux de Russie septentrional,

[«]Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXX, 1958, crp. 4, 5, 6.

⁵ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften». Phil.-hist. Klasse, XIX, Berlin, 1935, стр. 539. Там же, стр. 540.

⁷ Там же, стр. 542.

«маленький холм» 1 , $\mathit{Пекшa} = \mathtt{марийск.}$ pik s «стрела» 2 , $\mathit{Устa}$ (правый

приток Ветлуги) = марийск. üštə «холодный» 3.

Этимологии этого рода встречаются и у А. И. Попова, который название реки Пекша сопоставляет с эрзя-мордовским словом пекше «липа»⁴. Окончание ма в многочисленных названиях рек типа Вязьма, Клязьма, Шошма и т. д. А. И. Соболевский связывал с окончаниями прилагательных индоевропейских языков на *ima*, например с греческим фобмиро 6.

Авторы предложенных этимологий не учитывают, что названия рек типа Рог, Обрые, Пихта, Плотва для гидронимики не типичны. Будучи глубоко убеждены, что древняя гидронимика Севера могла принадлежать только финно-уграм, они упускают из виду тот факт, что голые существительные, прилагательные и причастия для финно-угорской гидропимики совершенно не типичны. Кроме того, они сбрасывают со счета так называемые «речные» суффиксы, свидетельствующие о вхождении этих рек в определенный гидронимический ареал.

Вообще нужно заметить, что многочисленные попытки этимологизации названий, принадлежащих мертвым и неизвестным языкам, редко бывают удачными, поскольку они производятся наугад. Для одного и того же названия может быть предложено несколько истолкований, и все они могут быть одинаково неверными. Например, пазвание Москвы может быть истолковано при помощи слов коми языка мос |к| «корова» и ва «вода», «река» как коровья река. С не меньшей легкостью это же название можно истолковать при помощи марийского слова маска ава, т. е. «медведица».

Наиболее удачной следует считать этимологию, подтверждаемую сразу целым комплексом различных данных. Примером исключительно хорошего этимологизирования может служить этимология названия полуострова Декан, приводимая в упомянутой выше книге Р. Клейнпауля. Правописание Декан представляет уступку английскому языку, поскольку Декан произносится как «Дакан», восходящее к более древнему Dakhan. Dakhan, в свою очередь, представляет сокращение древнеиндийск. Дакshina-patha, что обозначает «путь направо» или «южный путь» (dakshina, daksha идентично греч. δεξιός и лат. dexter «правый»; patha «путь» соответствует греч. πάτος, нем. Pfad и англ. path). Dekan обозначает собственно южную страну. Европейцы, поселившиеся в Восточной Индии и завоенавшие долину Ганга, прибыли в Индию с северо-запада. Юг у них был с правой стороны. Название Декан в форме Δαχιναβάδης встречается в греческом корабельном журнале «Перипле», автор которого упоминает о том, что Dachan на языке туземцев означает юг 6.

Как можно видеть, для объяснения названия Декан этимолог приводит целый комплекс различных данных. Здесь учтена орфография, приведены сведения из истории, сделаны ссылки на литературные источники, привлечены слова древнеиндийских и новоиндийских языков, установлена их связь со словами родственных индоевропейских языков.

2. Собирание и класси фикация топонимического материала

Собирание топонимического материала должно вестись фронтально, путем использования современных достаточно подробных карт и опроса местного населения. Так может быть составлена нартотека, отражающая современное состояние топонимики и гидронимики данного района.

⁶ См. R. Kleinpaul, указ. соч., стр. 18.

¹ М. Vaster, указ. соч., стр. 551.

² Там же, стр. 566.

З Там же, стр. 576.
 4 См. А. И. Попов, Топонимическое изучение Восточной Европы, «Уч. зап. ЛГУ)». № 105 Серия востоковел наук. вып. 2, 1948, стр. 104.

[[]ЛГУ]», № 105. Серия востоковед. наук, вып. 2, 1948, стр. 104.

5 См. А. И. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 11.

Возможно также создание специальных работ и монографий, поснященных характеристике современного состояния топонимики и гидронимики.

Собранный таким образом материал может быть изучен с разных точек зрения. Можно изучить его с чисто лингвистической точки зрения путсм выявления словообразовательных моделей и словосочетаний, использованных для построения топонимических и гидронимических названий с одповременным учетом их специфических особенностей и семантической характеристикой.

После того как будет произведен синхронный срез, собранный материал рассматривается уже в историческом плане с привлечением исторических документов, старых карт, фольклорных материалов и т. д. Подобное изучение даст возможность производить глубинные срезы, дающие характеристику топонимического и гидронимического материала в разные исторические эпохи. Полученный материал и выводы открывают новые перспективы исследования. Может быть исследована динамика исторического развития структурных моделей и типов топонимических и гидронимических названий, создастся возможность для выявления «структурных изоглосс» и изучения причин их появления, а также причин появления новых структурных моделей. При изучении топонимики и гидронимики нескольких областей или нескольких стран, несомненно, обпаружатся структурные изоглоссы, захватывающие несколько ареалов. Семантическая характеристика глубинных топонимических срезов создаст возможности проведения исследований в области исторической семантики топонимов.

Эти общие принципы, конечно, не исключают возможности исследования отдельных топонимов и гидровимов, но даже в этих случаях исследователь не должен терять общий фон, он обязан учитывать общие специфические особенности гидровимических и топонимических названий данного района в целом.

3. Установление фонстических и грамматических адаптаций, а также первоначального облика слов, подвергшихся искажению

Установление фонетических и грамматических адаптаций, а также первоначального облика слов, подвергшихся искажению, требует хорошего знания особенностей языка-оригинала и языка-адаптора, в особенности их фонетического и грамматического строя. Знание этих особенностей позволит найти действительный импульс, приведший к адаптации, незнание их ведет к ошибкам. Так, например, утверждение некоторых языковедов о том, будто бы названия рек русского Севера с исходом на -ма, -га, -ша, -са, - ∂ а и т. д. являются результатом морфологической адаптации, нам не кажется убедительным. Если бы даже все они имели исход на согласный (например, -м, -e, -u, -e, - ∂ и т. д.), в русском языке не было бы стимулов к морфологической адаптации, поскольку в исм существует тип склонения существительных мужского рода на согласный типа стол. Эти названия легко могли бы быть подведены под данный тип скловения. Кстати, нужно сказать, что этот тип в гидронимике существует, ср. названия Muec , ROz , $\mathit{Hon} \partial \mathit{pyc}$ и т. д. Не менее легко включаются в тип склонения существительных женского рода на -а топонимы с исходом на -га; ср. в нижневычегодских говорах: Ходили грести Ворги (комизырян. ворга «болотистая ложбина»). Адаптации в названиях рек на-ма, -га,-ша, -та и т. д. могли носить только единичный и случайный характер.

Иногда оказывается возможным до некоторой степели восстановить подвергшееся искажению название по его производным. Название острова Цейлон (англ. Ceylon = si'lon) представляет сильно испорченное древнее название этого острова sinhala, которое, в свою очередь, возникло из sinhala dvipa, т. е. «Львиный остров» 1. Однако название жителей острова sinhaleses «сингалезы» лучше сохраняет древнее название острова.

¹ J. J. E g l i, Nomina geographica, crp. 109.

Испорченное название реки можно восстановить, если она входит в гидронимический ареал, характеризующийся так называемыми «речными» суффиксами; например, название реки Ертом (Нижняя Вычегда) возникло из Ертым, поскольку в данном ареале есть реки типа Уктым.

А. П. Дульзон утверждает, что название реки Икса в бассейне средней Оби «восходит к обско-тюрк. йиксу» 1. Для доказательства этого положения следовало бы привести реки на -су, находящиеся в данном ареале. Одпако А. П. Дульзон этого не сделал, и его тезис остается недоказанным.

4. Использование данных летописей, архивов, старых документов и фольклорных материалов

Данные летописей, архивов и старых документов могут дать топонимисту очень много и позволят уточнить сделанные им ранее выводы. Так, например, Онежское озеро в летописях называлось Онъго или Ониго; Ладожское озеро называлось Нево; озеро Ильмень в старых документах выступает в форме Ильмерь, что обнаруживает финно-угорское происхождение этого названия (ер «озеро»; ср. фин. järvi, марийск. ер) и т. д.

Современное коми-зырянское название Сольвычегодска Совдор в Вычегодско-вымской летописи, в записи, датируемой 1385 г., выступает в форме Солдор («Устюжане побыли новугородцов под Чорной рекой под Солдором» ²). Эти данные позволяют установить, что л в конце закрытого слога в нижневычегодских говорах коми-зырянского языка в XIV в. еще не переходило в в. Подобных фактов можно было бы привести множество. Однако следует заметить, что данным летописей и старых документов не следует доверяться слепо. Работа над этими данными должна быть по существу критикой текста. Необходимо сверять сразу несколько данных с целью выявления индивидуальных ошибок писцов, случайных описок, результатов влияний различных говоров и т. д. Так, например, современное название села Яренска на Нижней Вычегде в старых летописях выступает в форме Еренский городок, а протекающая недалеко от него река *Яреньга* именуется *Еренгой.* Исследователь не должен в данном случае торопиться с выводами, так как в говоре местного населения имеется склонность к произношению e вместо я, например $e\partial p$ \ddot{e} ный (т. е. «сильный, здоровый») вместо ядрёный, разъериться вместо разъяриться и т. д.

Еще большая осторожность должна быть проявлена при использовании народных этимологий, легенд и т. п. Наилучшие результаты и здесь может дать комплексный метод исследования.

[III. Зависимость методов топонимических исследований от состояния исследуемого материала

Исследование топонимов и гидронимов дает наибольший эффект главным образом тогда, когда язык создателей этих названий оказывается известным. Знание языка позволяет в более или менее полной мере выявить фонетические и грамматические адаптации, установить равличные искажения, корректировать данные документов и т. д. Но могут быть случаи, когда язык народов, создавших топонимические названия, неизвестен. Перед нами оказываются мертвые реликты пекогда существовавших языков, конкретное значение которых мы определить не можем. Предлагаемые исследователями этимологии этих названий могут быть в одинаковой мере как верными, так и певерными. Единственным методом в такого рода случаях может быть выявление закономерно повторяющихся суффиксов, представлявших некогда нарицательные слова.

¹ А. П. Дульзон, указ. соч, стр. 36.
² «Документы по истории коми», «Историко-филологич. сборник», вып. 4 Єжктывкар, 1958 стр. 260.

Иптересное замечание на этот счет мы находим у А. И. Соболевского: «В окончаниях можно предполагать потомство нарицательных имен неизвестных нам (пока?) языков, именно: в названиях рек — нарицательных с значением: река, вода (срв. тюркские названия рек с окончанием чай, су, финские с окончанием joki, vesi и т. п.), в названиях озер — нарицательных с значением: озеро, море, вода (срв. немецкие названия с окончанием see, финские с окончанием järvi; срв. также русские названия населенных мест: Новгород, Белгород, Звенигород, Райгород, Кайгород, Давид-городок и т. д.; из них первое повторяется на карте России несколько раз) и т. д.» 1.

В исследованиях по топонимике этот метод применяется сравнительно давно. В. Б. Шостакович, исследуя названия рек Сибири, установил 30 групп «речных» суффиксов, из которых многие принадлежат совершенно незнакомым языкам, например суффикс -ым: Пелым, Казым, Чулым, Назым и т. д.; суффикс -ба: Буйба, Солба, Нойба, Козырба, Куреба и т. д. Тем же методом пользовались П. Кречмер и Г. А. Капанцяп, выделявшие в топонимике Малой Азии такие аффиксы, как -anda (-unda /-inda), -sa (-ssa), -m (-ma/-mi), -itha (-ithi) и т. д. Его примения финский лингнист А. Капансто в статье «Über die irüheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung» ; ср. также нашу статью «Волгоокская топонимика на территории Европейской части СССР» 5.

Некоторые исследователи топонимики (А. П. Дульзон, А. Соважо, А. И. Попов и др.) относятся к применению этого метода весьма скептически. Основным его недостатком А. П. Дульзон считает неверное общее положение, что «все звучащее одинаково представляет собой одно и то же... конечные элементы топонимов одного района (-га, -ма и т. д.) могут иметь совершенно иное происхождение, чем равнозвучные исходы топонимов другого района»⁶. Этот аргумент мог бы быть весомым лишь в том случае, если бы А. П. Дульзону, А. Соважо, А. И. Попову и другим противникам указанного метода удалось доказать, что сотни окончаний навваний рек, например на -ма и -га, имеют разное происхождение. Доказать это им не удается, поэтому основной их аргумент остается гласом вопиющего в пустыне.

В защиту метода можно было бы привести следующие соображения: 1) адаптация имеет стихийный и нерегулярный характер. Поэтому сотни названий не могли одновременно подвергнуться адаптации?; 2) если бы реки на -ма и -га оканчивались в языке создателей этой гидронимики на согласный, то и в этом случае не было бы стимулов для адаптации.

Приводимые А. П. Дульзоном примеры названий рек Лымбылька из селькуп. Лымбылькы в и Ванджылька из селькуп. Ванджылькы не могут опровергнуть гипотезу о единстве происхождения «речных» суффиксов -га и -ка в Европейской части СССР.

А. П. Дульзон даже не проверил, так ли ведет себя суффикс -ка в адаптированных названиях типа Лымбылька и Ванджылька, как он ведет себя

¹ А. И. Соболевский, Как исследовать местные названия?, ИОРЯС, т. XXIII (1918) кн. 1, 1919, стр. 184.

³ В. Б. Шоста кович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири, сб. «Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири» («Изв. Вост.-Сиб. отдела Русск. географич. об-ва», т. XLIX), Иркутск, 1926.

³ См.: P. K r e t s c h m e r, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896; Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, [обл. 1957] (см. статью «Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древиси Малой Азии»).

⁴ См. «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XVIII, Hf. 1—3, 1927.

⁵ См. ВЯ, 1955, № 6.

A. П. Дульзон, указ. соч., стр. 36.

 ⁷ См. стр. 44 настоящей работы,
 ⁸ См. стр. 47 настоящей работы.

⁹ А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 37.

¹⁰ Там же, стр. 40.

в названиях рек европейского Севера. Факты в данном случае говорят против А. П. Дульзона. В назнаниях рек европейского Севера суффикс-ка пикогда не выступает после носовых сопорных или звонких согласных (ср. Волга, Куданга и т. д.), тогда как русский суффикс-ка этому правилу не подчиняется (ср., например, названия рек Казанка, Чебоксарка и т. д.). Это говорит о том, что указанные закономерности в гидронимике европейского Севера сложились в языке-оригинале, а не на русской почве. Отдельные случайные совпадения возможны, но они могут быть определены. В целом развенчать этот метод пока никому не удалось.

IV. Зависимость методов исследования топонимических и гидронимических названий от целей исследования

Изучение топонимических и гидронимических названий может представлять интерес для языковеда, историка, этнографа и археолога. Значение этих данных для изучения истории языка часто чрезмерно преувеличивается. Для историка языка они дают вообще мало, но это немногое может быть иногда очень интересным. Подобно сложным словам, топонимические и гидронимические названия могут заключать в себе в законсервированном виде слова, в настоящее время исчезнувшие из языка.

Общефинноугорское название камня в современном коми-зырянском языке исчезло. Ср. фин. kivi, мордов. kev, марийск. kÿ, венг. kö, но комизырян. us. Слово us, вероятно, первоначально обозначало кусок камня, которым растирали в каменной ступке зерна, откуда глагол ushы «молоть». Позднее оно приобрело обобщенное значение и вытеснило более древнее название кампя ки, сохранившееся в составе сложного слова usku «жернов». Однако название реки Кишера (бассейн Нижней Вычегды) из Кишор свидетельствует, что некогда слово ки имело самостоятельное значение камня (Кишор обозначает «каменистый ручей»).

Названия населенных пунктов Бутырки и Ворыпаево нельзя объяснить при помощи слов современного русского языка. В старом русском языке бутырками назывались дома, стоящие особняком, на отшибе 1. Название Ворыпаево происходит от ныне уже неупотребительного имени Ворыпай, образонанного от слова вороп «разбой», «грабеж», «насилие» 2.

Топонимические названия иногда могут содержать специфические значения слов, в современном словаре уже не сохранившиеся. Название деревни Пятницкое сельцо может показаться неискущенному этимологу уменьшительно-даскательной формой от слова село. Между тем прежде сельцом называлось село, которое не было церковноприходским центром.

Лингвиста может интересовать в топонимике и гидронимике главным образом их лингвистическая сторона. Для историка топонимика интересна прежде всего как источник истории заселсия данного края; его больше интересует не лингвистическая сторона, а последовательность смены топонимических назнаний и причины их возникновения. Известный интерес для историка представляет также вопрос о топонимических ареалах, синдетельствующих о движении населения. Археолога будет интересовать вопрос о соответствии топонимических ареалов и топонимических ярусов археологическим культурам. Этот же вопрос является важным и для этнографа.

Устанавливаемые языковедами топонимические ареалы и ярусы являются хорошим средством против распространения некоторых чрезмерно фантастических гипотез в области археологии и исторической этнографии.

Методы изучения топонимических названий необычайно разнообразны, но в основе этого разнообразия несомненно лежат некоторые общие принципы.

² Там же, стр. 127.

¹ См. А. М. С е л и щ е в, Из старой и новой топонимии, «Сборник статей по язы коведению», т. V, М., 1939, стр. 143.

л. м. ЩЕРБАК

ОБ АЛТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

От редакции. Публикуемая статья А. М. Щербака приводит краткие сведения по историографии вопроса о близости между алтайскими языками, которая объясияется различными учеными либо первоначальным генетическим родством этих языков, либо их конвергентным развитием. При этом автор статьи в общем примыкает

к последней точке зрения.

Отмечая чрезнычайную сложность вопроса и недостаточность сравнительно-исторических исследований по алтайским языкам, особенно в части этимологического изучения корневого состава лексики этих языков, редакция находит, что А. М. Щербак в своей статье касается лишь некоторых вопросов алтаистики, в частности, явно переоценивая при этом значение так называемого «закона Рамстедта—Пеллио». Тем не менее редакция считает, что дапная статья может представить известный интерес для широкого круга читателей в силу актуальности затровутого вопроса, который в последнее время вновь пачинает привлекать к себс впимание многих ученых как у нас, так и за рубском, например на международных конгрессах востоковедов, на различных алтаистических семинарах и сессиях [Майнц (ФРГ) и др.].

В настоящее время вопросы, относящиеся к так называемой алтайской гипотезе, вновь привлекают внимание специалистов, работающих в области сравнительной грамматики тюркских, монгольских и тунгусо-мань-

чжурских языков.

Обусловлены ли связи, обнаруживаемые в лексике и грамматике, в звуковой и грамматической структуре слов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других, обычно причисляемых к алтайским языкам, их происхождением из одного языка-основы или же эти связи носят характер взаимовлияний (имевших место на протяжении длительного периода времени) — вот основной вопрос алтаистики в ес лингвистическом аспекте. Он поставлен в середине XIX в. и остается открытым вплоть до настоящего времени. В этой статье мы не ставим перед собой задачи решить данный вопрос. Наша цель — показать истоки алтаистики и ее современное состояние.

1

В числе основоположников алтаистической точки зрения обычно назынают Р. Раска, выделиншего целый ряд языков Урала и Сибири в так называемую скифскую группу, а также И. Страленберга и А. Ремюза, выделявших приблизительно те же языки под наименованием «татарских» 1.

Впервые термин «алтайские» был употреблен в середине XIX в. В. Шоттом и М. А. Кастреном², исходившими из предположения, что прародиной многих близких языков северо-восточной части Европы и Сибири был Алтай. Кастрен и Шотт явились вместе с тем первыми исследователями, взявшими на себя задачу научно обосновать родство алтайских языков, к которым они относили языки финнов, тюрков, самоедов, монголов и тунгусов, т. е. языки, впоследствии называемые урало-алтай-

Sprachengeschlecht, Berlin, 1849, crp. 1.

1959

¹ См. об этом: O. Donner, Die ural-altaischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. I, Hf. 1, 1901, стр. 129; см. также J. Den y, Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes, сб. «Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen», Paris, 1924, стр. 185, 186.

2 M. A. Castrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Petersburg, 1857, стр. 14, 18; W. Schott, Über das altaïsche oder finnisch-tatarische

Определение состава алтайской семьи (resp. урало-алтайской) во второй половине XIX в. шло как по линии уточнения родственных связей между теми языками, о которых говорили М. А. Кастрен и В. Шотт, так и в направлении поисков других возможных представителей алтайской общности. В связи с этим делались попытки включить в урало-алтайскую семью кавказские языки, дравидские (точнее сказать — «все особенности грамматической структуры, которыми дравидские языки отличаются от санскрита») 1, японский 2, затем кетский и некоторые другие енисейские языки (коттский, аринский, ассанский) 3. Многие языки сближались с урало-алтайскими путем сопоставления их с какой-либо определенной ветвью этих языков. Так, например, предполагалось наличие родства между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и шумерским, с другой 4, между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и корейским^ь.

Таким образом, границы алтайской языковой общности оказались раздвинутыми от Скандинавии на северо-западе до Японских островов на юго-востоке и до Чукотского полуострова на северо-востоке. Следует, однако, заметить, что не всегда в основе стремлений расширить границы алтайского языкового мира лежали чисто паучные мотивы и соображения.

Что касается языковых признаков, которые использовались раньше и используются в настоящее время для установления родства урало-алтайских языков, то следует заметить, что в этом отношении нет единства в среде алтаистов. Однако большинство из них (М. А. Кастрен, Г. Винклер, А. Соважо и др.) объединяющими признаками считают гармонию гласных, способ образования грамматической формы, отсутствие префиксов и предлогов, неизменность склонения и координативную структуру предложения, а также указывают на наличие большого количества лексических параллелей. В. Банг и Ю. Немет называют, кроме того, конкретные признаки из области морфологии 7.

Сомнения относительно истинности алтайской (resp. урало-алтайской) гипотезы возникли одновременно с возниквовением этой гипотезы⁸. Постепенно эти сомнения возрастали, число сторонников урало-алтаизма все уменьплалось, тогда как ряды противников непрерывно росли. Из числа последних часть выступала против принципов выделения урало-алтайских языков и отрицала паличие такой языковой семьи вообчасть высказывалась против возможности отнесения к урало-

CTD. XXXIV.

¹ R. Caldwell, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, 3-rd ed., London, 1913. Библиографию см.: К. В о и d a, Dravidisch

und Uralaltaisch, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXV, Hf. 3—4, 1953, crp. 173.

² Cm.: G. J. R a m s t e d t, A comparison of the Altaic languages with Japanese, «Transactions of the Asiatic society of Japan», Second series, vol. I (1923, 1924), Tokyo, 1924; W. Pröhle, Studien zur Vergleichung des japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen, «Keleti szemle», t. XVII, sz. 1—3, Budapest, 1916—1917.

Виблиографию по этому вопросу см.: Н. К. Каргер, Кетский язык, сб. «Языки и письменность пародов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 223—224.

⁴ Cm. F. Hommel, Ethnologie und Geographie des alten Orients, München,

⁴ CM. F. Hommel, Ethnologie und Geographie des alten Orients, Munchen, 1926, ctp. 21—22.

⁵ CM. G. J. R a mstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, «Sitzungsberichte der Finnischen Akademic der Wissenschaften», Helsinki, 1935, ctp. 86—89; его же, A Korean grammar, Helsinki, 1939, ctp. 20—21.

⁶ CM.: M. A. Castrén, ykas. cou., ctp. 17, 18; H. Winkler, Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Berlin, 1921, ctp. 32; A. Sauvageot, Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques, Paris, 1930, ctp. XXI, XXVI. Большое количество общих слов устанавливает также М. Рясянен (см. М. Räsänen, Ural-altaische Wortforschungen, Helsinki, 1955).

Wortforschungen, Helsinki, 1955).

7 W. Bang, Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. IX, 1895, стр. 267—276; его же, Uralaltaische Forschungen, «Einzelbeiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft», III. X, Leipzig, 1890, crp. 1—44; J. Németh, Probleme der türkischen Urzeit, «Analecta orientalia memoriae A. Csoma de Körös dicata», vol. I, Budapestini,

^{1942,} стр. 82—83. 8 См. О. Böhtlingk, Über die Sprache der Jakuten, St. Petersburg, 1851,

алтайской общности тех или иных конкретных языков, например корейского, японского и др. ¹. С резкой критикой алтайской гипотезы выступил С. М. Широкогоров².

Сомнения в возможности установления системы строгих соответствий и доказательства родственных связей между разными группами уралоалтайских языков так или иначе высказывались почти всеми сторонниками алтаизма. Так, например, М. А. Кастрен — один из основоположников алтайской гипотезы — отмечает то обстоятельство, что многие из уралоадтайских языков «стоят в очень отдаленном отношении друг к другу»; в особенности это касается финского, с одной стороны, монгольского и тунгусского языков, с другой 3. Явно сочувствующий алтайской гипотезе А. Соважо не решается считать установленным происхождение от общего предка даже тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁴. Серьезные сомнения высказывают также Г. Рамстедт и Ю. Немет 5.

Кризис гипотезы об урало-алтайском родстве вызывает необходимость дополнительной проверки ее при помощи новейшей методики ⁶ и приводит к поискам новых путей объяснения сходных особенностей уральских и алтайских языков. Получает широкое распространение квалификация урало-алтайских языков как обобщенного лингвистического типа, характерного для определенного географического района на континенте Евразии7. В основу выделения этого типа и вообще подобных типов (циклов) положена точка зрения о возможности наслаивания на генетические признаки признаков исторических, причем именно совокупность последних позволяет объединять языки разных языковых семей.

В связи с новым подходом к алтайской проблеме происходит разделение урало-алтайских языков на две группы: уральскую и алтайскую. При этом, с одной стороны, усиливается тенденция сблизить уральские языки с индоевропейскими ⁸, с другой стороны, намечается стремление уточнить состав и обосновать генетическое родство алтайских языков⁹.

Основными подразделениями алтайской общности новая алтаистическая традиция называет тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки¹⁰. К числу признаков, позволяющих выделить эти три группы,

¹ Cm., Hampimep, Shir & Hattori, The relationship between Japanese and the Luchuan, Korean and Altaic languages, «The Japanese journ. of ethnology», vol.

XIII, No 3, Tokyo, 1948.

2 S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistical aspects of the Ural-5. M. Shirokoguroll, Ethnological and linguistical aspects of the Uralaltaic hypothesis (Reprinted from «Tsing Hua journal», vol. 6), Peiping, 1931, crp. 55—
56, 89—90, 162, 168.

M. A. Castrén, ykaz. cou., crp. 14.

CM. A. Sauvage ot, ykaz. cou., crp. XXX.

G. J. Ramstedt, Überden Ursprung der türkischen Sprache, crp. 91; J. Némath. The angient relation between the Uralia and the Turkish language. Mysektis.

m eth, The ancient relation between the Uralic and the Turkish languages, «Nyelvtudományi Közlemények», kötet XLVII, szám 1, 1928, стр. 62—84. Итоги продолжительным исследованиям в области урало-алтайских языков подводит Т. Себеок (Т. А. S e b e o k, The meaning of «Ural-Altaic», «Lingua», vol. II, 2, Haarlem, 1950, стр. 135, 136).

⁶ Так, Б. Коллиндер, например, пользуется при этом статистическим методом [см. В. С o l l i n d e r, La parenté linguistique et le calcul des probabilités, «Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1948: 13), 1948]. Критическое изложение содержания этой статьи см.: V. Pisani, Parenté linguistique, «Lingua», vol. III, 1.
7 См. Т. Milewski, Zaris językoznawstwa ogólnego, cz. II, zesz. 1, Lublin—

Kraków, 1948, crp. 205-206.

⁸ Историю развития этой тенденции см.: B. C o l l i n d e r, Zur indo-uralischen Frage, «Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar» («Uppsala universitets årsskrift», 1954: 10), 1954.

Д. Синор высказывает предположение о том, что родственными уральским, или финно-угорским, языкам из алтайских могут быть только тюркские (D. Sin or, Le problème de la parenté des langues ouralo-altaïques, «La revue de géographic humaine et d'ethnologie», vol. I, № 1, Paris, 1948, стр. 68, 69).

¹⁰ Иногда сюда же относят корейский язык, точнее — то, что не является в корейском языке китайским вкладом (см. G. J. R a m s t e d t, The relation of the Altaic languages to other language groups, «Journ. de la Société finno-ougrienne», [vol.] LIII, (1946—1947), Helsinki, 1947, crp. 15).

В. К. Метьюс относит гармонию гласных, двойственное деление твердых взрывных согласных, тенденцию избегнуть начальные звонкие, ясность и устойчивость гласных, неустойчивость конечного μ/h , отсутствие групп согласных звуков в начале и конце слова, отсутствие долгих или удвоенных согласных и расположенность к открытым слогам 1. Е. Д. Поливанов со своей стороны указывал на исключительно суффиксальный тип морфологии, постоянное место (на начальном слоге) и экспираторный характер ударения, «приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы» (односложные и двусложные комилексы)², сингармонизм3, сходства общего характера в составе фонстической системы. Много усилий в области разработки сравнительной фонетики и грамматики алтайских языков приложил Г. Рамстедт, разработавний наиболее полную систему звуковых соответствий и соответствий грамматических форм ⁴.

Ж. Дени, автор общей части описания тюркских, монгольских и тунгусских языков в новом издании книги «Языки мира», общими чертами нсех трех групп считает следующие. В области фонетики гармонию гласных (причем гармония гласных нёбного притяжения отражается на некоторых согласных, главным образом «гуттуральных»), стремление (преимущественно в тюркских языках) избежать в начале слова сонорных, незначительную роль полугласных (w — позднее явление), неустойчивость конечного μ , отсутствие геминированных согласных в основе и в изолированных аффиксах, отсутствие стечений согласных в начале слова, по крайней мере когда первый из них не есть илавный сонорный (р. л). В области морфологии — отсутствие грамматического рода, наличие только двух грамматических чисел, возможность использования так называемых «обнаженных» корней, агглютинативно-суффиксальный характер морфологии (отсутствие префиксов), отсутствие предлогов (их заменяют послелоги), наличие одного типа спряжения и т. д. В области синтаксиса — порядок слов в предложении (второстеценные члены предшествуют главным), почти полное отсутствие союзов и относительных местоимений (придаточным предложениям индоевропейских языков соответствуют «квази-предложения», т. е. группы слов, оканчивающиеся именными формами глагола: именами действия, причастиями, герундивами). Общими для всех трех групп являются аффикс местного падежа $-\partial \ddot{a}$, аффикс $-\kappa i$, сопровождающий локатив, и аффикс род. падежа; имеют много сходства личные местоимения 5.

По мнению Б. Я. Владимирцова, «на родственную связь между монгольским, тюркским и тунгусским указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, частности морфологии этих языков» 6. Изучению в сравнительно-сопоставительном плане фонетики и морфологии алтайских изыков посвищены некоторые статьи М. Левицкого, а также многие работы В. Котвича 7, отличающиеся

менного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 46.

¹ W. K. Matthews, Languages of the USSR, Cambridge, 1951, стр. 53. ² См. Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков, ИАН СССР, Серия VI, 1927, № 15—17, стр. 1198.

³ «Сингармонизм... в современном корейском языке отсутствует. Но пережитком его можно считать уцелевшие доныне чередования вроде $a/\Lambda...$ » (там же, стр. 1199). 4 G. J. R a m s t e d t, Studies in Korean etymology, II, Helsinki, 1953, crp. 10-

^{12;} его же, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsin-ki, 1957, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, 1952. 5 Сб. «Les langues du monde...», Nouvelle édition, 1952, стр. 319—320, 322—330 6 См. Б. Я. В ладимирцов, Сравнительная грамматика монгольского пись-

⁷ См., например: M. Le wicki, Przyrostki przysłówkowe $-ra \sim -r\ddot{a}$, $-ru \sim -r\ddot{a}$, $r\ddot{i} \sim -ri$ w jezykach altajskich, Wilno, 1938; W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques, I—III, «Rocznik orjentalistyczny» (RO), t. VII (1929—1930), Lwów, 1931, IV—V—RO, t. XII, Lwów, 1936; его же, Les éléments turcs dans la langue mandchoue, RO, t. XIV (1938), Lwów, 1939; его же, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936.

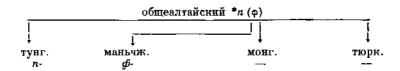
богатством материала, глубиной анализа и большой осторожностью в объиснении сходных или совпадающих языковых фактов.

Ошибочно было бы думать, что выделение алтайской семьи в новом варианте, т. е. в составе указанных выше трех или четырех групп, является уже достаточно обоснованным и не вызывает таких сомнений, какие возникали, например, при выделении алтайской семьи в составе уральских и собственно алтайских языков. О недостаточной обоснованности уже известных положений алтаистики или вообще о невозможности доказать наличие родственных связей между отдельными группами собственно алтайских языков так или ипаче говорит большинство специалистов, работающих в соответствующей области. Например, И. Бенцинг полагает, что на вопрос о том, родственны ли тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно до тех пор, нока не будут тщательно исследованы языки каждой из указанных групп и пока не будут выяслены как все их особенности, так и объединяющие их моменты 1. С большой решительностью против алтайской теории в последнее время выступает Г. Клоусон, подчеркивающий, что в основе многих общих тюрко-монгольских языковых явлений лежат продолжительные взаимодействия этих языков². Этот же момент отмечает и Л. Лигети, для которого родство так называемых алтайских языков является все же «очень вероятной гипотезой»³. Безоговорочно алгайскую гипотезу поддерживает Н. А. Баскаков и др.

Для характеристики современного состояния алтайской теории чрсзвычайно важным является то, что до пастоящего временя не была разработана четкая методика сравнительного исследования алтайских языков даже такими наиболее выдающимися алтаистами, как Г. Рамстедт и Б. Я. Владимирцов. Представляется знаменательным и тот факт, что такой крупный специалист в области алтаистики, как В. Котвич, уделивший много внимания изучению алтайских связей, в последние годы своей жизни признал несостоятельность гипотезы о гепетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в.

Ниже мы рассмотрим фонетический закон Рамстедта-Поллио и остановимся на некоторых алтайских праформах, восстановленных главным образом для тюркских и монгольских языков. Закон Рамстедта — Пеллио не является основным в системе доказательств генетического родства алтайских языков, тем не менее это — единственный фонетический закон, установленный на материалах всех трех языковых групп.

Закон Рамстедта — Пеллио выражается в следующей схеме:

¹ Cm. J. Benzing, Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie, Wiesbaden, 1953, crp. 4.

² G. Clauson, The case against the Altaic theory, «Central Asiatic journal»,

² G. C. I a u s o n, The case against the Ataic theory, «Central Asiatic journals, vol. II, № 3, The Hague—Wiesładen, 1956, стр. 181—187.

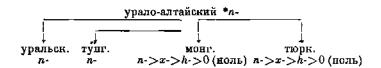
³ Jl. Jl в г с т в, [рсц. на кн.:] Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских угътсе, Г Я, 1955, № 5, стр. 134.

⁴ См. грерисловуе Н. А. Баскакова (стр. 5) к кн.: Г. И. Р а м с т е д т, Введение в илтяйське усыкознание. Морфология, М., 1957

⁵ См. W. K o t w i c z, Studia nad językami altajskimi, RO, t. XVI (1950), Кгаków, 1953, стр. 307—314. Общие вопросы алтанстики обсуждались на XXIV Междунарознем тентресси вестеноведов в Минжене в 1957 г. (материалы еще не опубликованы) и на заседании вновь созданного алтаистического семипара в Майнце в 1958 г.

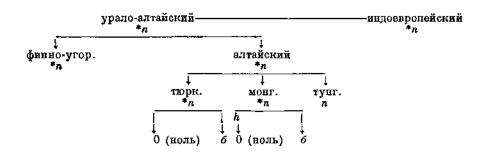
Γ. Рамстедт высказывает предположение о том, что в алтайском праязыке в начале слова существовал некий глухой спирант φ, который в современных алтайских языках отразился по-разному или вообще не оставил никаких следов ¹. В отличие от Γ. Рамстедта, П. Пеллио считает этот изначальный глухой не спирантом, а смычным звуком ².

В дальнейшем схема закона Рамстедта — Поллио становится более развернутой благодаря тому, что А. Соважо включает в нее также уральские языки 3:

«Заключение из всего этого,— пишет А. Соважо,— таково, что закон Рамстедта, проверенный Пеллио для древнемонгольского языка, подтверждается, с другой стороны, сравнением с языками, составляющими уральскую группу» 4. В общем урало-алтайском языке, по мнению А. Соважо, смычный лабиальный *n мог чередоваться со звуком $*6^5$.

Новейший вариант закона Рамстедта — Пеллио воплощен в схеме Д. Синора ⁶, куда оказались включенными не только уральские, но и индоевропейские языки:

Создавая эту схему, Д. Синор опирается на некоторые соответствия, обнаруженные в свое время Ю. Х. Тойвоненом и распространяющиеся, по миению Д. Синора, на индоевропейские языки. Ср., например: др.-тюрк. $a\delta ak$ ($asak \sim ajak$) «нога», чуваш. ypa, угорск. $ni\partial \sim no\partial$, санскр. pad, лат. pedis (ak в др.-тюрк. $a\delta ak$ Д. Синор рассматривает как морфологический элемент)⁷.

¹ См. G. J. R a m s t e d t, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolischtürkischen Ursprache, «Journ. de la Société finno-ougriénne», vol. XXXII, Helsingfors, 1916—1920. В несколько своеобразной форме этот закон излагает впервые В. Томашек (см. его «Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden», I, «Sitzungsberichte der Wioner Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe, Bd. CXVI, 1888, стр. 46).

² P. Pelliot, Les mots à hinitiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles, «Journ. asiatique», t. CCVI, fasc. 2, 1925, crp. 263.

A. Sauvage ot, Recherches..., crp. 62.

<sup>Там же, стр. 32.
Там же, стр. 59—62.</sup>

D. Sinor, Ouralo-altaïque — indo-européen, «T'oung Pao», vol. XXXVII,
 livr. 5, 1943, crp. 235.
 Tam жe, crp. 228.

С учетом схемы Д. Синора предложил свой вариант Л. Гамбис 1:

*
$$n$$
 (алтайск.) \rightarrow тунг.
$$\begin{cases} n \\ h \\ \emptyset \\ 0 \end{cases}$$
 (ноль)
$$\rightarrow$$
 монг.
$$\begin{cases} h \\ \emptyset \end{cases}$$
 \rightarrow тюрк.
$$\begin{cases} 0 \text{ (ноль)} \\ 6 \text{ (?)} \end{cases}$$

Проверка и конкретизация закона Рамстедта — Пеллио производилась главным образом на материале монгольских языков 2 . Итоги многочисленных исследований в этой области подведены Γ . Д. Санжеевым: «...отличия одних монгольских диалектов от других в то время (имеется в виду XIII в.— A. M.) сводились в осповном к различной степени эволюции начального губного n от ϕ до нуля: одни диалекты еще сохраняли этот начальный губной n, другие изменили последний на проточный h, а третьи утратили и этот h. Несомненным потомком первых является ныне монгорский язык. Ойратские диалекты в XIII в. имели начальный ноль вместо былого согласного n. 3 . Γ . Д. Санжеев приводит далее следующие примеры:

монгор.	средне-монг.	халха-монг.	
фäн	ho н	оӊ	«год»
фōдi	һодун	одон	«звезда»
φβÿ∂a	hyzyma	ỹ mã	«сума, мешок»
фугор	hykep	ýxě p	«бык, корова»
xapea	hanasa	a กลังลั	«ладонь»
харван	һарбан	арейн	«десять»
xezi	<i>hе</i> кін	exĭн	«начало»

Из сформулированных Г. Д. Санжеевым выводов следует, что материалы монгольских языков как будто бы подтверждают гипотезу Рамстедта — Пеллио. Однако можно возразить Г. Д. Санжееву в отдошскии возможности изменения x(h) > n.

Проверка закона Рамстедта — Пеллио на тунгусском материале не привлекла такого внимания исследователей, как это имело место среди монголистов. Тем не менее следует отметить, что случаи проявления в тунгусских языках начального билабиального или аспирата 4 перед аспирированными или неаспирированными гласными указывались А. Шифнером, Л. Адамом и В. Грубе.

Специально вопрос о возможности применения закона Рамстедта — Пеллио к тунгусскому материалу изучался С. М. Широкогоровым, который в конечном итоге пришел к отрицательным выводам. Различные начальные звуки, нерегулярно обнаруживающиеся перед гласными (x, h, ϕ, n) , Широкогоров объяснял как результат явлений аспирации и билабиализации, из которых первое рассматривалось им как неосознаваемый процесс сохранения, или предохранения («of preservation») гласных, функционально соответствующий их акцентуации 5 .

L. H a m b i s, Grammaire de la langue mongole écrite, pt. 1, Paris, 1945, стр. 78.
 См. указанные выше работы П. Пеллио; можно назвать также: A. M o s i r c r t,
 A. de S h m e d t, Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansu occidental, «Anthropos», Bd. XXV, Hf. 3, 4, 1930. Вопрос о начальном h в монгольских языках рассматривался в работе: М. П. X о м о н о в, Исследование слов с начальным h в монгольских языках в свете нового учения о языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1950.

гольских языках в свете нового учения о языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1950.

3 Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. І, М., 1953, стр. 11; ср. также стр. 24 и 29.

4 Раздел, посвященный этому авуку, имеется в работе: В. И. Цинциус, Сравии-

тельная фонетика тупгусо-мань-журских языков, Л., 1949, стр. 247.

5 S. M. Shirokogoroff, Ethnological and linguistical aspects..., стр. 103, 104, 109, 118, 120; его же, Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages, RO, t. VII (1929—1930), Lwów, 1931.

По-видимому, иначе относится к проблеме начального глухого смычного в тунгусо-маньчжурских языках В. И. Цинциус, которая делает попытку реконструировать соответствующий тунгусо-маньчжурский архетип, предлагая пижеследующую схему¹:

Однако сам характер восстанавливаемого архетипа свидетельствует против предположения о его существовании вообще, так как указанный архетип по существу охватывает все возможные вариации инкурсии; как видим, он не совпадает с тем архетипом, который устанавливается в схеме закона Рамстедта — Пеллио.

Независимо от окончательных результатов исследования в этой области, уже сейчас можно заметить, что попытка распространить «закон» соответствия начальных смычных на такие слова, как эвенкийск. xyxyp «корова» (ср. тур. $\ddot{o}k\ddot{u}z$, монг. $\dot{q}xxp$), подрывает в основе гипотезу об общем тунгусо-маньчжурском смычном. Эвенкийскому xyxyp соответствует в маньчжурском языке $\ddot{u}xer$, тогда как следовало бы ожидать форму с начальным ϕ . Поэтому в поисках системы соответствий начальных смычных и спирантов целесообразнее ограничиваться собственными материалами тунгусо-маньчжурских наыков и не привлекать для обоснования предлагаемых схем материалы других алтайских изыков.

Некоторые суждения относительно тюркских языков в связи с законом Рамстедта — Пеллио высказывает П. Пеллио, не сомневающийся в первоначальном родстве (la parenté originelle) тюркских и монгольских языков. Соглашаясь с Γ . Рамстедтом, П. Пеллио указывает, что процесс исчезновения анлаутного *n в тюркских и монгольских языках начался очень давно, однако он не был завершен в протомонгольском языке, так как, например, начальный h сохраняется в отдельных наречиях вплоть до настоящего времени. По мнению исследователя, более или менее точно указанный процесс можно датировать общим тюрко-монгольским состоянием (в прототюркском, или общетюркском, языке начальный h уже исчез) 2 .

При этом П. Пеллио высказывает предположение, что в прототюркском языке в некотором количестве слов начальный *n или $*\phi$ перешел в δ и таким образом сохранился 3 .

На основе ранее установленных соответствий, принимая во внимание переход *n в 6, Π . Пеллио сближает следующие тюркские и монгольские слова:

бармак «налец» монг. письм. heregei тюри. багір «печень» heligen а́гір 4 «вращаться» hergi жöбālāк «бабочка» herbegei he¹ üd уја, оја «гнездо» hodun*јултуа* «звезда» булан — название масти hula'an «красный» ірін «губы» hurut hüre *уран* «зерно» окуз, огуз «бын» hüker и т. д. (всего 96 слов) 5.

¹ В. И. Цинциус, указ. соч., стр. 155.

² P. Pelliot, Les mots à h initiale..., стр. 253. ³ Там же, стр. 262.

 ⁴ По мнению П. Пеллио, āşip- является вторичной формой от авір-, авір-.
 5 См. Р. Pelliot, Les mots à h initiale..., стр. 209—247.

Разбор производимых П. Пеллио сопостанлений позволяет заметить, что иногие из них не являются достаточно обоснованными. Некоторые слова, такие, как hüker «бык», hüre «зерно, плод», относятся к числу так пазываемых Kulturwörter, границы распространения которых довольно неопределенны. По поводу же таких сопоставлений, как heregei и бармак «(большой) палец», heligen и багір «печень», herbegei и кöбäläк «бабочка», hodun и јултуз «звезда» и т. д., следует сказать, что они не имеют под собой никакой почвы.

Между тем в настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного или губного согласного. Ср.:

rarays. xaisa «айва», азерб. xäisa, МК I 1441 asja (<aisa);

rarays. xa.iip «жеребец», башк., кирг., татар., узб., уйг. aiçip, МК I 18 (см. также 95) aбçip;

гагауз. xармут «груша», азерб., татар. $aрму\partial$, уйг. амут;

узб. хöкіз «бык», азерб. öкÿз, казах. öгіз, гагауз. jökÿз, чуваш. «бакар, MK III 421 öкÿз;

узб., уйг. $x\ddot{o}l$ «влажный», тув., хакас. $\ddot{o}l$;

уйг. харву, харва «телега», азерб., кирг. араба, чуваш. урапа;

уйг. xapak «водка», татар. apak, узб. apak, чуват. "" p"" x";

уйг. *хара* «оса, пчела», узб. *арі* (бал арі):

уйг. xācāl «мед», узб. äcāl и др.

Появление аспирата перед широкими гласными, насколько можно судить об этом по приведенным примерам, имеет место главным образом в гагаузском и уйгурском языках, перед узкими — в уйгурском и узбекском; появление же губного наблюдается только в чувашском языке [вакар «бык»; ср. также чуваш. вір- «жать», татар. ур-, МК І 172 ор-; чуваш. вал «он», татар. ул, МК І 21 ол; чуваш. вута «дрова», татар. утын; чуваш. вірін «место», татар. орун, МК ІІІ 222 орун, урун; чуваш. верін- «учиться», татар. оірін-; чуваш. віс «три», татар. оч, узб. ўч; чуваш. вун «десять», татар. ун; чуваш. віс «три», татар. озін, узб. узун; чуваш. варман «нес», татар. урман, узб. орман и т. д.]. Кроме того, в гагаузском языке перед узкими гласными понвляется так называемый протетический і (іокуз «бык»). Итак, в современных и древних тюркских языках обнаруживаются три разновидности Vorschlag'a: х, в и і (казах. осіз «бык»; ср. узб. хокіз, чуваш. вакар, гагауз. іокуз).

Представляется ли возможным возвести указанные звуки к единому общетюркскому прототипу? На этот нопрос, пожалуй, следует ответить отрицательно. Восстановление в данном случае единого прототипа за-

труднено следующими обстоятельствами:

1. Соответствие начальных $x \sim s \sim j \sim 0$ (ноль) или $x \sim s \sim 0$ (ноль) находит свое подтверждение полностью чуть ии не в одном только случае (узб. $x\ddot{o}\kappa is$ «бык», чуваш. $s\ddot{a}\kappa\ddot{a}p$, гагауз. $j\ddot{o}k\ddot{y}\dot{s}$, казах. $\ddot{o}sis$). Во всех других случаях мы имеем дело с тремя рядами соответствий: $x \sim 0$ (ноль); $s \sim 0$; $j \sim 0$, которые невозможно свести в один ряд.

2. Соответствия $x \sim 0$ (ноль), $s \sim 0$, $j \sim 0$ встречаются только в начале

слова и только перед гласными.

3. Звуки x, ϵ и j, спорадически присутствующие в слове и выступающие перед начальными гласными, в значительной части случаев служат как бы для акцентуации качественного своеобразия гласных (так, например, ϵ в чувашском языке выступает только перед общетюркскими губными гласными).

4. Соответствия $x \sim 0$ и $j \sim 0$ в тюркских языках не являются регулярными и не подчиняются строгим правилам. Возьмем, например, ajsa

³ Нами принято следующее сокращение: МК (I—III) — [Mahmud Kaşqari], Divanü lügat-it-türk tercümesi, çeviren B. Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941.

«айва». В гагаузском и азербайджанском языках оно выступает с начальным. х (хаіва; хэіва). Однако аналогичное по своим фонетическим данным слово арба, араба «телега» в азербайджанском языке не имеет начального х: в то же время в уйгурском в этом слове имеет место начальное х (харва, xapey). Точно так же начальный x отсутствует в азерб. $apmy\partial$ «груша», отмечаемом в гагаузском языке в виде хармут. То же самое следует сказать относительно соответствия $i \sim 0$, добавив только, что его довольно позднее появление в начале слова перец гласным не вызывает, пожалуй, никаких сомпений. О поздвем появлении факультативного начального ј (в качестве своеобразной протезы, может быть, на почве инкурсии) свидетельствуют случаи стяжения широких гласных, ставшие возможными только благодаря наличию перед ними этого звука (ср. $a_\ell a_\star$ «дерево»>> jaeaч> jieaч, aeла- «плакать»> jaeла-> jieла->. Соответствие в ~ 0 является вполне систематичным, однако вследствие наличия $\epsilon(\sim0)$ тольков чувашском языке, это соответствие спедует рассматривать как возникшее в результате своеобразного развития чувашских начальных губных гласных. Об относительно позднем происхождении в в чувашском языке может свидетельствовать отсутствие его в соответствующих словах венгерского языка, которые могли быть заимствованы только из древнечувашского языка (имеются в виду слова ротацирующего типа) (ср. венг. ökör «бык», др.-чуваш. *öкÿр¹).

Из всего изложенного следует, что наличие так называемых «приставных» согласных в начале некоторых слов в ряде тюркских языков не может рассматриваться как свидетельство сохранения этими языками следов правлтайского или пратюркского смычного. Упомянутые «приставные» согласные — продукт явления, имевшего место во многих языках 2° и заключавшегося в том, что начальные гласные в этих языках почти всегда имели слабую инкурсию, которая в зависимости от разных условий могла приобретать совершенно конкретное звуковое качество или сохраняться в несколько неопределенном виде. Б. Я. Владимирцов объясняет это явление (для монгольского языка) физиологическими причинами: «...в полости рта, — пишет он, — органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положение до появления голоса, до звучания голосовых связок...» 3.

Таким образом, закон Рамстедта — Пеллио в отношении тюркских языков может быть справедлив лишь в том случас, если он будет восприниматься не в его историко-лингвистической обусловленности, а в плане общих линий развития языка, обусловленных обстоятельствами физиологического порядка.

Как уже упоминалось выше, Г. Рамстедт в своих последних работах сделал попытку восстановить алтайские праформы и разработал систему звуковых соответствий между алтайскими языками. Исследованиям Рамстедта в современной алтаистике придается большое значение, и Б. Коллиндер счел возможным заявить следующее: «Есть или были недавно алтансты, которые не считали, что алтайские языки имеют общее происхождение. После появления Алтайской морфологии Г. Рамстедта это отрицательное отношение может быть названо скорее скептическим, чем критическим» 4.

Так ли обстоит дело в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, насколько обоснованы восстанавливаемые Г. Рамстедтом алтайские праформы. Ограничимся морфологией. Рамстедт

¹ Cm. Z. G o m b o c z, Die Bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki, 1912, crp. 111.

² Cm. P. A alto, On the Altaic initial *p-, «Central Asiatic journal», vol. I, № 1,

^{[1955],} стр. 15.

³ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 54.

⁴ В. Kollinder, Remarks on linguistic affinity, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXVII, Hf. 1-2, 1955, стр. 2.

восстанавливает общевлтайский аффикс мн. числа -nar (<*nar «сово-купность»); ср. тюрк. -лap, монг. письм. -nar; ср. также нанайск, lari «рядом, с»; якут. $h\bar{a}p$ «вместе с», «совместно»¹. Прежде всего напомним, что Э. К. Пекарский с полным основанием возводил якутское $h\bar{a}p$ к монг. письм. najir «согласие, гармония...»². Заметим далее, что есть данные, позволяющие рассматривать монг. письм. -nar как заимствование из тюркских языков.

О тюркском происхождении монг. письм. -nar свидетельствует тот факт, что в древнемонгольском языке эта форма использовалась ограниченно 3, и — наоборот — широко употреблялась в XIV — XV вв. у западных монголов, подвергшихся, как известно, сильному влиянию тюрок (см. Сл. Замахшари II, 100: kibeler «делали», 106: asaqbatar «спрашивали», 121: boörtatdubatar «перерезали друг другу горло», 164: eriltüler «просьбы», 214: keleldübeler «беседовали», 297: qābatar «закрыли», 303: söküldebeler «ругались»). В тюркских языках аффикс -лар — -läр является единственным общераспространенным морфологическим показателем множественности на протяжении всего периода существования письменности (с VIII в.).

Что насается перехода начального л в н, то для монгольского письменного языка это вполне обычное явление; ср. монг. письм. način «сокол» (< тюрк. лачін), nojon «нойон» (< кит. лао-йе). Примечательно также и то, что в монгольских языках к аффиксу -нар присоединяются другие показатели множественности; ср. ойратск. ахнармуд «старшие», классич. монг. ламанаруд «ламы» 4.

Нет достаточных оснований считать общей тюрко-монгольской, или — шире — алтайской, формой и аффикс отыменного глаголообразования -а. В монгольском письменном языке известны всего лишь две глагольные основы на -а: qana- «пускать кровь» и sana- «думать»; обе они неразложимы, и их морфологический состав устанавливается лишь благодари привлечению тюркских материалов; ср. тюрк. kaн «кровь», kaна- «пускать кровь», «кровоточить», сан «число», сана- «считать». Следовательно, в монгольских языках аффикс -а как глаголообразующий форматив не существует.

Существует, на наш взгляд, вполне реальная возможность этимологизации рассматриваемого аффикса на собственно тюркском материале.

¹ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 59.

² См. «Словарь якутского языка», сост. Э. К. Пекарским, т. 2, Л., 1927, стр. 1680. ³ Так, давая общую характеристику показателей множественности в древнемонгольском языке, С. А. Козин указывает, что употребление аффикса -nar~-ncr «засыдетьствовано лишь в трех-четырех случаях» и в XIII в. «не получило сще должного развития, представляя сравнятельно позднюю формацию: ara-nar, ded-ner, Oronar, Xorilar» (С. А. К оз и н. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», № 69. Серия филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 123).

См. Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 134.
 Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское изыкознание, стр. 224.

Аффикс -kip(a) можно считать состоящим из тюркского глагола yp- «бить» и заднеязычного согласного, перешедшего к глагольной основе от образных слов, которые нередко сочетаются именно с этим глаголом. Ср. туркм. xin yp- «рычать (о собаке)», vax v

Во многих — в общем ясных — случаях Γ . Рамстедт затрудняется установить, опирается ли сходство тюркских и монгольских (иногда и тунгусо-маньчжурских) форм на обоюдные заимствования в области лексики или на древнюю общность этих языков 2 . Приведем два примера: тюрк. -pyk, монг. письм. $-r\gamma a$ (аффикс отглагольного образования имен) и тюрк. $-\partial y pyk$, монг. письм. $-dur\gamma a$ (аффикс отыменного образования имен).

Элемент основы -гүа появился в монгольском письменном языке в результате заимствования тюркских слов, образованных при помощи аффикса -pyk, типа др.-тюрк. басрук «пресс» (бас- «давить, наступать»), јумрук ~ јумруг, «кулак» (јум- «сжимать, закрывать»). Направление фонетических изменений этого элемента определялось присущей древним мон-

гольским языкам тенденцией избегать глухих заднеязычных в конце слова. Точно так же монг. письм, - $dur\gamma a$ восходит к тюрк. - $\partial y p y k$. В тюркских языках аффикс $-\partial y p y k \sim -\partial \ddot{y} p \ddot{y} \kappa$ встречается довольно часто, хотя в настоящее время уже не является продуктивным; ср. др.-тюрк. $ki \, n \partial y \, pyk$ «волосинки па колосе пшеницы» ($k\ddot{\imath}$ а «волосок»), к \ddot{o} м $\ddot{y}l\partial\ddot{y}$ р \ddot{y} к «украшение» сбруи на груди лошади» (к \ddot{o} н $\ddot{y}l \sim \kappa \ddot{o} m \ddot{y}l$ «сердие», «грудь»), бо $\dot{y}u\partial y pyk$ «нрмо» (бојун «шея»), ст.-узб. öмі $l\partial i$ рік «нагрудник» (öмў $l \sim$ öмўр «грудь»: ср. чуваш. *амра, амар* «грудь лошади», монг. письм. *ebür* «грудь», телеут. ожур), lixasдipik «принадлежность конской сбруи» (lixas «утварь, предметы обихода, оборудование»), сакалтурук «особый гребень для бороды» (сакал «борода»); турецк. огулдурук «матка» (огул «сын»). В монгольских языках элемент $-dur\gamma a \sim -d\ddot{u}rge$ обнаруживается всего лишь в двух словах — монг. письм. $k\ddot{o}m\ddot{u}ld\ddot{u}rge$ «нагрудный ремень» и бурят. бэлтэргэ «волчонок» (ср. др.-тюрк. комуйдурук, казах. бойтірік), морфологическое членение которых возможно только на тюркской почве (тюрк. $\kappa \ddot{o} m \ddot{y} l \sim \kappa \ddot{o} + \ddot{y} l$ «грудь», $6 \ddot{o} l \sim 6 \ddot{o} p l < 6 \ddot{o} p l$ «волк»). Внешнее своеобразис -lürge — следствие приспособительных фонетических изменений. Количество подобных примеров можно намного увеличить.

Несколько примеров морфологических заимствований в алтайских и главным образом в тюркских и монгольских языках приводит Б. Н. Владимирцов:«... монгольский язык, — пишет он, — представляет много примеров своего смешанного происхождения» 3 . К числу тюркских морфологических заимствований в монгольских языках Б. Я. Владимирцов относит приготовительное деепричастие на $-pyh \sim -p\bar{y}h$, конечное деепричастие на $-pa \sim -pe$ (ср. также в тунгусо-маньчжурских языках), глагольную форму на $-m\bar{t}u$ и т. д. Из монгольских языков в тюркские был заимствован, по его мнению, аффикс именного словообразования $-eyh^4$.

Оам ур. «отдыхать» и т. д. ² См. Г. И. Рамстедт, Введение в алгайское языкознание, стр. 187; см. такжестр. 188, 189, 190.

¹ Глагол ур- часто употребляется и в сочетаниях с имснами существительными, например: др.-тюрк. бојун ур- «приказывать» (бојун «шея»; ср. бојун сун- «подчиняться»), јол ур- «путешествовать» (јол «дорога»), ат ур- «называть» (ат «имя»), јуз ур- «смотреть, взирать» (јуз «лицо»), конуј ур- «иметь намерение, стремитьси и чему-либо» (конуј «сердце»), ст.-узб. баш ур- «бить челом», давр ур- «вращаться», дам ир- «отныхать» и т. в.

 ⁸ Б. Я. В ладимир цов, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВОРАО,
 т. ХХ, вып. И—ИИ, 1911, стр. 178, 179.
 4 Там же, стр. 171—180.

То обстоятельство, что в основе многих моментов, объединяющих разные алтайские языки, лежат длительные контакты, отмечает также Л. Лигети: «...племена и народы, носители этих языков, пачиная с самых древних времен, многократно вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения. Эти соприкосновения безусловно оставляли следы как в словарном составе отдельных алтайских языков, так и в их грамматической структуре» 1.

В заключение необходимо отметить, что огромное количество лексических и морфологических параллелей выделено Γ . Рамстедтом без достаточных оснований. Таковы тюрк. $\ddot{o}p\partial\ddot{a}k$ «утка» и монг. письм. $\ddot{o}r\dot{u}ne$ «запад», тюрк. $\ddot{y}u$ «три» и монг. письм. $\ddot{u}\ddot{c}\ddot{u}ken$ «маленький», тюрк. $\ddot{y}\ddot{a}\ddot{u}\ddot{y}$, узб. диал. $\ddot{a}\ddot{a}\dot{u}i$ «стремя» и монг. письм. $\ddot{d}\ddot{u}rege$ «стремя», тюрк. $\ddot{\kappa}\ddot{o}p$ -«видеть» и монг. письм. $\ddot{k}\ddot{u}$ «прямо, ровно», тюрк. ompa «середина» и монг. письм. dotora «в»². Количество подобных параллелей составляет значительную часть используемых Γ . Рамстедтом примеров. Характерно, что при выделении указанных выше параллелей Γ . Рамстедт иногда не считается даже с теми фонетическими соответствиями, которые он установил сам.

Как нам кажется, все эти соображения, изложенные кратко в предслах одной журнальной статьи, показывают, насколько оправдано то настороженное отношение к алтайской гипотезе, которое В. Коллиндер склонен объяснять избытком скептицизма.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Материальная и структурная близость алтайских языков несомисина, однако еще вслызя считать выясненным, является ли алтаизм понятием сравнительно-исторического языкознания или же он должен рассматриваться в духе так называемой неолингвистики как лингвистический тип, как совокупность ряда определенных, важных признаков, например агглютипации, гармонии гласных, соподчиненности элементов синтаксических структур и т. д.

2. Важным условием правильного объяснения связей между алтайскими языками является предварительное выделение всего того, что может быть отнесепо к заимствованиям, обилие которых признается как противниками, так и сторонниками алтайской гипотезы.

3. Для определения характера связей между алтайскими языками больное значение имеет ограничение сравниваемых объектов. Необходимо исследовать, с одной стороны, связи тюркских и монгольских языков, с другой — связи монгольских и тупгусо-маньчжурских языков. Такой путь исследования тюркско-монголо-тунгусских связей виолне соответствует распространенным среди алтаистов взглядам на отношение разных алтайских языков к праязыку³.

4. Для исследования связей между разными группами алтайских языков может оказаться полезным сочетание сравнительного метода с присмами лингвистической географии, позволяющее более или менее четко разграничить факты заимствования и факты генетического родства (если последнее имело место).

з См., например, по Б. Я. Владимирцову:

алтайский праязык общий монголо-тюркский

общетунгусский

общемонгольский общетюркский

Л. Лигети, указ. соч., стр. 134.
 G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. стр. 46 - 52, 146—147.

⁽Б. Я. В ладим ирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменногоязыка..., стр. 47).

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ*

Вопрос № 10: «Можно ли найти исторические аналогии между процессами развития русского литературного языка в поздний донациональный период и процессами развития литературных языков южного славянства (сербским, болгарским) в донациональную эпоху?»

Для более точного определения хронологических рамок укажем, что окончательным рубежом «донационального периода» литературного языка сербов и болгар будем считать реформы В. Караджича и вступление в литературу Х. Ботева и Л. Каравелова, а для русского языка соответственно — Пушкинскую эпоху. Начало этого периода устанавливается несколько произвольнее: середина XVII в. — начало серьезного кризиса церковнославянского языка (общего для восточных славян, сербов, бол-

гар и румын).

N 6

О возможности некоторых исторических аналогий в процессе развития русского, сербского и болгарского литературных языков можно говорить с полеым основанием не только потому, что был очевь близок к ним их единый источник — старославянский язык и было на протяжении веков достаточно общих моментов развития и взаимовлияния, но и потому, что еще от кирилло-мефодиевских времен и времен Нестора-летописца и почти до конца рассматриваемого периода жила традиция, представляющая литературные языки восточных и южных (православных) славян единым языком. Можно в какой-то мере признать для всех рассматриваемых славянских литературных языков возможность существования двух «типов» — книжнославянского (в основе своей общего для всех) и народнолитературного (частного для каждого из них); при этом для книжнославянского языка функциональные, стилистические и нормативные лексико-грамматические границы более строги, а потому и легче определимы, чем для языков народнолитературных. Изучение последних без учета их коррелятивных отношений с книжнославянским крайне затруднительно.

Можно говорить о миграции центров или наличии в некоторые эпохи нескольких центров «единого» книжнославянского литературного языка (имевшего в общем почти всегда и свои «территориальные изводы»). В рассматриваемый период таким центром оказывается Москва, на первом этапе и Киев, а эталоном — все более русифицирующийся церковнославянский («книжнославянский») язык.

После так называемого второго южнославянского влияния, явившегося отголоском на русской почве унифицирующей и центрирующей деятельности тырновской школы, а позже, с миграцией в Сербию основного центра — ресавской школы, т. е. после периода вторичной унификации славянских литературных языков (русского, сербского, болгарского и славяно-румынского), наступает период значительного застоя в развитии литературы и литературного языка у южных славян, связанный с тяжелым турецким игом, а затем в начале и середине XVII в.— эпоха, ведущая к активизации центробежных моментов и кризису единого «книжносла-

^{*} Продолжение публикации ответов на анкету, опубликованную в N2 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

нянского» языка. Расширение жанрового разпообразия литературы, в первую очерсдь на Руси, ее все более светский характер, необходимость новой экономической и научной терминологии и т. п. приводят не только к усилению удельного веса «пароднолитературного» языка и его многообразных жанровых вариаций, но и к конкретным попыткам реорганизации и своеобразного отказа от старого церковнославянского языка. Однако идея единого славянского языка оказывается еще достаточно прочно утвердившейся в умах книжников того времени 1. Предлагаются даже довольно радикальные реформы, папример проект Ю. Крижанича, но пе оставляется в стороне идея единого литературного языка.

Начало XVIII в. в России, т. е. Петровская эпоха, ведет к довольно решительному, хотя и далеко не полному отказу от церковнославянского языка. Энергичный период XVIII в., предшествующий окончательному формированию русского национального литературного языка, был призван решить свои национальные задачи в области литературного языка. Вводится критерий «трех стилей», разрешается, хотя и не в полной мере, «проблема создания литературной системы русского национального, "природного" языка и проблема структурного объединения в ней церковнославянских, русских и западноевропейских элементов» (В. В. Виноградов). Церковнославянский язык в России в XVIII в. продолжает, однако, в какой-то мере и свою автономную жизнь. Он видоизменяется, теряя часто «чистоту» нормы, и сфера его распространения довольно узко ограничивается церковно-проповеднической литературой (Гедеон Крывовский, Стефан Яворский, Феофан Проколович и др.). Если идея единства литературного языка для восточных и южных славяи в России в XVIII в. уже почти забыта и русский литературный язык формируется лишь с учетом собственных национальных интересов, то у сербов и болгар — в тот период не в ущерб, а в угоду их пациональным интересам (борьба за национальную культуру против турок, греков, австрийцев, против эллинизации и унии) - продолжается стремление к единому с восточными славянами литературному языку, стремление, приведшее после некоторой дифференциации (XVII в.) к новой, хотя и не нолной и на сей раз последней в истории русского, сербского и болгарского языков унификации (XVIII в.). Основой для такой упификации служил употребляншийся в России язык церковнопроповеднической литературы (церковнославянский или с большей примесью «природного» русского так называемый «славяно-русский» 2) и даже язык русской светской литературы, точнее - среднеделовой стиль. Так возникает «славянорусско-сербский», или «славяно-сербский», и «славяно-болгарский» язык.

Если оставить в стороне судьбы литературного языка в Хорватии и Славонии и взять собственно Сербию, и в особенности ее задунайскую часть — Воеводину, входившую в состав Габсбургской империи, то можно сказать, что с начала рассматриваемого периода и вплоть до эпохи Марии Терезии (1740 г.) в литературе использовался средневековый церковнославянский язык сербского извода, иногда с примесью народного языка (сочинения Киприана Рачанина, Ерофея Рачанина, хроника Георгия

вич, И Пастрич, М. Караман и Сович).

² Термин «славяно-русский» применяется в южнославянской литературе XVIII, XIX ив. и в современной научной литературе южных славян. В России этот термин

был принят в XIX в. (см., например, у И. Перфольфа).

³ Идея единого «общеславянского» литературного языка находит в это время свое воплощение дажс за пределами восточного «греко-славянского» мира, где она полчиняется отчасти задачам унии. Русская форма церковнославянского языка, на первом этапе ее «южнорусский» (киевский) вариант, оказывает влияние на язык хорватской церковной и церковно-дидактической литературы. Этот хорватско-церковнославныеморусский язык (в пем, так же как и поэже в «славяно-сербском» и «славяно-болгарском», ощущалось влияние грамматических норм Милетия Смотрицкого) не оставил глубокого следа в истории хорватского литературного языка; он проявлялся спорадически с копла первой трети XVII в до середины XVIII в. лишь у отдельных авторов (Р. Левакович, И. Пастрич, М. Караман и Совяч).

Бранковича и др.). Вторым этапом, длившимся приблизительно до 4780 г., было внедрение церковнославянского языка позднего русского тина или просто русского со значительной долей славянизмов и «сербизмов», т. е. употребление «славяно-сербского» языка, переходившего у некоторых писателей почти что в светский русский литературный язык XVIII в. (Х. Жефарович, З. Орфелин, П. Юлинац и др.). Третий этап-от 1780 до вачала XIX в. — характеризуется, с одной стороны, стабилизацией «славяпо-сербского языка» (здесь особую роль играет творчество Иоанна Раича; см. его «Историю разных славенских народов...» и др. произведения), с другой — попытками его замены «простонародным» языком без славянизмов и русизмов, увенчавшимися окончательным успехом лишь к концу первой половины XIX в. Эта классификация, предложенная в принцине Б. Унбегауном, не может, как правильно указывал А. Белич, быть абсолютно точной: творчество отдельных писателей, вершее их язык, не всегда укладывается в ее рамки. Однако она хорошо отражает последовательность процесса, который мы можем наблюдать также и в истории болгарского литературного языка.

Четкая классификация в этом случае еще более затруднительна, но при некоторой, возможно даже значительной, схематизации ее можно представить следующим образом. Первый этап — до 1762 г., т. е. до пеявления «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского, — продолжение средневековой церковнославянской письменной традиции (так называемый «среднеболгарский период») со значительными отступлениями в пользу народного языка с чертами местных диалектов (литература «дамскинов», например сочинения Иосифа Брадатого, и т. п., обозначаемая традиционно как начало «новоболгарского» первода). В эту эпоху элементы русского влияния незначительны, сербского — проявляются спорадически. Второй этап — от 1762 г. до 20 гг. XIX в. — характеризуется сначала усилспием сербско-русского влияния (Паисий), затем уже церковно-славявско-русского (Спиридон, отчасти Софроний Врачанский и др.). К этому же времени и несколько более раннему можно отвести употребление болгарами книг «славяно-сербских» (например, «Стаматографии» Жефаровича, относящейся в равной мере к сербской и к болгарской лятературе, грамматики Мразовича и др.). Третий этап, охватывающий эпоху 30—40-х характеризуется, с одной стороны, известным «филологическим созреванием» славяно-болгарского языка (грамматические труды Х. Павловича дупничанина, труды К. Фотинова и др.) и попыткамя его утверждения, с другой — довольно успешными (см. «Рибен буквар» П. Беропа) и к концу рассматриваемого периода все более многочисленными опытами создания литературного языка на основе народно-разговорного (см. грамматику Богорова как крайнее проявление этого направлепия и др.).

Таким образом, во-первых, в отношении церковнославянского языка позднейшей русской редакции, т. е. «славяно-русского» языка XVIII в., можно отметить, что сначала он оказал сильнейшее воздействие (в качестве одного из его каналов отметим школы М. Суворова и Э. Козачинского) на формирование «славяно-сербского» языка (40-х гг. XVIII в.), а затем уже «славяно-сербский» и одновременно или, пожалуй, несколько позис «славяно-русский» (80-х гг. XVIII в.) оказали влияние на «славяно-болгарский». Нельзя при этом упускать из виду, что «славяно-сербский» и «славяно-болгарский» языки обслуживали литературу, жаирово довольно ограниченную, еще довольно близкую к литературе средневековья (ср. летописи, хронографы, жития, хождения, поучения и т. и.; из новшесть отметим оды, исторические драмы и др.) 1. Можно сказать, что в известном смысле это были судьбы одного литературного языка на разпых терносмысле это были судьбы одного литературного языка на разпых терносмысле затемательного поставляющей правим правим правим правим правим терносмысле это были судьбы одного литературного языка на разпых терносмысле затемательного поставляющей правим пр

 $^{^1}$ См. об этом: Г. Гачев, От сивкретизма к художественности, «Вопросы литературы», 1958, № 4, стр. 121—128.

риториях с разными народноразговорными «субстратами» 1. При этом общим, хотя хронологически неодновременным для сербов и болгар, был процесс трансформации их средневековых литературных изыков через этапы старого языка со значительной примесью народных элементов, проникших в литературный язык лосле упадка кинжной школы и вследствие отсутствия строгих норм (т. с. в известной мере стихийно), затем языка, где госполствовал церковно-славянско-русский, воспринимаемый как норма и подлинный образец «старого» славянского языка, и, наконец. языка, в который с о з н а тель н о и принципиально вводился живой разговорный язык. Последний этан сознательного внедрения живого народного языка пужно считать уже процессом формирования национального литературного языка. Трансформация эта происходила в общем очень быстро (не многим более полустолетия), пормы были малоустойчивы. и поэтому конечные результаты оказались иссьма радикальными. В серелипе XIX в. провозглащается почти полный отказ от старых церковнославянских тралиций.

Н. И. Толстой (Москва)

¹ В качестве любовытной иллю трации может служить одинаковый по содержанию отрывок из болгарской истории. Отрывок этот имеет общим источником труд Мавро Орбини. «Славяно-русский» язык: «По немъ учйнися наследнікъ Тарбалъ или Тербель на королевствъ болгарскомъ, капітанъ изрядныи, и человъкъ веледушень. Сем въ начаткъ своего правітелства, развоевалъ Анаровъ. Отъ которыхъ извъстілся что они были одольны за свое несогласіе, и за сребролюбіе ихъ главибішіхъ, тоя ради віны повельль созвати народь болгарскій, и объявїль им законь таковь: что, ежели кто изь ніхь наїдень будеть, и облічень вь вороветнь, или вь какомь пібудь преграшеніи, то безь всякои пощады будеть смертію казнень» али вы какомъ штоудь прегръщени, то оезъ всяком пощады оудетъ смертно казнанъ» (Мавроур бїн, Кніга історіографія початія имене, славы, и разшіренін народа славянского..., СПб., 1722, перевод с итал. яз. изд. 1601, стр. 292—293). «Славяно-сербский» язык: «Сему храброму Вожду и основателю Царства во нладъніи последовалъ Тербелъ, или Тарбагъ Краль V, человъкъ великодушный и изрядный Вождъ воинства Болгарского. Той во еже показати храбрость свою, абїе ло пріятіи правителства воеваль съ усивхомъ на Авари, и оть ихъ Пачалниковъ по причти правителства воеваль съ усивкомъ на квари, и отъ ихъ пачалниковъ среброднобываго права возгнушався, указъ издалъ, да, естли кто отъ Болгарскаго Народа или въ воровстив, или во иномъ каковомъ погръшени найдется и обличенъ будетъ, безъ всякія пощады смертвую понесетъ казнь. Тако о сихъ пишетъ Мавро-урбинъ на ст. 292» (Гоаннъ Раичъ, Исторія разныхъ славенскихъ народовъ..., ч. 1. Въ Віеннъ, 1794, стр. 352—353). «Сланяво-болгарский» язык: «По немъ, оучинілія, болгариї себе, крала стго Трївелію чловікть, йзредень, вілед х шенъ благопол у ченъ. сей. въ начеле, своего, кралевства, развоевалъ аравъва [...] за еребролюбие ѝ грабительство, аварско ѝ повелель съзвати народъ, болгарскій, й னிக்கிருக, ஸ்ஸுக, зако́нுக, таковъ, ако́ се, ко́и, ம பிலுக், наиде́ть, и மிருப்புенுக, бу деть, за некоè. злò дéло. да смртию казненъ. б детъ.» («История славъноболгарская», собрана и нареждена Паисіемъ іеромолахомъ в лъто 1762, София, 1914, стр. 17—18). Сравнение приведенного отрывка из «Истории» Паисин с отрывком из «Историографии» Мавро Орбини в русском переводе сделано было до нас Б. Пеневым. Перевод иниги Мавро Орбини с итальянского на «российский язык» был сделан в 1714 г. повелением Петра Великого герцеговинцем Саввой Владиславичем и издан под редакцией Феофана Прокововича в 1722 г.

материалы и сообщения

жан фурке

ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (Опыт диахронной фонологии)

редакции. Статья члена-корр. АН Арм. ССР проф. А. С. Гарибяна, напечатанная в предыдущем номере «Вопросов языкознания», обобщает многолетние работы армянских лингвистов Советского Союза и прежде всего самого автора по изучению современных армянских диалектов.

Диалектологические исследования А. С. Гарибяна не только широко раздвинули горизонты армяноведения, но представляют большой интерес и для сравнительноисторического языкознания, опиравшегося в прощлом в своих выводах в основном на факты письменного древнеармянского языка. Эта укоренившанся практика исходила из представления, что современные армянские диалекты являются поздисиными видоизменениями древнеармянского литературного языка 1.

Между тем, как видно из материала А. С. Гарибяна, современные армянские диалекты отнодь не восходят к классическому древнеармянскому языку, а развились из народных диалектов, существовавших рядом с плм, причем некоторые сохранили более древине, со сравнительно-исторической точки зрения, звуковые явления, чем те диалекты, на базе которых сформировался классический древнеармянский. В связи с этим для сравнительной грамматики индоевропейских языков следуют два существенных вы-

1. Армянские диалекты I и II группы, со сравнительно-исторической точки эрения наиболее архаичные по своему копсонантизму, имеют звоикие придыхательные bh, dh, gh, соответствующие и.-е. *bh, *dh, *gh. Существование в и.-с. языке этих звуков, восстанавливаемых гипотетически на основе санскрита, за последнее время с разных точек зрения подвергалось сомнению. А. Мейе, например, приводил восстановление «так называемых придыхательных звонких» как пример реконструкции гипотетической и условной 2. Э. Прокош предполагал наличие в этих случаях общенидоевропейских «глухих слабых спиравтов»; существование в санскрите bh, dh, gh он склонен был объяснять как субстратное заимствование из туземных языков Индии ч. Р. Якобсон и Вят. В. Иванов отрицали возможность наличия звонких придыхатель-

ных в и.-е. языке, исходя из соображений структурально-фонологических 4. В настоящее время восстановление и.-е. *bh, *dh, *gh может считаться подтвержденным согласованными показаниями двух независимых друг от друга языковых групп — языка древнеиндийского и двух архаических типов армянских диалектов. Было бы крайне существенно для общего и сравиительного языкознания дать точнос инструментально-фонетическое описание этих звуков в их армянском отражении.

. Так называемое армянское «передвижение согласных» неоднократно сопоставлялось с германским и даже связывалось с ним генетически как общее явление одного

¹ См., например, высказывания А. Мейс: «Классический армянский язык, гра-(письменный язык) — единственный, с которым приходится считаться сравнительной грамматике» (A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903, стр. XII); «Современные армянские говоры не содержат ни одной черты, которая предполагала бы наличие каких-либо существенным образом отличных друг от друга диалектов в V в. н. э. (т. е в период образования древнеармянского литературного явыка.— Ped.); во всяком случае говоры не содержат почти ничего такого, что предполагало бы сохранение индоевропсиских особенностей, неязвествых классическому армянскому языку» (там же, стр. XI—XII).

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение видосвропейских языков,

М.—Л., 1938, стр. 74.

3 Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954.

4 См. Вяч. В. Иванов, Типология и сравнительно-историческое языко Типология и сравнительно-историческое языкознание, ВЯ, 1958, № 5, стр. 37.

индоевропейского диалектного ареала. Эта теория опиралась на традиционное сравнение с классическим древнеармянским. Материалы, опубликованные в статье А. С. Гарибяна, ставят эту точку зрения под сомнение. Армянские диалекты обнаруживают последовательное развитие передвижения согласных от группы I к группе VII. совнадающее, по-видимому, с процессом географического распространения армянского народа в местах его нозднейшего расселения. Эта лингвистическая и географическая картина заставляет предволагать, что передвижение согласных представляет явление, распространившееся на территории армянского языка уже в период его самостоятельного развития на новой родине и, следовательно, генетически не связанное с германским передвижением в рамках более древнего диалектного ареала общенндоевропейского языка. Картина эта могла бы скорее служить подтверждением выдвинутой А. Мейе гипотезы местного субстратного влияния, возраставшего по мере продвижения в области с иноязычным паселением.

Придавая большое значение всестороннему обсуждению материалов, содержащихся в статье А. С. Гарибяна, редакция «Вопросов языкознания» обратилась к профессору Парижского университета Ж. Фурке, автору известного исследования «Передвижение согласных в германских языках», с просьбой высказаться по вопросам, затронутым в этой статье. Проф. Ж. Фурке любезно согласился открыть обсуждение печатаемой ниже статьей.

Из статыя А. С. Гарибяна «Об армянском консонантизме» (ВЯ, 1959, № 5) ясно видны большие успехи в изучении армянского языка в результате полувековых диалектологических исследований. В статье показана эволюция системы согласных, характерных для древнеармянского языка, причем эта эволюция, которая дает замечательные аналогии с первым германским передвижением согласных, не затронула всех диалектов. Древнеармянскую систему согласных нельзя считать общей основой, из которой в разных направлениях стали разниваться диалекты. Следует либо допустить, что развитие некоторых диалектов остановилось до того, как они смогли достигнуть состояния, характерного для древнеармяпского, либо, что, начиная с и.-е. первосостояния, эволюция этих диалектов проходила в ином направлении. Система согласных в древнеармянском появилась как продукт внутренней дифференциации языка, а не как явление, которое вычленило бы армянский язык из и.-е. ареала, подобно тому как первое передвижение согласных дифференцировало германские языки. Это — открытие большого научного значения 1.

Для неспециалиста автор приводит основные данные, касающиеся рассматряваемой проблемы: он описывает консонантизм 57 диалектов, классифицируя их по семи типам, каждый из которых характеризуется особой системой соответствий с четырьмя видами взрывных, постулируемых сравнительной грамматикой индоевропейских языков, а именно: чистые глухие, глухие придыхательные, звонкие чистые, звонкие придыхательные (*t, *th, *d, *dh). Эта система соответствий строится на основе сравнения слов (Wortgleichungen). Так, и.-е. *dom-: группа I don, группа II tun, группа III dun и т. д.

Такая классификация основана на большом количестве позитивных фактов, позволяющих полагать, что последующее изучение вопроса не изменит существа данной классификации. Указанные факты послужат отправным пунктом и для нашего исследования.

Автор комментирует факты языка, нользуясь понятием «передвижение». Так, в отношении данного ряда согласных (например, *bh, *dh, *gh), с его точки зрения, возможны следующие характеристики: 1) ряд ве подвергся передвижению, 2) он подвергся первому передвижению, 3) он подвергся двум передвижениям; в отношении *bh, *dh, *gh это значит, что: 1) в диалекте наличествуют звонкие придыхательные; 2) в диалекте наличествуют чистые звонкие b, d, g, подобно тому как в готском санскритским bh, dh, gh соответствуют b, d, g; 3) в диалекте наличествуют чистые глухие p, t, k, подобно тому как в древневерхненемецком в результате второго передвижения появились чистые глухие взрывные, такие,

¹ В связи с этим представляется необходимым впести изменения во многие главы шашей квиги «Les mutations consonantiques du germanique» (Paris, 1948).

как μ , t, k или e, d, g, соответствующие видоевропейским звонким придылательным: и.-е. $dh\bar{e}$ - (греч. $\vartheta \dot{\epsilon} z_{i} c$), гот. $d\bar{e} \dot{p} s$, др.-в.-исм. $t\hat{a}t$.

Такая трактовка проблемы имеет то преимущество, что она может быть легко понята всеми лингвистами, получившими традиционное образование в области исторической грамматики германских языков, и, кроме того, облегчает критику распространенной концепции, основаниой на материале древнеармянского языка. Последнюю можно формулировать следующим образом: в армянском языке три основных ряда и.-е. согласных — чистые глухие, чистые звонкие, звонкие придыхательные— подверглись первому нередвижению. Таким образом, как и в германских языках, чистые глухие стали придыхательными: t > th; чистые звонкие стали чистыми глухими: t > t; звонкие придыхательные стали чистыми звонкими: t > t.

Внося поправку в эту конценцию, А. С. Гарибян остается в ее общих рамках, когда иншет, что в диалектах, припадлежащих к первой группе, два ряда согласных из трех не подверглись передвижению (чистые звонкие и звонкие придыхательные). Напротив, в диалектах, припадлежащих к группе IV, звонкие придыхательные подверглись передвижению дважды, т. е. представлены чистыми глухими (как в древневерхненемецком): *dh>t. В своих рассуждениях Гарибян заходит так далеко, что усматривает даже три передвижения звонких придыхательных, припадлежащих к группе V, т. е. *dh>*d>*t>th. В этом пункте мы не можем согласиться с автором. Нам кажется, что, комментируя факты соответствий, т. е. позитивные факты, при помощи термина «передвижение», автор ввел в свое рассуждение постулаты, приняв никем не доказанные положения, включаемые в традиционное попятие передвижения.

Термин «нередвижение» в том понимании, в каком он был предложен Я. Гриммом, предполагает наличие двух моментов: 1) в определенный данный момент три ряда согласных од н о в р е м е и и о передвигаются на одну «ступень»; именно это общее передвижение и представляет собой «Lautverschiebung»; 2) для данного ряда согласных возможность передвижения на одну «ступень» поддается предвидению, если этому не мешают другие факторы: d может препратяться в t, t— в th, но t в результате передвижения на одну ступень не может перейти в d. Эволюция происхо-

дит только в одном направлении¹.

А. С. Гарибян полностью упускает из виду первый из этих моментов. Возможно, что он, как и младограмматики, считает, что фонетические законы на данном этапе развития языка затрагивают один изолированный тип согласных, изменения которых никак не связаны с изменениями других типов. Тот факт, что в готском языке каждый из трех больших рядов индоевропейских согласных подвергся нередвижению на одну и только одну ступень, представлял, по мнению младограмматика О. Бехагеля, случайное совпадение. Таким образом получалось, что в период между индоевропейским и германским действовало три «фонетических закона». Точно так же в армянском можно обнаружить семь различных сочетаний «фонетических законов», лишь одно из которых (в группе VI) совпадает с подобными же явлениями в германских языках.

Однако А. С. Гарибян, по сути дела, принимает второе положение H. Гримма; по его мнению, каждый тип согласных может изменяться только в одном направлении (имеются в виду изменения, известные по германским передвижениям). Таким образом, Гарибян признает только переход звонких придыхательных в чистые (dh>d), звонких чистых в чистые глухие (d>t) и чистых глухих в глухие придыхательные (t>th). Изменения в группе V (Малатия) весьма показательны: в этой группе индоевропейскому *dhur- соответствует thut («дверь»), но Гарибян, кажется, не видит возможности оглушения dh в th; он оперирует делью dh>d,

¹ Эти два момента, согласно Я Гримму, образуют единое целое и не могут быть разобщены

затем d>t, затем t>th. Он проводит исследование только в одном направлении, позволяющем ему опираться на r е p м а н с к и й пример. Однако в греческом (и в италийском) обнаруживаются примеры соответствий dh>th (греч. θ υρα, лат. fores). Можно ли пренебрегать этим фактом? Если в группе IV (Киликия) индоевропейскому *dh соответствует t ($tu\dot{r}$), то почему не предположить, что *dh>th>t? А. С. Гарибян исходит только из гинотезы *dh>d>t, к которой его приводит положение о «единонаправленности» звуковых персходов, сформулированное Гриммом.

Укажем, что А. С. Гарибян оперирует не схемой Я. Гримма, которая основывалась только на трех элементах (d, t, th), причем получался циклический ряд соответствий d>t>th>d (с возвращением к отправной точке), а схемой младограмматиков, которая основывается на четырех элементах (dh>d>t>th), что предотвращает возможность позвращения к отправной точке. Отсюда следует, что тяп *dh может подвергаться трем «передвижениям», тип *d- двум, тип *t- только одному. Но при этом соблюдается принции «единонаправленности». Жаль, что цепность заключительной части работы Гарибяна спижается за счет произвольных носылок, которые влечет за собой термин «передвижение». В этом повинна укоренившаяся традиция.

Таким образом, исследование проблемы следует начинать в том пункте, где мы переходим от системы соответствий, характерных для каждой из семи групп, к генетической интерпротации фактов; это значит, что различия между двумя диалектами возникают либо в результате дивергентных изменений общего состояния, либо в результате большей или меньшей степени развития разных диалектов в одном направлении.

Для обоснования генетического исследования могут быть использованы артументы трех родов: 1) факты лингвистической географии. Расположение на карте может носпроизводить расположение во времени различных стадий эволюции; по лингвистическому атласу Франции можно проследить с юга на север превращение caballus в cheval. Несколько раз А. С. Гарибян совершенно правильно пользуется такими данными. Не следует, однако, упускать из виду то обстоятельство, что ареал армянских циалектов несколько раз смещался в результате переселения и смещения населения; 2) факты физиологической фонетики. Эти факты позволяют отвергнуть некоторые гипотезы как маловероятные и, наоборот, могут подкрепить другие гипотезы: глухой согласный с мягкой артикуляцией может восходить к древнему звонкому. Именно на основе таких данных была востроена историческая фонетика, в которой уже достигнуты важные результаты. Вполне возможно, что при более детальном исследовании можно было бы обнаружить мпогочисленные оттенки фонем, которые А. С. Гарибян подразделяет на четыре группы (глухие придыхательные, глухие чистые, звонкие придыхательные, звонкие чистые), что дало бы ценные результаты. Но нельзя требовать всего сразу. Типологические исследования Гарибяна представляют большую ценность для неспециалиста, который сам не может провести такой работы; 3) факты структурного и функционального порядка (например, факты диахронной фонологии). Эти последние, по нашему миснию, являются наиболее важиными для разработки нашей проблемы, где мы имеем дело только с системами, т. с. с определенным количеством элементов, входящих в оппозиции, характер которых известен лишь приблизительно 1.

Мы попытаемся, таким образом, описать различные типы согласных в терминах фонологических оппозиций и проследить на этой основе их генезис. Работа эта носит предварительный характер, давая возможность поднять определенные вопросы и стимулировать исследования.

Мы не будем рассматривать встречающиеся весьма редко и.-е. глухие

¹ См. J. Fourquet, Classification dialectate et phonologie évolutive, сб. «Mis celanea homenaje a A Martinet» vol. II, La Laguna, 1958, стр. 55—62.

придыхательные (*ph, *th, *kh). Хотя А. С. Гарибян и пе говорит этого специально, из приводимого им материала видно, что несколько соответствий, доказывающих существование глухих придыхательных 1 в древнеармянском, не поддерживается материалом диалектов. Надо признать, что придыхание чистых глухих (*p, *t, *k), которое имело место во всех диалектах, повлекло за собой смешение двух рядов глухих; мы займемся тремя основными рядами и.-е. согласных *p, *t, *k¹, *k²; *b, *d, *g¹, *g² и *bh, *dh, *gh¹, *gh² ². В качестве графического символа для эволюции ряда согласных или оппозиции согласных будут привлекаться примеры преимущественно из ряда дентальных. Мы сохраняем за семью группами диалектов те номера, которые им дал А. С. Гарибян. а именно: № 1 — за типом, в котором сохраняются два ряда «непередвинутых» согласных, $\mathbb{N}_2\mathbb{N}_2$ II—V — за типами, в которых сохраняется один ряд таких согласных, и $\mathbb{N}_2\mathbb{N}_2$ VI — VII — за типами, в которых такие ряды не сохранились.

Эта классификация отражает подвергнутый нами критике компромисс между атомизмом младограмматиков, для которых каждый ряд согласных развивается независимо, и концепцией Я. Гримма о «падении» согласных на 1, 2 (и даже 3) ступепи от первоначального состояния.

Мы считаем нужным изучить спачала те типы, где три большие группы согласных остались ярко выраженными, и описать дифференциальные признаки, которыми характеризуются оппозиции (типы I, II, VI и тип IV); во вторую очередь изучаются типы, в которых два ряда согласных подверглись смещению, в результате чего осталась только одна оппозиция.

Тип I (Малая Армения)

В типе I два ряда звонких, различающихся «придыханием», противопоставлены одному ряду глухих. Этот тип, таким образом, представляется очень близким к и.-е. типу (кроме смещения чистых глухих и придыхательных). Однако описываемый тип имеет важную, отличную от и.-е. типа черту: оппозиция между глухим и звонким, между согласными, произносимыми без голоса и с голосом, реализуется таким образом, что произношение глухих с о провождается придыханием. Характер этого прогивопоставления согласных по участию голоса в их произпощении (Stimmbeteiligung) следовало бы уточнить при помощи экспериментальных исследований. Он влечет за собой смешение глухих чистых и придыхательных.

То, что называется придыханием звонких, по-видимому, является совсем не тем, что обычно под этим понимается, а представляет прохождение воздуха через голосовую щель, совмещаемое со звонкостью (у Мейе — «eltet glottal sonore»), и становится признаком корреляции при противопоставлении двух типов звонких. Очень важно, чтобы это характерное явление было изучено in vivo в армянских диалектах.

Перед фонологом сразу же встают следующие вопросы: каковы условия реализации этого дифференциального признака? Имеет ли место нейтрализация оппозиции перед плавным, в конечном положении? Могут ли звонкие придыхательные, когда они оглушились, превратиться в глухие взрывные?

Возможно, в группе индо-иранских глухих придыхательных объединены согласные разного происхождения, которым в др. языках соответствуют неодинаковые согласные.
² Так как армянский язык является языком satem, то передние гуттуральные gh¹.

² Так как армянский язык является языком satem, то передние гуттуральные gh^1 , g^1 , k^1 стали в нем полувзрывными или смычными. А С. Гарибяв не касается этих соглаеных В настоящей работе знави gh, g, k обозначают соответственно gh^2 , g^2 , k^2 . Если учесть тот факт, что в древнеармниском паре g:k (которая произошла из gh^2 : cg^2) соответствует пара j:c (dz:ts), т. е. звонкий: глухой, то весьма интересной представляется судьба согласных, произошедших от gh^1 , g^1 , k^1 . Было бы желательно, чтобы Гарибяя в ближайшее время сообщил дополнительные даяные по этому вопросу.

С другой стороны, вероятно, что противопоставление между звонким чистым и звонким придыхательным сопровождается побочными признанами. Возникают также и следующие вопросы: одинакова ли степень озвончения? Не является ли один из двух согласных м я г к и м с частичным оглушением? ¹

Тип II (Центральная Армения)

Этот тип отличается от типа I тем, что согласные, соответствующие и.-е. *b, *d, *g, имеют различные оттенки произношения: от глухого (в начальной позиции) до звонкого (в позиции внутри слова). Для фонетини звонкость еще существует как понятие, однако, с точки зрения фонологии, звонкость уже не является о пределя и и и и признако о м ряда согласных. Ряд определяется как непридыхательный по отпошению к ряду глухих придыхательных, с одной стороны, и как лишенный гортанной артикуляции, типичной для «звонких придыхательных», с другой стороны. Глухость согласных типа ph, th, kh не является больше определяющим признаком, потому что в начальной позиции они противопоставляются другим глухим (tun: that на фоне п.-е. *dom: *tars); именно глухое придыхание становится основным цифференциальным признаком.

Тип VI (Средний Аракс)

Этот тип представлен древнеармянским литературным языком, обпаруживающим сходство с германскими, на которое так часто указывалось в литературе. Древние чистые звонкие стали глухими во всех позициях, а противопоставление по звонкости (b, d, g: p, t, k) приняло форму противопоставления по придыханию (p, t, k: ph, th, kh). Этот факт является общим для двух германских передвижений.

Таким образом, остается только один ряд звонких, соответствующий и.-е. *bh, *dh, *gh; звонкость является достаточным его отличием от двух других рядов. Поэтому указанные звуки уже не характеризуются тем глоттальным эффектом, по которому они противопоставлялись чистым звонким (речь идет о b, d, g). Остается выяснить более подробно качественную сторону этих согласных. Было бы также интересно точно установить природупротивопоставления по придыханию двух рядов глухих, чтобы выяснить, не реализуются ли указанные выше p, t, k как мягкие глухие b, d, g.

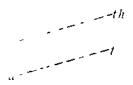
Тип II представляет для гермаписта очень большую ценность, ибо является недостававшим до сих пор промежуточным зненом между индоевропейским и германским тинами (мы отвлекаемся при этом от вторичного ослабления глухих придыхательных и звонких в спиранты, характерного для германских языков).

Весь процесс можно описать следующим образом: развитие придыхания в ряду глухих (*p, *t, *k>ph, th, kh) сделало возможным развитие более или менее оглушенных вариантов чистых звонких ([b, d, g]>[b, b, p]; [d, d, t]; [g, g, k] в зависимости от контекста) и, наконец, привело к полному преобразованию противопоставления по звонкости ([b, d, g]: [p, t, k]) в противопоставление по придыханию ([b, d, g]: [ph, th, kh] или $\{p, t, k\}$: $\{ph, th, kh\}$). С этого момента чистые звонкие варианты $\{b, d, g\}$ могля появиться в ряду звонких придыхательных, что, однако, не приводило к смешению.

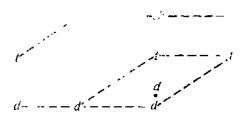
Мы надеемся, что новые исследования обнаружат диалект, где [dh,d]: [d,t]:[th], т. е. где наблюдались бы придыхательные и непридыхательные варианты в единственном существующем звонком ряду. Введение понятия «вариант» заставляет вцести изменения в слишком упро-

 $^{^1}$ Экспериментальное изучение северных германских диалектов показало, что $b,\ d,\ g,\$ которые фонетисты обычно считали звонкими, произносятся с закрытой голосовой щелью.

щенную схему, предложенную нами в работе о германских передвижениях. Речь идет о схеме нараллельного изменения двух рядов корреляции по люнкости:

Мы могли бы в настоящее время предложить следующую схему:

Звак t(h) обозначает глухой придыхательный, существенным признаком которого является отсутствие голоса, придыхание же является вторичным следствием реализации глухого; знак th обозначает глухой придыхательный, в котором существенным признаком является придыхание, что противопоставляет этот звук глухому непридыхательному (t).

Возможно, что в определенный период чистый звонкий противопоставлялся глухому придыхательному (ср. тип I); возможно также, что раньше ряд звонких придыхательных противостоял таким глухим, как b, d, g и даже p, t, k (промежуточный тип между II и VI группами).

В общем все процессы протекали таким образом, что I ряд (*p, *t, *k>ph, th, kh) после своего изменения притигивал к себе второй, а этот последний в свою очередь после изменения притигивал третий (то, что по-англииски восит название drag chain в отличие от push chain, когда каждый ряд как бы отталкивается от другого).

Действительно, как мне на это указал А. Т. Хатто, существуют германские языки, например английский и шведский, где звонкие (b, d, g) противопоставлены глухим придых ательным (ph, th, kh) (англ. bush: push). Голландский язык, в котором наличествует противопоставление по чистой звонкости (d:t), можно сравнить с и.-е. праязыком, английский язык — со стадией I развития армянского языка, древневерхненемецкий (до частичного изменения придыхательных в аффрикаты и спиранты) — с типом VI (древнеармянским). Нижненемецкий, где b, d, g могут иметь различные оттенки произношения от глухого мягкого до звоньюго, приближается к типу II.

Тип III (Транезунд, Мараша)

В типе III сохранялось лишь одно противопоставление — между числыми звонкими (b, d, g) и глухими придыхательными (ph, th, kh). Звонкий соответствует двум типам и.-е. звонких: произошло смешение звонких чистых и звонких придыхательных. Это явление типично для истории многих групп и.-е. языков. Например, в пранском языке, принадлежащем к индо-пранской группе, произошло такое же смешение двух рядов согласных, в то премя как в санскрите опи ясно различаются. То же смешение паблюдается и во всех балтийских и славянских языках.

Наибольший интерес представляет сравнение типа III с кельтскими языками: в этих последних ряд знонких (который соответствует двум рядам п.-е. знонких) противоноставляется ряду глухих придых а-тельных. Никак иначе нельзя объяснить эволюцию и.-е. р, которое исчезло, пройдя через ступень h (Hercynia Silva, гот. fairguni). Это подтверждается тем фактом, что знонкие согласные в кельтских заимствованиях были восприняты германскими языками как звонкие (из и.-е. bh, dh, gh), а другой ряд кельтских согласных в германских языках был отнесен к придых ательным, которые впоследствии превратились в спиранты (f, f), h). Таким образом, смещение 2 рядов согласных в кельтских языках могло произойти, когда согласные находились в стадии развития, аналогичной состоянию согласных типа I в армянском (dh: d: th).

Таким образом, можно предположить, что согласные типа III, распространенные к северу и к югу от согласных типа I, произошли от этих последних в результате смешения двух рядов звонких. Группы двалектов I, II, III, VI можно, следовательно, объединить в один класс, согласно приводимой ниже схеме 2:

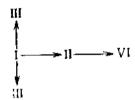

Схема представляет эволюцию согласных типа I, происходининую в двух различных направлениях: развитие в одном направлении можно сравнить с эволюцией в германских языках (I > II > VI); другое направление соотносимо с изменением согласных в кельтских языках (I > III).

Тип I в армянском языке является, таким образом, возможной общей базой для трех групп в части их консонантизма. В этой форме предстанет перед нами в дальнейшем проблема одного из явлений индоевропейской диалектология, которое мы рассматриваем как исходный пункт германского передвижения согласных.

Тип IV (Киликия)

В то время, когда было распространено мнение, что общей основой всех диалектных изменений в системе согласных является консонантизм древнеармянского, неразрешимую проблему представлял собой киликийский тип, поскольку в нем наблюдается обратная картина противопоставления глухого и звонкого: др.-арм. duin, tun; килик. tui, dun.

Для гого чтобы противоноставление между звонкими типа dh:d привело к противоноставлению «глухой: звонкий», т. е. t:d, нуждо, чтобы придыхательные были и а и м е и е е з в о и к и м элементом ошнозиции (мы имеем в виду реализацию звонкого придыхательного в рассматриваемом типе, которая сопровождается более слабой или менее длительной вибрацией голосовых связок).

В этом случае мы имеем опору для сравиения — в языках, ответвившихся от индоевропейских, в которых санскритским звонким при-

¹ Речь идет об очень древних именах собственных (Danutius, Perkunta! Hercynta); в них нет согласных из ряда $p,\,t,\,k,\,$ что внолие понятно, если учесть, что в кельтеком существовали только ряды согласных $b,\,d,\,g$ и $ph,\,th,\,kh,\,$ тогда как в дре негерманском существовали ряды $b,d,\,g \to p,\,t,\,k \to ph,\,th,\,kh\,$ (см. J. F o u r q u e l. Mutations, стр. 66—70).

дыхательным соответствуют глухие придыхательные. Наиболее ясным примером является греческий, где φ , ϑ , χ — глухие придыхательные; в италыйском глухие спиранты f, h также предполагают глухие придыхательные. Однако в греческом придыхание было характерно только для указанного выше ряда, так как индоевропейским p, t, k в нем соответствовали глухие непридыхательные π , τ , κ . Придыхание могло развиться и закрепиться как дифференциальный признак.

Можно предположить, что существование ряда глухих с сильным придыханием в армянских диалектах IV группы воспрепятствовало такому развитию. В случае оглушения такие звонкие, как bh, dh, gh, становились

глухими, произносимыми со слабым оттенком голоса.

Характер глухих, отличавший этот ряд от ряда звонких $b,\ d,\ g$, таким образом, закрепился. Глоттальный эффект, способствовавший смешению с

глухими придыхательными, оказался устраненным.

Было бы весьма интересно точнее выяснить различные оттенки реализации противопоставления bh, dh, gh; b, d, g в диалектах, в которых еще можно говорить об оплозиции звоиких рядов разного типа. Особенно неотложным нам представляется диалектологическое обследование, произведенное силами опытных фонетистов, а также изучение звоиких взрывных придыхательных при помощи экспериментальной фонетики.

Тип V

В типе V оглушение звонких придыхательных дало глухие придыхательные, которые слились с глухими придыхательными, произошедшими из и.-е. *p, *t, *k. Рассмотрение типов IV и V позволяет наметить два возможных пути развития: смещение, грозившее двум типам придыхательных, либо было устранено регрессией наиболее слабого придыхания (IV), либо оно имело место (V). Нет оснований объяснять происхождение типа V из типа IV переходом чистого глухого (tur) в придыхательный (thur). По нашему мнению, оба типа происходят от одного из вариантов типа I, в котором звонкий придыхательный имел тенденцию оглушаться. Смешение двух рядов придыхательных, которое привело к возникновению одного ряда — ряда глухих придыхательных в типе V, подтверждает гипотезу об оглушении, которая в свою очередь необходима для объяснения возникновения типа IV.

Tun VII

Возникает вопрос: произошел ли тип VII из типа VI путем оглушения звонких, как это считает А. С. Гарибян? Допустим, что:

Мы не можем довольствоваться признанием «второго перехода» (d>t) изолированного ряда. Можно, правда, предположить субстрат, лишенный звонких, и такое состояние, когда d превратилось в мягкий глухой d.

Но позможна и более интересная гипотеза. В типе III чистые звонкие (соответствующие двум рядам и.-с. звонких) противопоставлены глухим придыхательным. В подобном типе придыхание может стать основным дифференциальным признаком, а различие по звонкости может исчезнуть; звонкие переходят в мягкие глухие. Это и произошло в датском языке в XIV в.; в современном датском в паре bil: pil противопоставляются мягкий глухой (bil) и придыхательный (phil); в шведском противопоставлены мягкий звонкий и придыхательный (b: ph), что является наследием древнего состояния, подобного тому, которое мы находим в группе III.

При решении всех указанкых выше вопросов важно знать факты истории, касающиеся условий заселения данной области, а за неимением таковых — проводить исследования диалектов с целью выяснения их словарных и морфологических соприкосновений. Тип III расположен одно-

временно к северу и к югу от группы I (Трапезунд и Мараша).

Постановка проблемы в этой краткой статье основана лишь на некоторой части фектов, которые представляют интерес для фонологии: в таблицах А. С. Гарибяна не отражены, например, явления нейтрализации и противопоставлений и не дана вообще картина фактов дистрибуции. Было бы также интересно выяснить, могут ли эвонкие придыхательные реализоваться перед плавными или носовыми, в конечной позиции, в той или иной группе и т. д. Последовательные стадии эволюции языка отражеются в фактах дистрибуции: так, в современных германских языках отсутствие группы sf в начале ударного слога является наследием первого передвижения. Наконец, согласные, представленные в наиболее выгодной позиции (в начале слова перед гласным), претериели многочисленные комбинаторные изменения в позиции ннутри слова. Эти факты диахронической фонологии также могли бы быть поучительными.

Армянский язык особенно интересен тем, что в нем представлены жак бы в сокращении основные проблемы эволюции и.-е. системы согласных с тремя основными рядами взрывных: он дает ценный материал для проблемы генезиса германской и кельтской систем согласных и оглушения придыхательных в греческом. Вполне вероятно, что это находится в соответствии с тем центральным положением, которое армянский язык, должно быть, занимал в и.-е. ареале до его распадения 1.

Эволюция консонавтизма в различных вствях индоевропейского представляется в настоящее время как совокупность конвергентных путей развития ² в смысле А. Мейе. Сходные явления наблюдаются в уже разобщенных или диалектально разошедшихся группах, в которых сходства

обусловлены общностью первоначальной структуры.

Сходство впутри германских языков: верхненемецкого с одним из скандинавских языков — датским (в обоих языках произошло «передвижение», т. с. в пих наличествуют два ряда глухих, различающихся только придыханием) — напоминает сходство германских языков с одной

из групп армянского.

При исследовании обособления (Ausgliederung) армянского языка с точки зрения консонантизма огромную услугу для сравнительнойграмматики и.-е. языков могла бы оказать работа, в которой объединялись бы данные лингвистической географии, дескринтвиной и экспериментальной фонетики и фонологии (структурные факты и факты дистрибуции). Подобный труд мог бы явиться образцом для нового исследования обособления диалектов и.-е. семьи. Другим преимуществом такой работы, которое также нельзя упускать из виду, явилось бы то, что можно назвать «демистификацией» понятия «передвижение».

Перевел с французского М. М. Маковский

См. об этом: A. M e i llet, Les dialectes indo-curopéens, Paris, 1922
 A. M e i llet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1926
 (см. статьи: «Note sur une difficulté générale de la grammaire comparée» и «Convergence des développements linguistiques»).

Н. С. ГРИНБАУМ

КРИТО-МИКЕНСКИЕ ТЕКСТЫ И ПРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ЛИАЛЕКТЫ

Расшифровка крито-микенского линеарного письма В английским исследователем М. Вентрисом (1922—1956) представляет собой крупный успех современного языкознания и филологии. Это событие приравнивается по своему значению и последствиям к расшифровке сгинетского иероглифического письма и ассиро-вавилонской клинописи 1.

М. Вентрис доказал, что найденные в Кноссе (Крит), Микенах и Пилосе (Мессения) таблички XIV—XII вв. до п. э. составлены на греческом языке². Несмотря на то, что из 88 знаков лицеарного письма В удалось пока установить фонетическую значимость 65³, несмотря на имеющиеся у ряда ученых оговорки и критические замечания 4, несмотря, наконец, на шаткость ряда гипотез, основной вывод Вентриса — определение языка текстов как греческого — не оспаривается в настоящее время ни одним исследователем. Таким образом, в распоряжение науки поступили тексты, которые на 500-600 лет старше известных до сих пор древнейших греческих письменных памятников 5.

Серьезные расхождения продолжает, однако, вызывать вопрос о том, насколько точно линеарное письмо В отражает состояние греческого языка XIV—XII вв. до н. э. Как известно, в линеарном инсыме В, которое, надо полагать, было предназначено для какого-то другого языка 6 , не отражается долгота и краткость гласных греческого языка (например, te означает ть, т η : ma-te μ х η ρ «мать»; tu-ka-te-re ϑ υ γ α τ έρες «дочери»); звуки j, l, m, n, r, s в позиции неред согласным на письме опускаются [например, e-ma-a 'Ερμάα(ς) «Гермес (a)»]; не обозначается удвоение (например, i-qo їтко; «конь»); не фиксируются конечные согласные (например, i-jo iov «идущий») и т. д. В связи с этим возникает вопрос, следует ли, например, в слове pa-te татір «отец» отсутствие конечного ρ объяснять спецификой орфографии или особенностями произношения; означает ли написание ka-ke-u 7 $\chi \alpha \lambda x$ е $\phi \zeta$ «кузнец», что звук λ здесь фактически исчез или же только не отражен на письме? М. Вентрис и Дж. Чедвик счи-

⁶ См. об этом: J. C h a d wick, Greek records in the Minoan script, «Antiquity», vol. XXVII, № 108, 1953, стр. 196.

¹ См. об этом А Furumark, Agaische Texte in griechischer Sprache, «Eranos»,

vol. LI, fasc. 3-4, 1953, crp. 103.

² Cm. M. Ventris, J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Myconaean archives, «The journal of Hellenic studies», vol. LXXIII, 1953; cm. Takme: E. L. Bennett, J. Chadwick, M. Ventris, The Knossos tablets, London, 1956; E. L. Bennett, The Pylos tablets, Princeton, 1955; E. L. Bennett, The Myccnae tablets, «Proceedings of the American philosophical society», vol. 97, No. 4, 1953.

³ См. J. S a f a r e w i c z, Odcyfrowanie tekstów greckich w piśmie linearnym B, «Меанder», rok. X, 3, Warszawa, 1955, стр. 138. Дж. Чедвик считает, что не определена фонетическая значимость 15 знаков (см. J. C h a d w i c k, Problèmes d'interprétation du linéaire B, c6. «Études mycéniennes», Paris, 1956, стр. 237).

⁴ См., например, A. J. B e a t t i e, M. Ventris' decipherment of the Minoan linear B script, «The journal of Hellenic studies», vol. LXXVI, 1956.

⁵ См. об этом: M. Le jeune, Déchiffrement du «linéaire B», «Revue des études anciennes», t. LVI, № 1—2, 1954, стр. 154. Прежде древнейшей считалась греческая надпись VIII в. до н. э.

⁷ См. С. И Лурье, Опыт чтения пилосских надписей, ВДИ, 1955, № 3, стр. 33

тают, что подобные случаи надо объяснять особенностями мало приспособленной к греческому языку орфографии. В. Георгиев, наоборот, придерживается мнения, что консчные согласные, по-видимому, в самой речи не произносились, а некоторые согласные в позиции внутри слов подверглись ассимиляции 1. Надо полагать, что и то, и другое объяснения в известной мере имеют, видимо, под собой основание. Отдельные особенности написания слов были несомненно определены графикой (это касается, например, конечных согласных)², другие, такие, как, папример. пропуск отдельных согласных в позиции перед согласными, наличие глухих вместо соответствующих придыхательных и т. д., могли отражать действительные черты произношения. Весьма любопытие, что в критском диалекте, древнейшие намятники которого, написанные греческим письмом. датируются VI — V вв. до п. э., наблюдается явление ассимпляции ряда согласных в середине слова, которое, возможно, было характерным и для языка более раннего периода, в частности — для языка крито-микенских текстов (XIV—XII вв. до н. э.). Греческое слово фізуача «мечи» представлено в кносских текстах как pa-ka-na. С нвлением ассимиляция σγ > γγ встречаемся в критских надписях, например: πρεγγευταί (г. Кносс; 5186_4 3) вместо превусьтаї «послы»; ср. аттич. прев β вотаї.

Не менее интересны в ряде критских надписей случаи написания глухих согласных вместо соответствующих придыхательных, что является столь характерным и для крито-микенских текстов. См., папример, крецата (г. Гортина; Cauer, 112 B_8) вместо хрфиата «имущество, деньги»; хупаутом (г. Гортина; Cauer, 113 $_8$) вместо хухрхутоу «объявленный» (здесь — «усыновленный»); хухор ϵ (г. Гортина; Cauer, 113 $_10$) вместо хухрхуго «отстучать» (здесь — «унаследовать») ϵ . Не значит ли это, что в Кноссе в XIV— XII вв. до н. э. слово фастаух могло звучать ϵ ххухор ϵ (г. почти так же, как оно зафиксировано в крито-микенских текстах (ра- ϵ а- ϵ а)?

Может возникнуть вопрос, чем объяснить это явление и не свидетельствует ли оно о том, что в крито-микенских текстах мы имеем дело с каким-то особым греческим диалектом? Наиболее вероятным представляется объяснение подобных фонетических явлений влиянием местного догреческого языкового субстрата, для которого были характерны такие черты, как, например, открытые слоги, неразличение звонких и глухих согласных, синкона и т. д. 6. Следы этого влияния обнаруживаются также в критских, в частности гортинских, надписях.

Необходимо отметить и ряд других существенных фонетических особенностей языка крито-микенских текстов XIV—XII вв. до н. э. В ли-

¹ См. В. Георгиев, Словарь крито-микенских надписей, София, 1955.

² В. Георгиев, по-видимому, неправ, утверждая, что отсутствие конечных согласных было обусловлено произношением. Характерно, что в этом вопросе Георгиева не поддержал ни один из участников состоявшегося в 1956 г. во Франции Международного коллоквиума по микенским текстам (см. «Études mycéniennes», стр. 259).

⁸ Ссылки на критские (и конийские) надииси приводится но кн.: Н. Соllitz und F. Bechtel, Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, Bd. III, Hälfte 2, Göttingen, 1905 (в дальнейшем в тексте указываем только номер) и Р. Cauer, Delectus inscriptionum graecarum propter dialectum memorabilium, Aufl. 2, Leipzig, 1883 (в дальнейшем — «Сацег»).

⁴ В указанных вадивсях употребляется, таким образом, к вместо х, т вместо ф. Небезинтерсии порожительного применения получения в дальней применения получения получени

⁴ В указанных вадивсях употребляется, таким образом, х вместо χ, π вместо φ. Небезынтересно напомнить, что архаичный, так называемый эпихорический алфавит Крита также употребляет π вместо φ, κ вместо χ. См. об этом A. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, Tl. I, Heidelberg, 1932, стр. 38—39.

⁵ Возможно, даже и πάκ(х) ανα, если учесть встречающееся в критском диалекте написание х вместо γ, например Кертос вместо Гертос «Гортина» (см. Е. Schwyzer. Griechische Grammatik, I.f. 1, München, 1934, стр. 207).

⁶ Мы здесь не касаемся вопроса о том, принадлежал ли догреческий язык Крита к индоевропейским или кенидоевропейским языкам. См. об этом: Б. И. И адэль. Фонетические явления фракийского и иллирийского наыков, ВЯ,1956, № 4; В. И. Геор гиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 90 и сл. Подробный перечень литературы по этому вопросу см.: Л. А. Гиндии Обзор литературы по «пелазгскому» языку, ВЯ, 1959, № 5.

неарном письме В отражены заднеязычные лабиализованные согласные (лабиовелярные), не сохранившиеся ни в одном другом памятнике греческого языка; например: e-qe-ta $\dot{\epsilon}\pi\dot{\epsilon}\tau\alpha\zeta < \pi$. $-\dot{e}$. ek^w (ср. лат. sequor) «спутник»; qo-и-ko-ro β оох δ λ о ς < и. -e. g^woи (ср. ст.-индийск. gaus, лат. bov-) «настух быков» 1 . Транскрипционный знак q в линеарном письме ${\bf B}$ обозначает k^{w} . $u g^w$; в позднейших греческих памятниках им соответствует πиβ.

Для языка крито-микенских текстов характерен долгий α вместо позднейшего конийского η²; например: a-ta-na 'Αθάνα «Афина» (но ср. ионийск. 'Αθήνη); ka-ru-ke καρύκει (дат. падеж ед. числа) «вестнику» (но ср. ионийск. жирожі). Сохраняется, как пранило, дигамма (F) в начале и в середине слов; например: wa-na-ka Favaţ (им. падеж ед. числа или вин. падеж ед. числа) «владыка»; pa_2 si-re-wi-ja βασιλη<math>Fία (т. е. βασιλεία) «дворец».

Удерживается звукосочетание -vs- в глагольных формах 3-го лида мн. числа настоящего и будущего времени; например: e-e-si чесо (ср. аттич. siol) «едят», e-ko-si іхоуог (ср. аттич. іхооог) «имеют». На сохранение группы -vo- указывает удвоение е в слове e-e-si3.

Существительные, основа которых оканчивается на о, имеют показатель род. падежа ед. числа -ою; например: do-e-ro-jo δοέλοιο «раба», diwo-nu-so-jo $\Delta\iota$ f o v v o o o «Диониса».

Слоговое приращение у глаголов в языке крито-микенских текстов пе отмечается; например: аорист от глагола δίδωμι do-ke εδω×ε «дал»; аорист от глагола δέχομαι de-ka-sa-to εδέξατο «принял». Неопределенная форма глагола оканчивается на $-\varepsilon v$; например: a-ke-e $\check{\alpha}\gamma \varepsilon \varepsilon v$ (ср. аттич. $\ddot{\chi}$ үсіν «вести»); e-ke-e- $\ddot{\epsilon}$ үсеν (ср. аттич. $\ddot{\epsilon}$ үсіν) «иметь».

Широко представлены существительные: на - $\varepsilon v \zeta$, например: pa_2 -si-re-vβασιλεύς «царь», ke-re-te-и Κρηθεύς «Кретей» (имя собственное); на -τας, папример: i-ke-ta Чх ϵ τ α ζ «Икет» («Проситель»), ra-wa-ke-ta $\lambda \alpha F \alpha \gamma \epsilon \tau \alpha \zeta$

«верховный правитель» (дословно «предводитель варода»).

Анализ особенностей языка крито-микенских текстов приводит к выводу о том, что не было, по-видимому, ни в фонетическом, ни в морфологическом отношениях принципиальных различий между греческим языком XIV-XII вв. до н. э. и языком VII-IV вв. до н. э. 5.

Переходим к вопросу об отношении языка крито-микенских текстов XIV-XII вв. до н. э. к языку греческих диалектных надписей VII-IV вв. до в. э. Проблема взаимоотношения греческих диалектов еще не решена окончательно. Исходя из данных исторической традиции и соображений, основанных на изучении языкового материала, О. Гофман делит диалекты Греции на три группы: 1) дорийскую, 2) ахейскую с северной (Фессалия, Лесбос, отчасти Беотия) и южной (Аркадия, Кипр) подгруппами и 3) понийскую в. Учитывая этнографические и диалектногеографические моменты, А. Тумб предлагает несколько иное деление:

3 В этом слове второй е передает слог-еп, поснольну п перед следующей согласной (s) в пинеарном письме В не фиксируется. Если бы здесь было ејої, мы вправе были бы ожидать, что в пинеарном письме В это слово отразится как е-si.

4 С. Я. Лурье удалось найти это же название в одной из фригийских падписей (Ма-

hange mit den wichtigsten ihrer Quellen, Bd. 1, Göttingen, 1891, стр. IV-VII.

¹ См. К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 168. Возможно, что e-ge-ta=iπs(υ)τός «конный, конпик» (см. С. Я. Лурье, Крито-микенские падписи и Гомер, ВДИ, 1956, № 4, стр. 7—8).

2 См. О. Ноffmann, A. Debrunner, Geschichte der griechischen Sprache, I, Berlin, 1953, crp. 23-24.

лая Азия); см.: С. Я. Л у р ь е, Опыт чтения пилосских надписей, стр. 33—34.

⁵ См. об этом: М. L е је и n е, Études de philologie mycénienne, «Revue des études anciennes», t. 58, № 1—2, 1956, стр. 4: «во многих отношениях "микенский" диалект менее отличается от "исторически" греческого, чем можно было себе это представить».

в См. О. Н of f m a n n, Die griechischen Dialekte in ihrem bistorischen Zusammen-

1) западногреческие диалекты (дорийские), 2) центральногреческие (беотийский, фессалийский, лесбосский, аркадско-кипрский), 3) намфилийский, где отразилось смещение западно- и центральногреческих диалектов, и 4) восточногреческие диалекты (ионийский и аттический) 1. Отдавая предпочтение соображениям этнографического и историко-хронологического норядка, Швицер разделил все диалекты на 2 группы: старшую — додорийскую с 3 подгруппами (ионийско-аттический, аркадско-кипрский с памфилийским и эолийский) и младшую — северо-западную дорийскую².

Основанием для названных классификаций являются прежде всего фонетические и морфологические особенности. Так, например, долгому $e(\eta)$ в ионийско-аттическом диалекте соответствует долгое $a(\alpha)$ во всех других диалектах; в лесбосском, аркадско-кипрском, фессалийском и беотийском встречается -ρο- вместо -ρα- (например, στροτός вместо στρατος «войско») других диалектов в. Вин. падеж мн. числа существительных на -о оканчивается в монийско-аттическом диалекте на -оос, в дорийском — на -юс, в эолийском — на -ос; местоимение 1-го лица ми. числа звучит в ионийско-аттическом третс, в эолийском аррес, в дорийском арес.

Однако следует отметить, что все вышеприведенные схемы деления диалектов страдают рядом педостатков. Эти схемы, во-первых, являются в значительной степени условными⁴, так как диалектная карта Грепии отличается крайней пестротой и разнообразием. Во-вторых, они основываются на довольно поздних документальных данных и поэтому в состоянии лишь приблизительно верно отражать поздний (начиная с VII в. до н. э.) период распространения греческих диалектов (у ионийцев к этому времени, напр., уже исчезла дигамма, долгий а перешел в η и т. п. 5).

Естественно, что в этих условиях обнаружение текстов на 500-600 лет древнее, чем наиболее архаичные из известных до сих пор греческих надписей, представляет собой событие исключительной важности для греческой диалектологии. Имеем ли мы дело с качественно новым диалектом или с одним из ранее известных науке, каковы связи языка крито-микенских текстов с остальными греческими диалектами, не сохранил ли этот язык черты, уже утраченные другими диалектами,— эти и мпогие другие вопросы привлекают внимание исследователей ⁶.

Хотя многое остается еще неясным, некоторые замечания по этим вопросам все же можно сделать и на данном этапе изучения крито-микенских текстов. Так, например, в крито-микенском тексте (из Кносса) отмечена приставка $\dot{a}\pi v$ -(вместо $\dot{a}\pi o$ -) в слове a-pu-do-si $\dot{a}\pi \dot{v}\delta o \sigma i \zeta$ «уплата» 7 . В то же время приставка ἀπό- известна из лесбосского (г. Митилена; 238₁₀, 214_{48} и др.), аркадского (г. Тегея; 1222_4), кинрского (г. Эдалион; $60,8_{17}$) и фессалийского (г. Ларисса; 1308) диалектов⁸, в понийско-аттическом же не встречается.

Вместо ионийско-аттического предлога пара в крито-микенских (кносских) текстах встречаем pa-ro паро «при, от» в; вместо ионийско-аттического тетра- «четырех-» (в сложном слове) здесь употребляется qe-to-го

¹ Cm. A. Thumb, year. cou., crp. 67—68.

² E. Schwyzer, year. cou., crp. 85—96.

³ Cm. O. Hoffmann, A. Debrunner, year. cou., crp. 37.

⁴ Cm. of prom: U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Der Glaube der Hel-

⁻ см. со этом. С. v. willain o witz-moethen dorii, Der Glauge der Hetlenen, Bd. I, Berlin, 1931, стр. 62.

5 См. О. Н o f f m a n n, A. D e b r u n n e r, ykas. соч., стр. 25.

6 См. S. E. M a n n, Mycenaean and Indo-European, «Man», vol. LVI, february, 1956, стр. 25—26.

7 См. Н. М й b l e s t e i n, Zur mykenischen Schrift: die Zeichen za, ze, zo, «Museum Helveticum», vol. 12, fasc. 3, 1955, стр. 130.

8 Ссилки на золийские беотийские доссанийские друговиче и укиноские надише

^в Ссыдки на эолийские, беотийские, фессалийские, аркадские и кипрские надписи даются по кн.: H. Collitz, Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, Bd. I,

⁹ Cm. T. B. L. Webster, Early and late in Homeric diction, «Eranos», vol. LIV, fasc. 1-4, 1956, crp. 38.

⁶ Вопресы язынознация, № 6

τετ(ο)ρο-. Употребление -ρο- вместо -ρα- имеет место в лесбосском (στρόταγοι (им. падеж. мн. числа) «полководец», 67], беотийском [Врохас (имя собственное, основа врох «короткий»), 23832], фессалийском [Врохас (имя собственное), 460131; следы этого явления наблюдаются в аркадском (теторгаю «четвертый», 6_{104}) и в кипрском 1 .

В крито-микенских текстах встречается имя собственное po-to-ri-jo Πτολίων, образованное от слова πτόλις (т. е. πόλις) «город». Сочетание πτвместо п- в подобных же словах мы находим в аркадском диалекте (название местности Π τόλις 2), на критских монетах $^{
m c}$. Аптары (Π τολίοιχος 3) и в надписих с острова Кипр [po-to-li-se $\pi \tau \delta \lambda \iota \varsigma$ (г. Эдалион; 60_2)].

В крито-микенских текстах обращает на себя внимание показатель род. падежа ед. числа -ою для существительных, основа которых оканчивается на -о, например do-e-ro-jo δοέλοιο «раба» 4. Единственным диалектом, сохранивщим формы род. падежа на -ого, является фессалийский: в надписи из г. Лариссы читаем: πολέμοιο (511₆) (πόλεμος «война»), в надписях г. Краннона: Павосовчевою (45811) (имя собственное), Фрідою (45911) (имя собственное), и т. д. 6.

В крито-микенских текстах сохранился древний орудийный падеж c οκομημιμών μα -φι 6 , μαπριμώρ qe-to-ro-po-pi τετ(o)ρόπο (δ) φι $(o\tau$ τετράπους «четырехножный»). Следы орудийного падежа на -ф: находим в беотийском диалекте. Так, в словаре Гесихия читаем: «слово πασσαλόφι» означает ,,(от) деревянного гвоздя", беотийское выражение» 7. Формы на -ф принято считать эолийскими в.

В языке крито-микенских текстов глагольные формы 3-го лица мв. числа наст. времени оканчиваются на -(v)ог, например e-ko-si iyo(v)ог «имеют» (от є́хω); справедливо отмечалась близость их и соответ. форм в ионийско-аттическом, аркадско-кипрском и эолийском диалектах 9.

В крито-микенских текстах встречается, как уже отмечалось выше, числительное qe-to-ro 10 тет(о)po- «четырех-» (в сложных словах). Форма τέτορες «четыре» засвидетельствована в ряде северо-западных гречоских диалектов (западнолокридском, фокейском, мегарском и т. д.). В аркадском сохранилось порядковое числительное теторгах $(6_{104}, 7_8)^{11}$, которое, по всей вероятности, было образовано от теторес при номощи характерного элемента -ор- вместо -ар-, -вр-, -ор- в других диалектах [ср. ионийск. τέσσερες, аттич. τέτταρες, лесбосск. πέσ(σ)υρες и т. д.]. В фессалийском диалекте в одной из надписей г. Лариссы обнаружена форма πετρο- 12 в сложном слове тетроетпреба «четырехгодичный праздник» 18.

⁹ См. J. Safarewicz, указ. соч., стр. 144.

19 См. F. Bechtel, указ. соч., стр. 183.

Ф. Бехтель считает, что употребление -ро- вместо -ра- является общезолийской чертой (см. F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, Bd. 1, Berlin, 1921, стр. 243).

² См. Pausanias, Hellados periegesis, hrsg. H. Hitzig, H. Blucmner, кн. VIII, Leipzig, 1896 — 1910, гл. 12, § 7.

³ F. Bechtel, указ. соч., Bd. 2, 1923, стр. 703.

⁴ Форма род. падежа ед. числа на -ого сохранилась в языке поэм Гомера П. Шантрен, Историческая морфология греческого языка, М., 1953, стр. 25).

⁵ В этой статье автор намеренно не обращается к литературным памятникам. ⁶ E. Schwyzer, Griechische Grammatik auf der Grundlage von K. Brugmanns «Griechischer Grammatik», Bd. 1, München, 1939, стр. 548, 550—551. Форма на -фі (< и.-е. форманты орудийного падежа на -bh) встречается у Гомера. См. П. Шантрен, указ. соч., стр. 97. Вентрис пишет: -ос в крито-микенском присоединяется пря-

Гесихий) «детьми, от детей» фессилийская (О. Hoffman, указ. соч. Вd. 2, 1893,

¹⁸ Начальный q соответствует и. e. k^{to} , qe-to-re $< *k^{to}$ eteres. Ср. лат. quattuor, ли тов, ketteri, русск. четыре.

11 См. также «Inscriptiones graecae», vol. V. pars 2, Berolini, 1913, стр. 11.

12 Ср. песбосск. πέσ(σ)υρες, беотийск. πέτταρες с начальным π вместо т.

Приведенные выше сопоставления позволяют сделать следующие выводы. В языке крито-микенских текстов, как и следовало ожидать, сохранился ряд архаических явлений, не засвидетельствованных в других греческих диалектах (лабиовелярные согласные). В то же время язык крито-микенских текстов не выделяется среди других греческих диалектов какими-то особыми, качественно отличными чертами, хотя и имеет явственные следы влияния другого, догреческого языка аборигенов Крита.

По вопросу о наличии и характере связей языка крито-микенских текстов с греческими диалектами высказывались различные предположения. М. Вентрис и Дж. Чедвик увидели в языке крито-микенских текстов древнеахейский диалект 1. П. Шантрен обратил внимание на близость ряда элементов этого языка и соответствующих элементов гомеровского языка (род. падеж ед. числа на -с.о, орудийный падеж на -ф.), с одной стороны, и аркадско-кипрского диалекта (3-е лицо ед. числа средн. залога на -то.), с другой. Вместе с тем Шантрен полагает, что не следует сближать язык крито-микенских текстов ии с дорийским диалектом (глагольные формы 3-го лица ед. числа оканчиваются здесь на -σι, а не па -τι), ни с иопийским (сохранение долгого а); он считает, что язык, на котором говорили на Крите и Пелопоннесе в период с 1500 по 1200 г до н. э., по-видимому, был своего рода «предком аркадско-кипрской группы»². М. Лежен указал необходимость быть более осторожным в определении характера языка крито-микенских текстов; признавая существование определенной связи этого языка с аркадским и кипрским, он тем не менее приходит к выводу, что видеть в языке крито-микенских текстов древнюю форму аркадскокипрского диалекта нет достаточных оснований⁸. В. Пизани обратил внимание на наличие в языке крито-микенских текстов ряда черт, отличающих его от дорийского и североэолийского, а также отметил близость языка текстов аттическому (в меньшей мере — ионийскому) и особо тесную связь языка текстов с аркадско-кипрским диалектом. Пизани предложил при классификации греческих диалектов выделять не три, а четыре группы, прибавив к дорийской, эолийской и ионийско-аттической группам новую — микенскую группу 4. Э. Риш поставил под сомнение древность ионийского и главвым образом эолийского диалектов. Крито-микен ские тексты, по его мнению, подтвердили предположение о тесной связи гомеровского языка с аркадским диалектом. Риш предложил разделить греческие диалекты на две древнейшие группы: южиую и северную, полагая при этом, что аркадский, восточнофессалийский и кипрский диалекты представляют собой уцелевшие остатки этих двух групп5.

Эти взгляды Риша подверг критике С. Я. Лурье в, который считает, что нет оспований сомневаться в превности ионийского лиалекта (ионийцы упоминаются уже в микенских надиисях), равно как и объединять в «северную группу» эолийский, западногреческий и дорийский диалекты. Вслед за Гофманом и Вентрисом Лурье полагает, что эолийский, так же как и аркадско-кипрский, памфилийский диалекты и язык древнейшего слоя поэм

 ¹ См. об этом выше, стр. 78.
 ² P. Chantraine, Le déchiffrement de l'écriture linéaire B à Cnossos et à Pylos, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», sér. 3, t. XXIX,

fasc. 1, 1955.

⁹ M. Le je une, Études de philologie mycénienne, I—II, «Revue des études anciennes», t. LVIII, № 1—2, 1956, crp. 6.

⁴ V. P is a n i, Die Entzisserung der ägeischen linear B Schrift und die griechischen

Dialekte, «Rheinisches Museum für Philologie», Bd. 98, Hf. 1, 1955.

5 E. Risch, Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht, «Museum Helveticum», vol. 12, fasc. 2, 1955.

6 См. С. Я. Лурье, Языки культура микенской Греции, М.—Л., 1957.

Гомера, следует возводить к «ахейскому диалекту» 1. По мнению Лурье, ахейский пиалект в XV-XIV вв. по п. э. уже противостоял, с одной стороны, ионийскому диалекту, который сохранил ряд более древних форм. и, с другой, дорийскому, сохранившему древнее -т., которое и в ахейском, и в ионийском изменилось в -ы.

Вопрос о характере языка крито-микенских текстов (наряду с другими вопросами, касающимися этих текстов) был подвергнут детальному обсужлению на Международном коллоквиуме по микенским текстам, в котором приняли участие ученые из 8 страи (21 человек). В ходе дискуссии по докладам Э. Риша и В. Георгиева выступили виднейшие «микенологи»²: М. Вентрис, Дж. Чедвик, М. Лежен, Э. Беннет, П. Шантрен, Г. Мюлештейн и др. Коллоквиум дал возможность его участникам лучше ознакомиться с успехами быстро развивающейся микенской филологии и паметить теоретические и практические задачи на ближайшее будущее. Однако, как и следовало ожидать, имевший место обмен мнениями не принел к выработке согласованного мнения по вопросу о характере крито-микенского диалекта и определении его места среди других греческих диалектов. Дискуссия и продолжающееся по сей день обсуждение этой проблемы на страницах научных журналов позволяют выделять несколько точек зрения: язык крито-микенских надписей наиболее близок к аркадскокипрской и эолийской диалектным группам (М. Вентрис, Дж. Чедвик)³; крито-микенский диалект весьма близок к аркадско-кипрскому и протоионийскому диалектам (Э. Риш)4; крито-микенский диалект — нереходная ступень между понийско-аттическим и эолийским диалектами (Ф. Адрадос) 5: крито-микенский — смешанный диалект, наслоение прааркадскокипрского (эолийского) и праионийского диалектов (В. Георгиев)6.

В таблице на стр. 85 сопоставляется ряд черт языка крито-микен-

ских текстов с соответствующими явлениями других диалектов.

При рассмотрении материалов, приведенных в таблице, обращает на себя внимание прежде всего близость языка крито-микенских текстов к языку надписей Фессалии и к аркадско-кипрскому диалекту. При этом характерно, что ряд особенностей, общих для «микенского» диалекта, (отчасти Беотии) и языка Гомера, не Фессалии ставлен в аркадско-кипрском (-οιο, -αων, -φι, -ιος) 7. Связь языка текстов с языком Гомера в большей степени проявляется в области морфологии. затрагивая главным образом более древние элементы гомеровского языка (род. падеж на -ого, -ого и т. д.). Вместе с тем в крито-микенских надписях представлены формы, характерные как для Гомера, так и для ионийско-аттического диалекта (ἰερός, δτε, ξύν, "Αρτεμις и др.). Ряд фонетических особенностей «микенского» диалекта сближает его с аркадскокипрским, а также с языком надписей Фессалии и Лесбоса (ἀπύ, ὑν-, -ρο-); в языке Гомера эти явления (v < o, $o < \alpha$) встречаются спорадически⁸.

Исходя из анализа языковых данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие выводы. Во-первых, «микенский» диалект не является предшественником ни западногреческих (включая дорийский), ни ионий-

¹ См. С. Я. Лурье, указ. соч., стр. 179.

² Употребление этого термина см.: «Gnomon», Bd. 30, Hf. 4, 1958, стр. 308.

³ M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Myccnaean Greek, Cambridge, 1956, стр. 74.

[•] E. R i s c h, La position du dialecte mycénien, «Études mycéniennes», стр. 170. F. R. Adrados, Achäisch, Jonisch und Mykenisch, IF, Bd. LXII, 3, 1956.

⁶ В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 69. Приписываемое В. Георгиевым (там же, стр. 65) М. Лежену мнение, что крито-микенский является предшественником западногреческих диалектов (со ссылкой на BSLP, t. 52, fasc. 1, 1956, стр. 189), по-видимому, результат недоразумения.

⁷ Э. Риш сообщает о наличии в «микенском» диаленте у существительных с согласным исходом основы формы вин. падежа ми, числа на -ьс, также не представленной в аркадско-кипрском [см. E. R i s c h, Un problème de morphologie grecque, BSLP, t. 53 (1957—1958), fasc. 1, 1958). В См. Р. Сhantraine, Grammaire homérique, Paris, 1942, стр. 25—26.

, N\$.N\$ 11/11	Диалент Языковые явления	Крито- микен.	Язык Гомера	Mon arr.	Арк кипр.	До- До-	Лесб.	Фесса- лийси,	Беот
	а) Фонетико-мор- фологические						-		•
1.	3-е лицо ед. числа наст.								
	времени -с:	-⊱	+	+	+		+	i I	_
2	Род. падеж ед. числа	+	1			!	+ (A)	+	
3	-oto Род. падеж ед. числа	+	+]	_		_	-3° (21)		
•	1-00	+	+]	_	-αυ	_	+(A)	ļ + i	+
4	Род. падеж мн. числа	. 1						i . !	
۳	-αων	+	+	- 1	_	_	_	+ +	+ + +
5 6	Инфинитив •µεν Орудийный падеж -φι	+ +	+	\equiv	_			+ (3)	- -
7	Им. падеж ед. числа	7		_				' '''	•
•	муж. рода -а	+	4-	_		_	<u> </u>	+	+
8	Прилагат. (обознач.	i	i	1				l . I	
	отчество) на -юς	¦ -}-	+	-	_	_	+	+	+
9	Прилагат. (обознач	, ,		_			+	+	_
10	вещество) на -ю; 3-е лицо ед, числа гла-	-}-	+ }	_	_	_			
10	голов средн. залога -тог	+	_ }	-	+	-	-		_
	б) Фонетико-лек- сические				'				
11	*a	+		-	+	+	+,,	+	+
12	πτ-	- <u> </u> -	+ + +	_	++++++	_	+ (A)	ττ-	
13	πεδα	+ -ծւ	_ [_	+	+	+		++ +
14 15	ποτί ἀπύ					-		+	<u>'</u>
16	-60-	∔	_		+		+ +	+	+
17	óv-	∔ !	— I	_	+	_	+	+	_
18	τετρο-	+	— [-	+			π-	_
19	òπ-	+		- !		· -		+	_
20	-A€	+	- 1	<u> </u>	-٧٤	-	+	T	-74
21	μετά	†	+	<u> </u>				1 <u>T</u> 1	_
22 23	ξύν δτε		+	+	4-	_		[+ 	_
23 24	ι ότε ἱερός	1 4 1	<u> </u>	<u> </u>	++	i —	-	+	_
25	''Αρτεμις	∔	÷	- ∔	<u>-</u>		-	+	_
26	Ποσειδ-/Ποσιδ-	+++++++++++++	- + + + + + + + + + + + + + + + + + + +	+	-	-	_	~ + + + _k + + + + + + +	
27	ιατήρ	+	+ [-	+	-		ı — ı	_

Примечания к таблице: 1. Более подробно об этой глагольной форме см.: J. Chadwick, The Greek dialects and Greek prehistory, «Greece and Rome», ser. 2, vol. III, No 1, 1956, crp. 42. Знак + обозначает наличие данной формы в диалекте; А - сокращенно: Алкей.

5. См. В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 68 6. См. М. Lejeune, La désinence - pt en mycénien, BSLP, t. 52, fasc. 1, 1956; его же, Essais de philologie mycénienne, «Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes», t. XXXII, fasc. II, 1958, crp. 214.

7. Cm. E. Risch, La position du dialecte mycénien, «Études mycéniennes», crp. 169; V. Georgiev, La xolvi créto-mycénienne, там же, стр. 185.

9. Cm. H. Mühlestein, L'adjectif mycénien signifiant «en or», там же,

crp. 93—97.
10. Cm. M. S. Ruipérez, Desinencias medias primarias indoeuropeas, «Emerita», t. XX, Madrid, 1952, crp. 8—31.
12. M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, crp. 83.

17. Там же, стр. 74.

18. Cm. E. Schwyzer, Griechische Grammatik, Bd. II, München, 1950, crp.

465; O. Landau, Mykenisch-griechische Personennamen, Göteborg, 1958, стр. 160. 19. См. Е. Risch, Caractères et position du dialecte mycénien, «Études mycéniennes», стр. 257; е го ж е, [рец. на кн.]: С. J. Ruigh, L'élément achéen dans la langue épique, «Gnomon», Bd. 30, Hf. 2, 1958, стр. 91. 22. См. надписи № 6204 и № 5652 в кн.: Е. S c h w y z e r, Dialectorum grae-

carum exempla epigraphica potiora, Lipsiae, 1923. 24. См. С. D. B u c k, The Greek dialects, Chicago, 1955, стр. 24. 25. См. F. B e c h t e l, указ. соч., стр. 175.

ского, ни эолийского диалектов, несмотря на сохранение им некоторых архаических языковых элементов¹. Во-вторых, «микенский» диалект наиболее близок к языку фессалийских надписей и к аркадско-кипрскому диалекту, причем первый сохранил больше древних элементов, свойственных «микенскому» диалекту, чем второй 2. В-третьих, в «микенском» диалекте представлены в основном элементы двух диалектов: ахейского и ионийского. Наличие отдельных, как правило, фонетических элементов эолийского диалекта могло быть вызвано родственными связями ахейского с эолийским (ср. Strabo, Geographica, кн. VIII, гл. 1: 'Ауацый, Аίολιχου εθνους) 3. В-четвертых, «миненский» диалект представляет собой не отдельный греческий диалект, а сложившееся, по-видимому, в первой половине II тысячелетия до н. э. в Северной Греции ахейско-ионийское (а может быть, и койне 4, распространенное впоследствии ахейдами ионийдами) на Пелопоннес и Крит. Можно предположить, что оно образовалось в результате бомее или менее продолжительного воздействия понийского диалекта на ахейский 5. Отсутствие в этом койне понийских морфологических элементов (если не считать окончания -ot, которое могло быть и ахейским) свидетельствовало бы в таком случае о том, что ахейский пласт является в этом койне первичным и более глубоким, ионийский — более поздним и поверхностным 6. Тот факт, что характерцые для «микенского» диалекта явления больше всего представлены в надписях Фессалии, говорит в нользу предположения о существовании ахейско-ионийского койне первоначально и на ее территории (а, возможно, на территории Беотии) 7. Можно напомнить, что «Илиада» знает два ахейских центра в Греции; один в Фессалии, другой на Пелопоннесе (области: Мессения, Лакония и Арголида)⁸. Мы имели бы в таком случае дело с одним и тем же ахейско-ионийским койне, широко представленным в крито-микенских текстах и рудиментарно сохранившимся главным образом в надинску Фессалии, Аркадии, Кипра и отчасти в надписях других областей Греции - Беотии, Крита, Памфилии и др.9.

Высказанные выше в порядке дискуссии соображения никоим образом

не претендуют на решение столь сложного и трудного вопроса.

дования..., стр. 65. ² Cm. J. C h a d w i c k. The Greek dialects and Greek prehistory, crp. 47.

Волее правильным все же было бы отнести и эти элементы за счет ахейского диалекта, так как собственно эолийские языковые особенности в крито-микенских текстах не обнаружены. См. Р. С h a n t r a i n e, A propos d'un recueil de textes mycéniens, «Revue de philologie ...», t. XXXI, fasc. II, 1957, стр. 241.

⁶ Дж. Чедвик (см. его «The Greek dialects and Greek prehistory», стр. 41) признает, что пока нет достаточных оснований для решения вопроса о том, предшествовало ли

находим сообщение о пребывании ионийцев в северной части Пелопоннеса.

8 См. О. H off m ann, Die griechischen Dialekte..., стр. VI. О связях фессалийских ахейцев с населением Пелопоннеса см.: W. Porzig, Sprachgeographische Untersuchungen zu den altgriechischen Dialekten, IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954, стр. 165.

¹ См.: Е. R i s c h, Caractères et position..., стр. 250; В. И. Георгиев, Иссле-

^{*} Мысль о том, что «микенскви» диалект представляет собой койне, была впервые высказаца В. Георгиевым (см. V. Georgiev, La когуј créto-mycénienne, «Études mycéniennes»). Точка зрения автора настоящей статьи несколько отличается от той, которую отстаныет В. Георгиев, поскольку болгарский ученый предполагает, что данное койне образовалось в Южной Греции на базе греческих двалектов Крита, с одной, и Пелопоинеса, с другой стороны (см. там же, стр. 187).

5 См. О. H off mann, Geschichte der griechischen Sprache, I, Leipzig, 1911.

ахейское вторжение ионийскому или иопийское ахейскому.
7 У Гомера (Илиада, кн. XIII, стр. 685) ионийци — 'Ιάονες ἐλκεχίτωνες—уноминаются как соседи беотийцев, локридцев и фтийцев. Геродот (кн. V, гл. 58, § 2) сообщает, что некогда Беотия была населена ионийцами. У него же (кп. VII, гл. 94)

Это, конечно, не означает, что ахейско-нонийское койне было идентичным на севере и юге; наоборот, можно предположить, что оно имело, кроме общих черт, ряд существенных особенностей: с одной стороны, в Фессалии (влияние эолийского, затем дорийского), с другой, на Пелопоннесе и Крите (влияние местного субстрата). См. об этом: O. L a n d a u, Mykenisch-griechische Personennamen, стр. 238—239.

п. н. гацанович, ю. ф. мацкевич

О КЛАССИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Классификации современных белорусских диалектов посвящена значительная литература. Однако и до последнего времени, несмотря на обилие исследований и наличие больщого фактического материала об особенностях территориального распрострапения важнейших языковых явлений, в научной диалектологической литературе нет единого мнения ни о количественном составе, ни об особенностях структуры основных диалектных массивов белорусского языка. Особенно неопределенными остаются территориальные границы наречий. Они очерчены по-разному и в классификациях с делением белорусского языка на два наречия (югозападное и севоро-восточное), и в классификациях, авторы которых выделяют три группы говоров (юго-западные, среднебелорусские и северо-восточные) 1. Так, при делении всех говоров на два наречия территориальные границы колеблются от линии Полоцк — Орща — Могилев — Новозыбков до линии Лида Гродненской обл. – Минск – Бобруйск – Гомель.

Не привела к созданию единой классификации и наметившаяся в последние годы разработка деления всех белорусских говоров на три группы. Особенно значительны расхождения при характеристике среднебелорусского, или центрального, диалектного массива. Одни исследователи относят к нему говоры переходного типа на стыке юго-западного и северовосточного наречий по обе стороны от линии Вилейка — Минск — Борисов — Быхов - Гомель 2, другие включают в состав этого диалектного массива то гоноры Гродненской, Молодечненской и Минской областей (по административному делению до 1954 г.), то говоры большинства белорусских областей [Минской, Гродненской, южной (большей) части Молодечненской и западной части Могилевской 13, то лишь массив минско-молодечненских говоров⁴, в связи с чем эта группа говоров и до сих пор не имеет вполне конкретных очертаний.

Обилие накопленного к настоящему времени фактического материала позволяет, несмотря на общую неразработанность принципов и присмов классификации говоров, уже теперь внести существенные коррективы в жарактеристику основных диалектных групп и поставить ряд вопросов, связанных с классификацией белорусских диалектов.

Авторы некоторых классификаций пользуются соответственно терминами «юж-

ные», «центральные» и «северные» говоры.

² См., например: Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. 1, Вгпо, 1927, стр. 99; П. Бузук, Сироба лінгвістычнае геаграфіі Беларусі, ч. 1, выц. 1, Мінск, 1928, стр. 80—83; П. Н. Гацацович, К вопросу о народнодиалектной основе современного белорусского национально-литературного явыка. Канд. диссерт., Минск, 1954, стр. 254; W. Kuraszkiewicz, Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskej z wyborem tekstów gwarowych, Warszawa, 1954, стр. 74; Ю. Ф. Манкеві ч, Формы 3-й асобы адзіночнага ліку цяперашняга і будучага простага часу ў бела-

рускай мове, «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук, № 3, Мінск, 1958, стр. 159.

3 См.: Н. Т. В айтовіч, Дапытання абдыялектнай аснове беларускай літаратурнай мовы, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. ІІ, Мінск, 1954, стр. ратурнан мова, «працы пытытуга мовазнауства и пост. «, вын. 11, илися, 1334, сгр. 157 и сл.: ее ж е, О диалектной основе современного белорусского литературного языка, ВЯ, 1954, № 4, стр. 27 и сл.: П. Я. Ю р г е л с в і ч. Нарыс сучаснай беларускай мовы з гістарычнымі каментарыямі, Мілск, 1958, стр. 17—19.

4 Н. В. Б і р ы д а і Н. Т. В айтовіч, Кніга па ўсходнеславянскай дыя-

лекталогіі, «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук, № 3, 1956, стр. 144.

Анализ карт диалектологического атласа показывает, что преимущественное большинство изоглосс важнейших фонетико-морфологических явлений пересекает территорию белорусского языка в направлении с запада на юго-восток, образуя четыре наиболее значительных пучка изоглосс, идущих по линиям: 1) Лида Гродненской обл.— Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл.; 2) Свирь Молодечненской обл.— Бегомль Минской обл.— Могилев — Сураж Брянской обл.; 3) Полоцк — Могилев — Сураж Брянской обл.— Пинск — Туров — Наровля Гомельской обл.

Остановимся на изоглоссах явлений юго-западной локализации, образующих наиболее важные и наиболее компактные пучки изоглосс. Выделяя юго-западное паречие, Е. Ф. Карский учитывал следующие черты: недиссимилятивное аканье, отвердение p, наличие дифтонгов, появление приставного z перед начальными a, o, y, u, оформление глаголов в 3-м лице ед. числа на -u' и без -u' в зависимости от типа спряжения и саканье 1 .

Карты атласа позволяют не только внести существенные коррективы в эту общую характеристику юго-западного наречия, но и существенно пополнить ее новыми чертами. Прежде всего следует отметить, что значительная часть приведенных особенностей присуща лишь отдельным небольшим группам юго-западных говоров, другие же характерны для большинства белорусских говоров. Так, например, формы 1-го лица на -мо (-ма) в говорах с полным акавьем изъявит, наклонения и повелит, наклонения мн. числа, приведенные в классификации МДК, и формы глаголов 1-голица на -éм(-eм) и 2-го лица на -eų 'é(-eų 'e) изъявит наклонения мн.числа, отмеченные Н. Дурново, занимают территорию Гродпенской, Брестской и самую западную окраину Гомельской областей. Правда, есть основания предполагать, что формы 1-го лица мн. числа на -мо изъявит, наклонения занвмали в прошлом большую территорию, но под влиянием форм глаголов класса на -e (типа $u\partial \delta M$) были значительно оттеснены. Об этом свидетельствует тот факт, что формы повелит. наклонения на -мо (типа пас'ёймо) заходят значительно дальше на восток по сравнению с соответствующими формами изъявит. наклонения. Кроме того, формы на -мо́ от глаголов II спряжения занимают большую территорию, чем соответствующие формы глаголов I спряжения.

Формы имен существительных на -є в им. падеже мн. числа господствуют в говорах Гродненской обл.; в остальных говорах они распространены островками, которые не выходят в основном за пределы южной части Минской обл. Территорией южной части юго-западного наречия (Брест-

 ¹ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, Вильна, 1904, стр. 193—197.
 ² См.: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», «Труды МДК»,

² См.: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», «Труды мДК», вып. 5, М., 1915, стр. 52—53; Н. Дурново, Очерк истории русского языка М. — Л., 1924, стр. 90—91.

ская, южные районы Мицской и западные районы Гомельской обл.) ограничено распространение саканья и будущего сложного с иму, включенных в общую характеристику юго-западного наречия Карским и Дурново.

Недиссимилятивное аканье, которое во многих классификациях включалось в число наиболее характерных особенностей рассматриваемого наречия, присуще, за исключением говоров самых южных районов Брестской и западной части Гомельской, а также Могилевской и восточных районов Витебской областей, говорам как юго-западного, так и северовосточного массивов¹. Еще большую территорию, чем недиссимилятивное аканье, охватывает произношение твердого р, положенное в основу деления белорусского языка на наречия в классификации Карского.

Составленные карты атласа позволяют в то же время пополнить характеристику юго-западного наречия. В области морфологии отметим следующие наиболее важные особенности:

- а) в именах существительных преимущественное употребление форм женского рода II склонения на -ойу, -ейу (-айу) в твор. падеже ед. числа (типа за гаройу, радн'ойу, пад ха́тайу, в'йшн'айу), сохранение форм среднего рода на -а в им. падеже мн. числа (типа в'одра, ворота, пал'а́), оформление на -а́ (-о́) в им. падеже ед. числа слов среднего рода, обозначающих молодые существа, с сохранением суффикса -ат- в косвенных падежах мн. числа; сохранение фонетически закономерных для этого массива говоров ударяемых окончаний -ом (-о́м) в дат. падеже и о́х (-о̂х) в предл. падеже мн. числа у слов мужского рода (типа брато́м—брато́х, свато́м—свато́х);
- б) в вменах прилагательных стяжение гласных в неударяемых окончаниях в вм. и вин. падежах жепского и среднего рода после выпадения интервокального ј (залата пара, добра жыта, гарачу ваду); формы женского рода на -ойе, -ейе (-айе) в род. падеже ед. числа; формы женского рода на -ойу, -ейу (-айу) в твор. падеже ед. числа; формы мужского и среднего на -ом, -ем (-ам, -ум) в предл. падеже ед. числа [типа на сухом дваре, у ц'омнум (-ам) л'ес'е, у син'ум (-ам) моры];

в) в именах числительных—использование от числительного $\partial \epsilon a$ в косвенных надежах формы $\partial \epsilon o$ и наличие твердого м в формах твор. надежа от числительных mpu и $vam \dot{u} pu$;

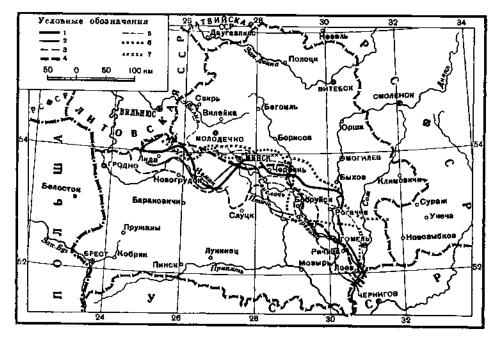
падежа от числительных тры и чатыры;

г) в глаголах — сохранение показателей спряжений в 3-м лице мн. числа ($x\delta\partial a'aq'$, $\kappa \acute{a} \varkappa y q'$); сохранение неударяемого показателя инфинитива — q'u в глаголах типа $\kappa' \acute{e} c' q'u$, $e' \acute{e} c' q'u$; сохранение эпентетического κ' в основе настоящего времени глаголов I спряжения (типа $\partial p \acute{e} \kappa \kappa' e u - \partial p \acute{e} \kappa \kappa' y q'$); наконец, довольно последовательное сохранение суффикса - α -в инфинитиве глаголов II спряжения ($\partial p \imath \varkappa \varkappa \acute{e} q'$, $\kappa p \imath \varkappa \acute{e} q'$).

Из фонетических явлений самыми яркими чертами юго-западных говоров являются: сохранение неударяемых о и е в конечных открытых слогах (балото, ц'опло, хораше, учоре), удержание конечного сочетания «согласный + j» в интервокальном положении или произношение на месте этого сочетания просто мягкого согласного ($c'e'un'[j]a', \kappa ac'[j]o', \kappa ou[j]y$) и отвердение м в именах существительных среднего рода бывших основ на -en- (nnamja, cmpemja). Значительный массив этих говоров охватывает также распространение сильного яканья и екапья.

Перечень приведенных особенностей говорит о том, что наряду с новообразованиями говоры юго-западного массива отражают во многих случаях более древнее состояние как в области склонения и спряжения, так и в области фонетики. Изоглоссы большинства этих явлений, сближаясь на значительном протяжении, образуют один из самых значитель-

¹ См. Н. Т. В айтовіч, Абтынах акання ў першым складзе перад націскам пасля цвёрдых зычных у беларускіх гаворках, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. V, 1958, стр. 193—194.

Карта 11: 1 — формы существительных, прилагательных и местоимений женского рода на -бйу, -бйу (-айу) в твор. падеже ед. числа; 2 — формы прилагательных и местоимений мужского и среднего рода на -бм, -бм (-ам, -ум) в предл. падеже ед. числа; 3 — следы форм дв. числа существительных женского и среднего рода на -е; 4 — северная граница оформления глаголов II спряжения в 3-м лице ед. числа на -ų' в югозападных говорах; 5 — различение поназателей спряжения в 3-м лице мн. числа; 6 — л' эпентетикум в основе настоящего времени глаголов; 7 — последовательное употребление суффикса -а- в инфинитиве глаголов II спряжения.

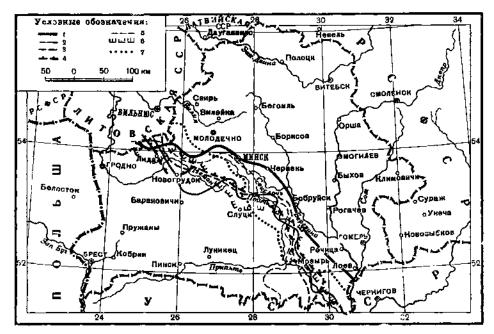
ных пучков по линии Лида Гродненской обл.— Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл. (см. карты 1, 2).

Не совпадают с основным пучком только изоглоссы распространения форм прилагательных мужского рода на -и, -ы в им. падеже ед. числа и четкого различения показателей спряжений в 3-м лице мн. числа. Северные изоглоссы этих особенностей, охватывая некоторые говоры, прилегающие к юго-западному массиву с севера, совпадают с пучком изоглосс, отграничивающим северо-восточное наречие. Кроме этого, несколько отклоняются на север на территории Западной Белоруссии изоглоссы сильного яканья и отвердения м в именах существительных среднего рода бывших основ на -ен-1, но на территории восточной части Белоруссии (на участке Минск—Бобруйск—Речица—Лоев) они сближаются и идут параллельно с основным пучком изоглосс (изоглоссы этих явлений показаны на картах 7 и 10). Это дает основание провести территориальную границу юго-западного наречия по линии Лида Гродненской обл.— Минск — Бобруйск — Речица — Лоев Гомельской обл.

Пучки изоглосс других явлений, пересекающие рассматриваемую территорию в различных направлениях, позволяют выделить более мелкие диалектные группы в составе юго-западного наречия. Так, в области фонетико-морфологической структуры отчетливо выступают три группы говоров — западная, восточная и южная.

¹ О направлении территориального распространения диалектных явлений в отношении их границ, обозначаемых на картах, см. в тексте статьи.

¹ См. о распространении этого явления: Н. В. Бірыла, Этымалагічна мяккін губныя зычныя ў беларускіх народных гаворках, «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. III, 1957, стр. 89 и сл.

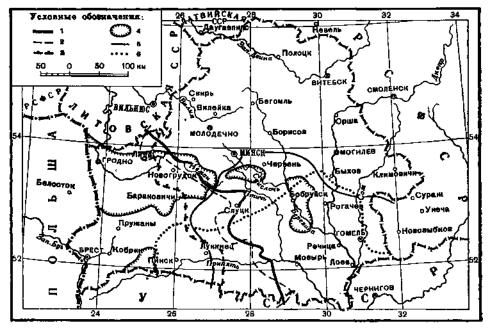
Карта 2: 1— формы существительных среднего рода на -а в им. падеже мн. числа; 2—стяжение гласных в неударяемых окончаниях им. падежа првлагательных женского и среднего рода после выпадения интервокального j; 3— стяжение гласных в неударяемых окончаниях вин. падежа прилагательных женского и среднего рода после выпадения интервокального j; 4— формы прилагательных женского рода на -бйе, -бйе (-айе) в род. падеже ед. числа; 5— формы 2-го лица на -ец'е во мн. числе повелит. наклонения; 6— гласные о и е в конечных открытых неударяемых слогах; 7— конечное сочстание «согласный +j» в интервокальном положении или произношение на месте этого сочетания мягкого согласного.

Западная группа характеризуется прежде всего сохранением более древнего состояния системы склонения и спряжения. Как уже частично отмечалось при уточнении общей характеристики юго-западного наречия, говоры этой группы выделяются наличием форм 1-го лица тематических и нетематических глаголов во мн. числе изъявит. наклонения на -мо (типа гл'адз'имо, ходз'имо, йамо, дамо), формами с последовательным сохранением тематического гласного -е в I спряжении изъявит. наклонения (идз'ем, жен'ем, арем — идз'ец'е, жен'ец'е, арац'е) и преимущественным употреблением форм существительных на -е в им. падеже мн. числа (типа вал'е, сыне, наже, жанк'е) (см. карту 3).

Более древняя фонстико-морфологическая структура юго-западного наречия подверглась в говорах восточной группы значительному разрушению. Это особенно отчетливо проявляется в параллельном употреблении фонстико-морфологических дублетов. Процесс этот живой, и интенсивность его усиливается под влиянием порм современного лите-

ратурного языка.

Особенно явственно распадение древнейшей системы проявляется в бассейне Днепра, где, как известно, вздавна осуществлялись интепсивные экономические связи с другими областями и экономическими центрами страны. По мере усиления этих связей возрастали процессы взаимодействия между разными диалектными группами, интенсивнее происходило стирание местных и распространение общих языковых особенностей. Как результат этих процессов следует рассматривать общее отклонение в южном направлении пучка изоглосс, отграничивающего юго-западное наречие и его восточную подгруппу с севера и востока. Так, к числу оттесняемых явлений относятся формы существительных

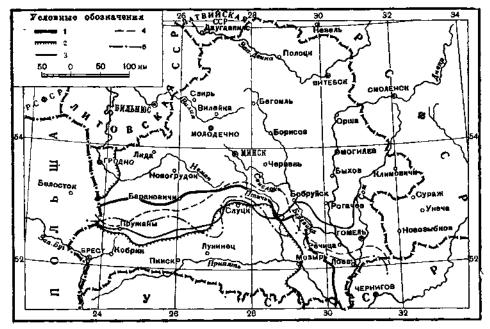
Карта 3: 1 — формы тематических глаголов первого лица мн. числа изъявит. наклонения на -мо; 2 — формы нетематических глаголов 1-го лица мн. числа изъявит. наклонения на -мо; 3 — формы с последовательным сохранением тематического гласного -е- в 1 сприжении изъявит. наклонения; 4 — территория распространения форм существительных на -е в им. падеже мн. числа; 5 — формы глаголов 1-го лица мн. числа 1 сприжения изъявит. наклонения на -ом (-ам) с отвердением предшествующего согласного основы; 6 — формы инфинитива на -ч'й при основе на заднеязычный согласный.

среднего рода на -а в им. падеже мн. числа, формы прилагательных и местоимений женского рода на -ойе, -ойе (-айе) в род. падеже ед. числа (типа маладойе жанчыны, бац'коўскайе дапамос'и, з гетайе пары); формы 2-го лица на -ец'е (-ец'е) во мн. числе повелит. паклонения (типа ваз'м'ец'е, идз'ец'е, палажец'е, стукн'ец'е), а также некоторые фонетические явления, как, например: сохранение гласных -о и -е в конечных открытых неударяемых слогах (л'ето, бл'йско, пол'е, хорпше). Изоглоссы отмеченных явлений отходят к западу. Их оттеснение сопровождается распространением новообразований, идущих с северо-востока (см. карту 2).

В качестве объединяющих особенностей восточной группы выступают формы 1-го лица глаголов I спряжения изъявит. наклонения на -ом (-ам) с отвердением предшествующего согласного основы во ми. числе (тина идом, н'асом, жывом, п'аком, будам); формы инфинитива на -ц'й при основе на заднеязычный (типа п'екц'й, магц'й) (см. карту 3). Для акцентологических норм втих говоров характерно перемещение ударения в формах инфинитива и прошедшего времени глаголов (типа н'éc'ц'и — н'écла, н'éc'л'и; в'éc'ц'и — в'éзла, в'éз'л'и; трéс'ц'и — трéсла и т. д.).

Затухание архаических черт, распространение новообразований и дают основание для выделения этих говоров в восточную группу в составе юго-западного наречия. Западная граница этого массива очерчивается изоглоссой форм типа идом, а северо-восточная — пучком изоглосс, которым юго-западное наречие отграничивается с северо-востока.

Заканчивая характеристику западной и восточной групп юго-западного паречия, необходимо отметить, что изоглоссы отдельных явлений пересскают территорию этих групп в паправлении с запада на восток

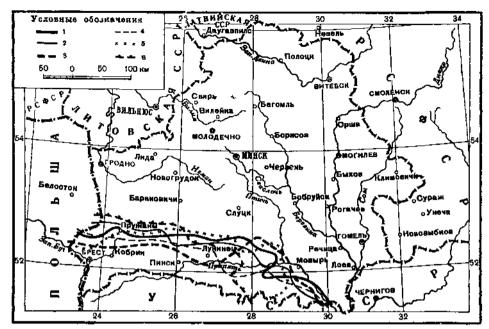
Карта 4: Северные изоглоссы распространения: 1 — форм будущего с иму; 2 — возвратной частиды -ea; 3 — форм 3-го лица мн. числа на -au' от инфинитивы йéc'u'u; 4 — отвердения губных перед a, o; 5 — еканья.

(формы будущего с иму, употребление возвратной частицы -са, оформление 3-го лица мн. числа на -ац' от инфинитива йес'ц'и, отвердение губных перед а, о с выделением йотовой артикуляции и последовательное еканье) (см. карту 4), но в большинстве своем это черты регрессирующие — ср. саканье¹ и отвердение губных, которые даже носителями этих говоров осознаются как местные диалектные особенности; ср. также будущее с иму, которое употребляется в говорах параллельно с литературными формами. Поэтому изоглоссы этих явлений не имеют решающего значения при установлении границ современных диалектных групп юго-западного наречия.

В основном особенностями фонетической системы отличаются говоры южной, или полесской, группы юго-западного наречия (бассейн Приняти и прилегающая к нему территория самых западных районов). Говоры этой территории характеризует: наличие оканья, появление протетического в в формах местоимений (вон, вона, вона, воной), изменение 'а в е в 3-м лице мн. числа глаголов II спряжения (сп'ец'[m', m], ходз'ец'[m', m]), выравнивание основы настоящего времени у глаголов на заднеязычной и губной (типа — сечу́—сечу́ц' [m', m], лоўл'у — лоўл'ац' [m', m]), оформление инфинитива на -ты, а также более устойчивое сохранение форм будущего с иму. Изоглоссы всех этих явлений идут по линии Пружаны Брестской обл. — Пинск — Туров — Наровля Гомельской обл. (см. карту 5).

Юго-западная окраина южной группы выделяется целым комплексом таких ярких фонетико-морфологических особенностей, как, например, наличие твердых согласных перед гласными переднего ряда ($u\partial \acute{e}$, $x\acute{o}\partial um$), рефлекс $\dot{v} > u$ ($\partial \acute{e}$), $x \dot{v} u\acute{o}$), своеобразное изменение o, e в открытых

¹ Cm. L. Ossowski, Białoruskie gwarowe formy 3 osoby singularis i pluralis praesentis i infinitiwu typu m'yįċ̄'a, m'yįūc̄a, m'yō̄'a, «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego». Seria A, № 5, 1957, стр. 138.

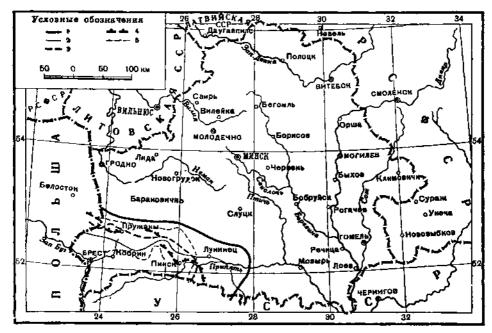

Карта 5: 1 — оканье; 2 — протетическое в в формах местоимений вон, вона, вона, вона, вона); 3 — изменение 'а в в окончании 3-го лица ми, числа глаголов II спряжения; 4 — выравнивание основы настоящего времени глаголов на заднеязычный (сечу — сечуч [m', m]); 5 — выравнивание основы пастоящего времени глаголов на губной (лоўл'у — лоўл'ац'[m', m]); 6 — формы инфинитива на -ты.

слогах (типа выда́, зымл'а́), совпадение окончаний дат. и предл. падежей существительных мужского рода (даты братовы, седыт на плуго́вы), употребление форм 3-го лица глаголов на -т (хо́дыт — ходе́т) и некоторые другие черты (см. карту 6). Говоры с наличием всех этих важнейших черт объединяются по основе с северноукраинскими говорами. Но современное состояние этих говоров свидетельствует о постепенном разрушении местных особенностей под влиянием прилегающих говоров с севера и общенациональных литературных норм белорусского языка. Отступление местных особенностей далее па юг отмечают и украинские диалектологи 1.

Северо-восточное наречие белорусского языка выделяется в классификации Е.Ф. Карского 2 на основе распространения диссимилятивного аканья, мягкого p, форм прилагательных мужского рода на $-\acute{e}$ й в им. падеже ед. числа, оформления глаголов в 3-м лице ед. числа на $-\emph{u}$. Состав этих черт был значительно расширен Московской диалектологической комиссией в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе». Авторы «Опыта», ограничивая характеристику северо-восточного наречия общим указанием на отсутствие малорусских черт, присущих юго-западному наречию, имели в виду следующие особенности: 1) диссимилятивное аканье, 2) монофтонгическое произношение ударяемых гласных o, b, e, 3) употребление приставного e перед начальными ударяемыми e0 и e1, 4) удлинение согласных в интервокальном положении, 5) формы существительных среднего рода на e1, e2, e3 им. числа (типа

¹ См. Ф. Т. Жилко, Денкі питання класифікації говорів української мови в світлі даних лінгвістичної географії, «Філологічний збірник», Київ, 1958, стр. 84, 85.
² Е. Ф. Карский, указ. соч.

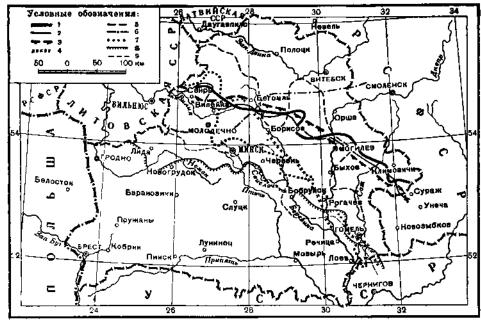
Карта 6: 1 — отвердение согласных перед гласными переднего ряда; 2 — рас пространение рефлекса t>u; 3 — изменение o, e в открытых слогах $(e\omega\partial a, \omega\omega\omega^*a)$; 4 — формы дат. и предл. падежей на $-\delta eu$, $-\delta eu$ существительных мужского рода; 5 — территория распространения форм 3-го лица глаголов на -m.

c' \acute{o} лы, na, na' \acute{o}), 6) отсутствие следов форм дв. числа, 7) формы прилагательных мужского и среднего рода на $-u\ddot{u}$, $-b\ddot{u}$ в им. падеже ед. числа, 8) употребление в новелит. наклонении форм на $-\delta m$ в 1-м лице и на $-u\dot{u}$ 'e ($-b\dot{u}$ 'e) во 2-м лице мн. числа и некоторые другие особенности. Эта общая характеристика авторов «Опыта», пополненная Н. Дурново указанисм на совпадение предл. и твор. падежей прилагательных, порядковых числительных и местоимений мужского и среднего рода, на употребление ударяемых окончаний $-\delta m$ в 1-м лице и $-u\dot{u}$ 'e (δ), $-b\dot{u}$ 'e (δ) во 2-м лице изъявит. наклонения мн. числа, на оформление будущего сложного « $\delta y\partial y$ + инфинитив» 1 вместе с указанием на характерные для юго-западного наречия явления, давала возможность выявить основные диалектные группировки и уточнить особенности их структуры. Однако в тот период диалектология не располагала точными данными о территориальном распространении отмеченных явлений, и границы наречий устанавливались на основе распространения единичных явлений.

Собранный и изученный к настоящему времени материал позволяет не только преодолеть условность принципов деления говоров предшествующих классификаций, но и пополнить характеристику северо-восточного наречия многими новыми чертами. Остановимся на наиболее общих явлениях, объединяющих большинство говоров северо-восточного диалектного массива.

К числу морфологических особенностей, отличающихся наиболее выразительным территориальным разграничением, относится формы спряжения. Так, в говорах северо-восточного массива глаголы класса на -и с подвижным ударением и неподвижным на основе в 3-м лице мн. числа употребляются с окончанием -yų' (гаворуц', ходз'уц, став'уц'). С суффиксом -yчы от тех же акцентологических групи глаголов употребляются и деепричастия (ходз'учы, став'учы). Изоглоссы отмеченных явлений

¹ См. Н. Д у р н о в о, Очерк истории русского языка, стр. 91; е г о ж е, Введение в историю русского языка, стр. 152.

К арта 7: 1 — последовательное оформление глаголов I спряжения с ударением па основе в 3-м лице ед. числа на -u' (типа кажыц'); 2 — последовательное оформление глаголов I спряжения с наконечным ударением в 3-м лице ед. числа на -u' (типа идт'éu'); 3 — южная изоглосса распростравения форм глаголов II спряжения в 3-м лице ед. числа на -u'; 4 — формы существительных на -ōнок, обозначающих молодые существа; 5 — формы прилагательных мужского рода в им. падеже ед. числа на -uü, -ыü; 6 — нетематические глаголы дац' и йéc'u' и в 1-м лице мн. числа изъявит. наклонения на -'óм; 7 — окончание -yu' в 3-м лице мп. числа глаголов класса и с ударением па основе; 8 — формы 2-го лица мн. числа глаголов изъявит. наклонения на -иц'б (-ыц'б); 9 — глаголы класса е без л' эпентетикум в основе настоящего времени.

охватывают одну и ту же территорию и в говорах восточной части Белоруссии проходят в одной плоскости с изоглоссами диссимилятивного яканья, что, вероятно, свидетельствует о связи комплекса морфологических черт с особенностями фонетической системы говоров.

Рассматриваемые говоры отличаются особенностями глагольных основ: глаголы класса -е на губной утратели л' эпентстикум в основе настоящего времени (дрем'иш, дрем'иц', дрем'им и т. д.), сохранив его только в основе 1-го лица ед. числа (сыпл'у). Глаголы этого типа, таким образом, уподобились соответствующей основе глагола класса -и (кармл'ў — корм'иш).

Кроме этих особенностей, следует указать, что существительные, обозначающие молодые существа, оканчиваются в рассматриваемых говорах на -о́нок (μ 'ал'о́нак, йагн'о́нак, ∂ s'a μ 'о́нак) и относятся к мужскому роду. Значительную территорию охватывает оформление нетематических глаголов ∂ a μ ' и й́ес' μ 'и в 1-м лице мн. числа изъявит. наклонения на -'о́м (∂ a ∂ s'о́м, йа ∂ s'о́м) и ассимиляция согласных в сочетаниях ∂ н (хало́нна, тру́нна, ро́нный).

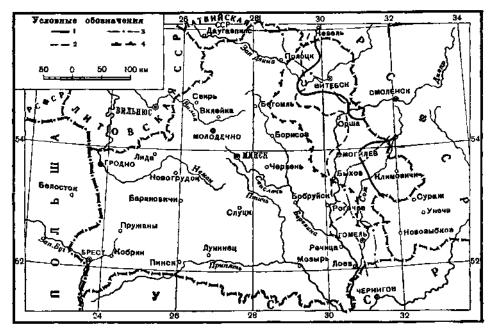
Изоглоссы отмеченных нами явлений, сближаясь на значительном расстоянии с изоглоссами территориального распространения форм, указанных в предшествующих классификациях, в частности форм глаголов 3-го лица ед. числа на - и и форм прилагательных мужского рода в им. падеже на -ий, -ый, образуют пучок изоглосс, пересекающих территорию белорусских говоров по линии Свирь Молодечненской обл. — Бегомль Минской обл. — Могилев — Сураж Брянской обл. (см. карту 7). Кроме того, в качестве объединяющей черты всех говоров северо-

восточного диалектного массива выступают формы существительных женского рода II склопения на -ой, -ей (-ай) в твор, падеже ед. числа и формы 2-го лица на -uu'a (-uu'a) глаголов повелит, наклонения мн. числа (гл'адз'иц'а, стукн'иц'а). Но распространение их выходит далеко за пределы очерченного диалектного массива. Южная изоглосса форм на -о́й, -е́й (-ай) и на -и́ц'а (-ыц'а) вместе с южными изоглоссами некоторых явлений, приведенных в «Опыте» и пополненных Н. Дурново (монофтонгическое произпошение ударяемых o, b, e, ϕ ормы существительных среднего рода на -и, -ы в им. падеже мн. числа, отсутствие следов форм дв. числа, совпадение показателей предл. падежа и твор. ладежа ед. числа прилагательных, формы 1-го лица на -о́м и 2-го лица на $-u \mathbf{q}' e\left(\delta
ight)$, $-u \mathbf{q}' e\left(\delta
ight)$ глаголов мн. числа изъявит. наклонения), совпадает с пучком изоглосс Лида — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев, отграничивающим юго-западное паречие. Что касается приставного в, которое во всех классификациях выдвигалось в качестве яркой черты северовосточного наречия, то распространение его охватывает и часть говоров юго-западного наречия, в частности его восточную группу.

Таким образом, изоглоссы явлений северо-восточной локализации образуют два значительных пучка изоглосс: Свирь Молодечненской обл.— Бегомль Минской обл.— Могилев — Сураж и Лида — Минск — Бобруйск — Речица — Лоев, приблизительно равные по охвату важнейших явлений северо-восточного диалектного массива. Естественно, что вопрос об установления границы северо-восточного наречия не может быть решен ни на основе простого количественного учета изоглосс, ни на основе значения их, так как оба пучка изоглосс в общем равноценны для раскрытия системы живого белорусского языка. Каждый из них включаст в своем составе изоглоссы как фонетических, так и морфологических явлений. Эти трудности значительно облегчаются тем, что говоры территории между этими пучками изоглосс имеют свои, не известные другим массивам черты (см. ниже), что дает основание на данном этапе изученности белорусских говоров провести границу северо-восточного наречия по лишии Свирь Молодечненской обл.— Бегомль Минской обл.— Могилев — Сураж.

Кроме общих черт, объединяющих все говоры северо-восточного наречин, карты атласа выявляют немало местных особенностей, характер распространения которых позволяет выделить две группы говоров в составе этого наречия. Так, четко выделяется пучок изоглосс на восточной окраине северо-восточного наречия. В паправлении с севера на восток проходят изоглоссы форм прилагательных мужского рода на -éй (типа $c'a'an\acute{e}i)$, именных и глагольных основ на заднеязычный (типа на $pyk'\acute{e}$, $nap\acute{o}c'e$, $n'ak'\acute{e}u$, $n'ak'\acute{e}u'$), форм инфинитива с сокращенным суффиксом (типа n'ec'[u'], knac'[u'], n'ev, b'(ev), ярко выраженного диссимилятивного акапья (выда́, ныга́, но вадо́й, наго́й и т. д.).

Изоглоссы отмеченных явлений проходят по западным окраинам Могилевской и Витебской областей. Некоторые из них отклоняются к северо-западу на территорию Полоцкого, Освейского, Россонского и других районов. В северной части очерченной территории имеют место локальные ограниченные фонетические и морфологические особенности — своеобразный тип диссимилятивного яканья, при котором не только а, но и е (любого происхождения) по отношению к гласному первого предударного слога функционируют как гласные нижнего подъема $(n'um\acute{a}\kappa, 6'u∂\acute{a}, н'uc႔\acute{a}, 6'uc'\acute{e}∂a, 6'vp\acute{e}s'h'u\kappa, n'u\kappa'\acute{e}u')$, сохранение элементов цоканья $(n'\acute{e}q\kappa a,\ \partial \upsilon q\kappa \acute{a}),\ coвчадение дат.-твор.$ падежей мн. числа существительных, прилагательных и местоимений (типа браў мокрым рукам), сохранение деепричастий с суффиксом -a (типа uda'a, 6'up'á, стъйá, дъйá) и др. Все изоглоссы этих локальных явлений нереходят на территорию соседних великорусских говоров, под влиянием которых эти особенности развились, по-видимому, еще в период литовского господства.

К а р т а 8: 1 — формы прилагательных мужского рода в им. вадеже ед. числа на $-\acute{e}\ddot{u}$; 2 — формы инфинитива типа n'ec'[u'], клас'[u']; 3 — именные и глагольные основы на заднеязычный (типа рук'є, парог'є, п'ак'єш — п'ак'єц'); 4 — диссимилятивное аканье

Наличие целого ряда указанных особенностей на отграниченной территории позволяет ставить вопрос о выделении восточной группы в составе северо-восточного наречия (см. карту 8).

Западная группа северо-восточного наречия отличается отсутствием преобладающего большинства особенностей восточной локализации. Некоторые общие черты, как, например, диссимилятивное аканье, имеют в ней свои особенности. Здесь более последовательно употребляются формы перфекта и плюсквамперфекта на -ўшы (типа сонца зайшоўшы; йон быў пашоўшы, ал'е в'арнуўс'а).

Переходим к анализу диалектного массива, находящегося между юго-западным и северо-восточным наречиями. новка вопроса о выделения этого массива в особую диалектную группу не является новой. Впервые на наличие отдельной групстыке юго-западного и северо-восточного наречий пы говоров на Дурново ¹. белорусского языка указал Η. Он устанавливает, что между наречиями в пределах каждого из трех русских межич наречиями северновеликорусским и южновеликорусским, севернобелорусским и южнобелорусским, северномалорусским и южномалорусским и карпатско-русским «в настоящее время резких границ нет, а есть переходные говоры, образующие постепенный переход от одного наречия к другому» 2 .

Это предположение Н. Дурново, высказанное в общей форме, было вскоре обосновано фактическим материалом в пробном диалектологическом атласе восточной части Белоруссии (в границах до сентября 1939 г.) Бузука з. Анализируя распространение глагольных форм 3-го лица

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, стр. 73 ² Н Дурново, Введение в историю русского языка, стр 99 ³ См П Бузук, указ соч

ед. числа, П. Бузук замечает, что по характеру оформления глаголов все белорусские говоры необходимо подразделять не на две, а на три полосы. «Такой третьей, переходной полосой являются говоры, в которых окомчание -ць в глаголах II спряжения может отпадать, причем условием этой утраты является пеударяемость тематического гласного: носе или в результате яканья нося». Правда, в этой же полосе «возможной является и дальнейшая дифференциация: также и в глаголах I спряжения может являться или отсутствовать окончание -ць в зависимости от ударения» 1. Однако говоры с наличием таких форм, охватывающие зпачительно меньшую территорию, чем говоры с формами глаголов II спряжения с ударением на основе, рассматриваются в работе П. Бузука лишь в качестве подгруппы переходной полосы.

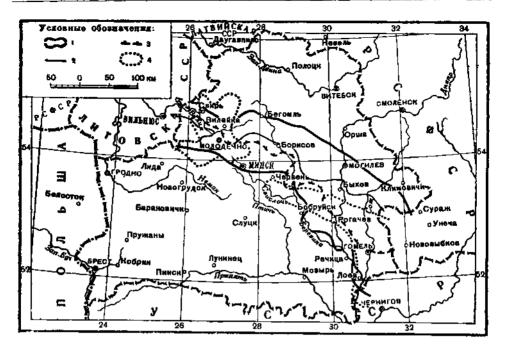
Взгляды Н. Лурново и П. Бузука на пиалектный состав белорусского языка встретили поплержку у большинства языковелов: во всех последующих классыфикациях белорусские говоры подразделяются не на пве. а на три группы — юго-западную, северо-восточную и группу среднебелорусских говоров. На особенностях последней группы останавливаются даже и те исследователи, в работах которых затрагиваются лишь отдельные вопросы классификации белорусских говоров. Однако при характеристике структуры этой группы исследователи во многом расходятся. Так, говоры, в которых глаголы I спряжения оформляются в 3-м липе ел. числа с -ц'или без -ц' в зависимости от ударения (типа м'єл'е [а], гул'а́ие [а], но идз'єц', б'арец', бйец' и т. д.), выделяются П. Бузуком в подгрупцу переходной полосы. В. Курашкевич в указанной выше работе, не останавливаясь попробно на особенностях переходной группы говоров, выделяет по характеру соотношения форм на -и' и без -и' в 3-м лице ед. числа в зависимости от ударения сплошную зону по линии Вилейка — Минск — Быхов -- Гомель -- Чернигов, Наконец, как уже было замечено выше, в работах некоторых диалектологов в составе среднебелорусского массива то объединиются все говоры юго-западного наречия за исключением говоров южной группы, то этот массив ограничивается зоной минско-молодечневских говоров.

Данные, полученные в процессе картографирования, подтверждают наличие в составе белорусского языка третьей группы говоров, находящейся межу юго-западным и северо-восточным наречиями. Говоры этой группы объединяются прежде всего на основании форм тематических глаголов 3-го лица настоящего и будущего времени, изоглоссы распространения которых выделяют компактный диалектный массив, пересекающий всю территорию белорусского языка с северо-запада на юго-восток (см. карту 9).

Специфической чертой третьей группы говоров являются формы глаголов 3-го лица ед. числа II спряжения без - μ ' с подвижным и неподвижным ударением на основе ($x\delta\partial s$ 'e [a], $cm\delta s$ 'e [a], $p\delta\delta'$ e [a], $ea\epsilon\delta pa$, $ea\epsilon\delta pa$

По ряду других особенностей среднебелорусские говоры сближаются с юго-занадным или с северо-восточным наречиями. Так, общими для

¹ Там же, стр. 81.

Карта 9:1— территория распространения форм 3-го лица ед. числа II спряжения с ударением на основе типа $z\delta\partial s'e$ [a], $za\delta\partial a$; 2— формы 3-го лица ед числа I спряжения с ударением на основе типа $s\delta max$; 3— формы 3-го лица I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа I спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$; 4— формы 3-го лица мн. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$) о лица мн. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения типа $u\partial s'\hat{e}$) о лица и прави $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{e}$) о лица $u\partial s'\hat{e}$ (м. числа II спряжения $u\partial s'\hat{$

всех среднебелорусских говоров и юго-западного наречия являются формы прилагательных мужского рода на -u, -u в им. падеже мн. числа. В западную часть этих говоров заходят изоглоссы ударяемых окончаний $-\delta m$ дат. падежа и $-\delta x$ предл. падежа мн. числа существительных мужского рода, форм слов среднего рода, обозначающих молодые существа, на $-\delta$ ($-\delta$) в им. падеже ед. числа и некоторых других явлений.

В специальной литературе высказано мнение о переходном типе среднебелорусских говоров. Известно, что вопрос о переходных говорах в восточнославянских языках еще окончательно не решен. Согласно традициопному пониманию, переходными считаются говоры, которые по основе или происхождению принадлежат к одной диалектной группе, но претерпели известные изменения под влиянием говоров другой группы. Так, авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» считали, что среднерусские говоры сложились на северновеликорусской основе. Начало образования их относят к сравнительно позднему времени — к периоду образования централизованного русского государства (XIV в.) 1.

¹ См.: П. С. К узнецов, Русская диалектология, М., 1951, стр 116; Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, ВЯ, 1955, № 5, стр. 37.

Выскажем покалишь самые предварительные суждения относительно становления и развития среднебелорусских говоров. Современная территория среднебелорусских говоров входила в прошлом в состав Полоцкой и Северской земель. В XI в. она представляла собой юго-западную окраину Полоцкой, а на крайнем юго-востоке западную окраину Северской земель, объединяющих на этой территории наряду с кривичами и северянами частично радимичей и дреговичей. Последние были особенно значительными в составе Полоцкой земли. Уже самые ранние древнерусские летописи отмечают поселения дреговичей на пространствах от Припяти до Западной Двины.

Объединение различных племен в составе древнерусских земель, находившихся на территории Белоруссии, не могло, конечно, не повлечь за собой взаимодействия между основными племенными диалектами. Разумеется, это взаимодействие в ранний исторический период, поддержанное колонизационным движением дреговичей на север (по археологическим данным, дреговичи занимали территорию между Припятью, Неманом и Березипой 1) и оживленными экономическими связями по Днепру и его притокам в пределах Северской земли, было особенно интенсивнымна стыках основных племенных массивов, т. е. на территории, занятой в настоящее время среднебелорусскими говорами.

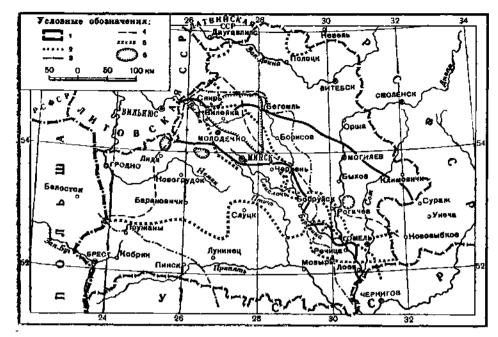
В период феодальной раздробленности значительная часть современной территории среднебелорусских говоров входила в состав Минского княжества, земли которого вследствие княжеских неурядиц часто оказывались в сфере административного и экономического подчинения соседних древнерусских княжеств. Естественно, что эти процессы закрепляли и усилинали взаимодействие, наметившееся между племенными диалектами в ранний исторический период на территории Белоруссии.

В процессе этого длительного взаимодействия племенных, а затем территориальных диалектов, по-видимому, и сложились такие специфические особенности среднебелорусских говоров, как своеобразный тии форм без -t' в 3-м лице ед. числа глаголов II спряжения с подвижным и неподвижным ударснием на основе. Поэтому, на паш взгляд, современные среднебелорусские говоры нельзя рассматривать в плане традиционного понимания переходности, поскольку они образовались в результате длительной истории и имеют свои специфические черты, неизвестные другим диалектным массивам белорусского языка.

В период становления среднебелорусских говоров, по-видимому, доминировали языковые черты юго-западной локализации. Даже в эпоху литовского господства, как утверждает Е. Ф. Карский, дреговичи значительно продвинулись к северу и начали ассимилировать себе кривичей, но в то же время и сами они восприняли многочисленные особенности языка последних². Характерно, что северные изоглоссы распространения форм без-t'глаголов II спряж. (типа гавбра, хбдз'а) и изоглоссы глаголов I спряж. с отвердевшим конечным согласным основы (типа кажа, в'ажа), свойственные говорам юго-западного наречия, почти совпадают.

Что касается особенностей среднебелорусских говоров, общих с северо-восточным наречием, то они, как свидстельствуют письменные памятники, созданные на этой территории, наслоились значительно позже. Пучок изоглосс этих явлений, опоясывая среднебелорусские говоры с югозапада, почти на всем протяжении сближается с южной изоглоссой форм глаголов II спряжения 3-го лица ед. числа без -t'. Таким образом, в среднебелорусских говорах различаются как бы два слоя. Своими более ранними чертами эти говоры сближаются с юго-западным наречием, более поздними образованиями они объединяются с северо-восточным. Наличие специфических структурных особенностей и дает основание ставить вопрос о выделении с реднебелорусских говоров в отдельную диалектиую группу.

См. Н. И. Третьяков, Восточнославянские илемена, М., 1953, стр. 229.
 Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 122.

К а р т а 10: 1 — территория распространения глагольных форм 3-го лица ед. числа II спряжения тина $n\delta c'e[a]$, $eae\delta pa$; 2 — слова среднего рода на $-a'[-\delta]$, обозначающие молодые существа, в им. надеже ед. числа с сохранением суффикса -am— в косвенных падежах мл. числа; 3 — формы существительных на $-\delta M$ в дат. падеже мн. числа мужского рода; 4 — отвердение M в именах существительных среднего рода типа n AdM pa; 5 — яканье; 6 — территория распространения перехода конечного ударяемого o в a в окончаниях род. падежа ед. числа местоимений мужского и среднего рода

Среднебелорусские говоры не являются однотипными. Западную их часть охватывают изоглоссы юго-западной локализации (форм сущ. м. р. на -ом в дат. пад. мн. числа, форм слов среднего рода, обозначающих молодые существа, на -ом в им. пад. ед. числа с сохранением суффикса -ат- в коси. пад. мн. числа, отвердения м в именах среднего рода быв. основ на -ен- и сильного яканья), которые вместе со специфическими особенностями некоторых говоров этой зоны — переходом ударяемого конечного о в а в окончаниях род. падежа ед. числа местоимений мужского и среднего рода (типа йага́, кага́, майга́, ус'ага́) и сноеобразным изменением и в а в первом предударномслоге (ц'в'алы́) — позноляют выделить ми исс к о-м о л о д е ч н е н с к и й массин (см. карту 10). В носточную часть среднебелорусских говоров заходят изоглоссы ряда явлений северо-восточной локализации, выделяющие м о г и л е в с к о-г о м е л ь с к и й массив (см. карты 10, 7, 8).

Таким образом, составленные карты диалектологического атласа белорусского языка дают основание для выделения трех основных диалектных массивов — северо-восточного, юго-западного и среднебелорусского. Объединяясь общностью грамматического строя, они выступают как говоры белорусского общенационального языка 1.

¹ В данной статье, кроме указанных источников и материалов, обработанных авторами, использованы дналектологические карты, составленные сотрудниками сектора дналектологии Института языкознания АН БССР: Н. В. Б и р и л л о (удлинение согласных), Л. В. О р е ш о и к о в о й (существительное), Е. И. Ч е б е р у к (числительное), а также карты по местоимению, придагательному и глаголу, представленные в монографических работах: А. А. К р ы в і ц к і, Формы асабовых і зваротнага займеннікаў сучаснай беларускай мовы ў іх гісторыі. Канд. диссерт., Мінск, 1958; А. Г. М у р а ш к а, Формы прыметнікаў у беларускіх гаворках. Канд. диссерт., Мінск, 1958; Ю. Ф. М а ц к е в і ч, Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове, Мінск, 1959.

м. в. гордина

К ВОПРОСУ О ФОНЕМЕ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ (На основании экспериментального исследования гласных)

Вопрос о фонеме в языках слогового строя был впервые наиболее подробно разобран на материале китайского языка Е. Д. Поливановым 1. Исходя из того, что в китайском языке морфологическая граница почти всегда совпадает со слоговыми границами, Е. Д. Поливанов возражал против отождествления звуков — элементов слога китайского языка с фонемами свропейских и предложил для китайского слога термин «силлабема». Позднее А. А. Драгунов также отмечал, что в таких языках, где морфологическая делимость не идет дальше слога, как, например, в китайдунганском, категории фонемы соответствует «слого-фонема» 2. Эти высказывания не получили, однако, дальнейшего развития в трудах А. А. Драгунова. Позднес он не проводил достаточно четкого различия между терминами «отдельный звук речи» и «фонема», в связи с чем отпощение между фонемой и структурными элементами китайского слога, каждый из которых представляет отдельный звук речи, остается неясным³.

Исследователи вьетнамского языка Ле Ван Ли, М. Эмено и А. Одрикур, которые считают фонемный строй обязательным для любого языка, даже не ставят вопроса об уместноститермина «фонема» в применении к вьетнамскому языку4. Состав фонем вьетнамского языка выясняется ими на основании сопоставления квази-омонимов и определения зависимости звуков от фонетического положения.

Опнако как относительно инвентаря фонем вьетнамского языка, так и относительно фонемного состава слов существуют серьезвые расхождения. Характерно, что споры эти касаются звуков, входящих в акцептируемую (несущую на себс тон) часть слога, т. е. гласных и конечных согдасных⁵. Расхождения в определении начальных согласных при этом вызываются диалектными различиями и ненормализованностью произношения; различная же трактовка гласных и конечных согласных является результатом интерпретации одних и тех же фактов разными учеными.

Так, в системе вьетнамских гласных Ле Ван Ли и М. Эмено усматривают девять долгих фонем — [i, e, e, a, э, о, u, в, m] и две краткие — [а] и [л], соответствующие долгим [а] и [у]; краткие гласные не могут употребляться в исходе слога. При этом копечные согласные [л] и [ŋ], перед первым из которых возможны лишь краткие гласпые, так же как и соответствующие им глухие [ħ] и [k], рассматриваются как разные фонемы. Некоторое несогласие между Ле Ван Ли и Эмено существует

¹ См. А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.

² См, например, А. и Е. Драгуновы, Дунганский язык, «Зап. Ин-та востоюведения АН СССР», VI, М.—Л., 1937, стр. 120.

³ См. А. А. Драгунов и Е. Д. Драгунова, Структура слога в нитайском национальном языке, «Сов. востоковедение», 1955, № 1.

⁴ См. М. Lê Vân Ly, Le parler vietnamien (Essai d'une grammaire vietnamienne), Paris, б. г.; М. В. Е m с n e a u, Studies in Vietnamese (Annamese) grammar, Replecies Los Angeles 4054; A. C. Hand is a lart Les voyelles brèves du viets Berkeley — Los Angeles, 1951; A. G. Haudricourt, Les voyelles brèves du vietnamien, BSLP, t. 48, fasc. 1, 1952.

⁵ О выделении акцентируемой части слога см.: Н. Д. Андреев, М. В. Гордина, Система тонов вьетнамского языка, «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 143.

в вопросе о фонематической интерпретации конкретных слов. В словах manh «кусок» и mang «росток бамбука», по мпению Ле Ван Ли, гласные различаются по долготе, а согласные — по качеству: $\{man - mag\}$; М. Эмено считает, что здесь и гласные и согласные различны по качеству: $[men - mag]^1$.

А. Одрикур, анализируя распределение конечных согласных относительно гласных, приходит к выводу, что [n] и [n] надо рассматривать как варианты одной фонемы, встречающиеся соответственно после гласных переднего и заднего ряда. Следовательно, в приведенном примере раз-

личение основано лишь на качестве гласных: [тёп — та)].

Объединение звучаний [n] и [n] в одну фонему, по А. Одрикуру, приводит к выделению еще четырех кратких гласных во вьетнамском изыке — $[\check{e}, \check{e}, \check{o}, \check{o}]$, противополагающихся соответствующим долгим ². Решая вопрос об интерпретации долгих и кратких гласных, Одрикур, как и его предшественники, ограничивается установлением независимости качества гласного от места образования согласного. Между тем в таких парах, как tam «три» и tam «зубочистка», отчетливо различны по длительности не только гласные, но и согласные, что связано с законом постоянства длительности тона во вьетнамском независимо от состава слога ⁸.

Исследуя произношение отдельных слов-слогов выетнамского языка двуми дикторами, носителями северного диалекта, принятого за основу для литературной нормы, мы приводим данные апализа кимографических

записей в таблицах на стр. 105-1064.

Как видно из таблиц, часть слога, следующая после начального согласного, имеет постоянную длительность, независимую от количества и качества составляющих ее элементов. Сокращение гласных в определенных позициях здесь всегда компенсируется удлинением конечного согласного.

Данные обоих дикторов совпадают. Исключение представляет звукосочетание йт, которое диктором Д. произносится с несколько более долгим \ddot{a} , что, впрочем, нисколько не нарушает общей закономерности, потому что долгота гласного сопровождается здесь соответствующим сокращением конечного согласного. В то же время удлинсиие й в йт не настолько велико, чтобы привести к совпадению с ат. Поэтому независимо от того, рассматривать ли пары конечных согласных $[n-\eta, \hbar-k]$ как пары разных фонем или как пары оттенков одной фонемы, долгий гласный в силу особенностей строя вьетнамского языка никогда не может оказаться в положении краткого гласного, и наоборот. За долгим гласным во въетнамском языке всегда следует краткий согласный, за кратким гласным — долгий. Кроме того, долгий гласный характеризуется слабым примыканием последующего согласного, краткий — сильным примыканием его; в связи с этим даже в случае совпадения долгого и краткого гласных по абсолютной длительности различие сохраняется. Различение слогов tam и tam можно относить на счет как гласного, так и согласного; эти слоги противополагаются друг другу по характеру своей второй части в целом и по этому же признаку они противополагаются слогам типа ta.

Отдельный звук вне слога пе имеет во вьетнамском языке своей постоянной длительности; количественная характеристика звука связана с местом его среди совокупности элементов, составляющих слог. Слог же,

² См. A. G. Haudricourt, уназ. соч., стр. 93. ³ О постоянстве длительности тона см.: Н. Д. Андреев, М. В. Гордина,

¹ См., M. Lê Vản Ly, укав. соч., стр. 39—40; М. В. Етепеац, указ. соч., стр. 9—24.

указ. соч., стр. 145.

4 Слоги с конечными [u, i] требуют специального исследования с более сложной методикой. Отдельные полученные нами данные и слуховые наблюдения над произношением таких слогов полностью согласуются с приводимыми в таблицах сведениями. Длительность акцентируемой части слога и ее элементов в таблицах указана в сотых долях секунды.

Таблица 1 (диктор Н.)

	Тоны							
Примеры	1-24	2-21	3-14	4-ži	5-12	6-и		
a [a:]	39,5	46,0	32,2	52,5	40,3	25,8		
am [am]	40,1	42,7	35,1	47,1	35,8	24,6		
a [a]	27,4	27,8	26,1	27,6	24,3	17,8		
m [m]	12,7	14,9	9,0	19,5	11,5	6,8		
ang [aŋ]	41,7	46,5	34,4	50,6	35,3	23,0		
a [a]	26,3	28,2	23,2	26,9	22,2	16,3		
ng [ŋ]	15,4	18,3	11,2	23,7	13,1	6,7		
am [sm:]	33,0	41,0	32,2	44,9	31,1	21,0		
a [a]	10,0	11,4	9,2	13,9	10,2	10,0		
m [m:]	23,0	29,6	23,0	31,0	20,9	11,0		
ăng [ăŋ:]	34,0	$ \begin{array}{c} 41,3 \\ 9,2 \\ 32,1 \end{array} $	31,6	45,4	31,6	16,1		
ă [ă]	8,6		8,6	10,7	8,7	7,9		
ng [ŋ:]	25,4		23,0	34,7	22,9	8,2		
<i>i</i> [i:]	36,8	44,4	32,2	47,0	38,6	27,8		
in [in]	36,7	43,6	33,6	48,8	32,2	19,0		
i [i]	19,7	20,7	21,2	22,8	19,6	13,3		
n [n]	17,0	22,9	12,4	26,0	12,6	5,7		
inh [i n:]	33,8	$\frac{44,2}{9,6}$ $34,6$	30,1	50,6	32,0	17,7		
i [i]	9,1		8,4	11,6	8,2	9,0		
nh [n:]	24,7		22,7	39,0	23,8	8,7		
âm [Xm:]	32,0	37,9	28,3	44,1	27,6	16,5		
â[X]	9,9	11,7	8,0	10,5	9,9	8,5		
m [m:]	22,1	26,2	20,3	33,6	17,7	8,0		

Таблица 2 (диктор Д.)

	Тоны						
Примеры	1-15	2-и	3-й	4-1 4	5- ž t	6-A	
a [a:]	37,4	42,7	38,1	40,5	36,7	29,5	
am [am]	39,4	41,5	39,7	44,0	35,6	$\frac{30,8}{23,0}$ $\frac{7,8}{7,8}$	
a [a]	24,8	24,7	24,2	26,3	22,3		
m [m]	14,6	16,8	15,5	17,7	13,3		
ang [an]	40,7	39,1	36,6	39,3	37,2	$29,2 \\ 22,3 \\ 6,9$	
a [a]	26,5	25,8	25,9	27,7	25,3		
ng [n]	14,2	13,3	10,7	11,6	11,9		
ăm [ăm:]	32,7	39,5	35,1	38,4	34,5	27,3	
ă[ă]	16,4	17,5	19,3	17,8	16,5	17,6	
m [m:]	16,3	22,0	15,8	20,6	18,0	9,7	
ăng [ăŋ:]	30,7	36,3	32,8	36,4	34,3	21,7 $12,2$ $9,5$	
ă [ă]	42,2	12,7	13,7	13,1	12,2		
ng [ŋ:]	18,5	23,6	19,1	23,3	22,1		
<i>i</i> [i:]	36,6	40,4	36,2	40,7	36,3	23,4	
in [in]	33,7 19,5 14,2	37,4 21,8 16,6	34,1 20,2 13,9	40,2 20,5 19,7	34,2 20,5 13,7	$24,9 \\ 17,7 \\ 7,2$	
inh [ĭņ:]	37,5	39,9	33,3	37,9	30,1	21,0	
i [ĭ]	14,2	14,3	12,9	14,5	12,1	12,7	
nh [ņ:]	23,3	25,6	20,4	23,4	18,0	8,3	
âm [Xm:]	34,7	37,5	34,2	40,2	31,7	24,4 $13,7$ $10,7$	
â [X]	13,2	13,4	14,5	12,8	12,0		
m [m:]	21,5	24,1	19,7	27,4	19,7		

в противоположность звуку, имеет свою постоянную фонетическую характеристику: свою длительность и определенный тон, который связывает все элементы слога (кроме начального согласного) в единое целое.

Таблица З (ликтор Н.)

	Товы				
Примеры	5-R	6-й			
oat (yat]	45,8	47,8			
oa [ya]	22,2	21,6			
t	23,6	26,2			
uất [uặt)	43,8	41,4			
uấ [uặ]	12,2	13,2			
t	31,6	28,2			
at [at] a t	45,6 20,4 25,2	45,8 $21,2$ $24,6$			
oăt [yặt]	44,5	_			
oă [yặ]	13,7	_			
t	38,8				

Плительность конечного согласного при этом определяется еще и тоном: Уллинение или сокращение слога происходит в основном за счет второй его части, чаще всего конечного согласного, хотя может в некоторой мере сказываться и на длительности гласного (ср., к примеру, акцентируемые части слогов в тонах 4-м, 5-м, 6-м). Надо сказать, что слоги с конечными глухими не составляют исключения. Конечные согласные всегда имеют звонкую имплозию и озвонченные дервые моменты выдержки, причем именно на это время приходится характерный участок мелодики 6-го тона. Итак, различение разных типов конечных согласных (ибо глухая выдержка имплозивного согласного есть акустический нуль) и их восприятие обеспечиваются в акцентируемой части слога. Длительность же выдержки подчинена закону постоянства длительности слога (табл. 3).

Следовательно, слоги ta, tam, tam, tat, tat делятся не на части t+a+m, t+a+m, t+a+t, t+a+t, t+a+t, а могут быть разделены лишь на t+a, t+am, t+am, t+at, t+at. В то же время не может быть ни малейшего сомнения в том, что разные звуки вьетнамского языка играют словоразличительную роль. Совершенно очевидно, что различение слов ta «мы» и to «большой», tan «разрушаться», tan «имя» и tam «три» связано с разницей между a и o, a и a, a и a, a и a п a и a п

Именно с точки зрения словоразличительной функции вьетнамских звуков подходили к вопросу о фонеме во вьетнамском языке Ле Ван Ли, Эмено и Одрикур, основывая все свои рассуждения на парных противоположениях. При этом конечные согласные слогов отождествлялись с соответствующими начальными как их варианты. Как показывает экспериментальное исследование, такое отождествление неверно: начальные и конечные согласные играют разную роль в слоге с точки зрения их отношения к топу и к характеристике слога по длительности. Неудинительно поэтому, что сами вьетнамцы не отождествляют конечных и начальных согласных в таких словах, как mi'm, nan и т. п. При обучении грамоте приходится учитывать это обстоятельство и, выделяя начальный согласный, вторую часть слога представлять как некое целое (совершенно безразлично, записывается ли данная единица одной буквой или буквосочетанием) 1.

Звуковые различия второй части слога не являются самостоятельными и воспринимаются как признак слога. С этой точки зрения конечный со гласный должен оцениваться не как самостоятельная единица, а как особый способ завершения гласного. Действительно, и в литературном изыке, и в диалектах возможна, например, почти полная вокализация конечного носового, особенно после долгих гласных, но иногда и при кратких (что в значительной мере затрудняет чтение кимографических кривых). Краткие гласные потому и не употребляются в исходе слога, что сами по себе они не обеспечивают полноты фонетической характеристики слога.

¹ Эти сведения были мне любезно сообщены преподавателем вьетнамского языка в ЛГУ тов. Нгуен Тай Каном, которому, пользуясь случаем, приношу благодарность.

Таким образом, роль, которую играют отдельные звуки речи во вьетнамском языке, весьма своеобразна. Служа целям словоразличения, отдельный звук в то же время лишен автономпости и выступает как элемент слога (этому не противоречит то обстоятельство, что в частных случаях

слово-слог может состоять из одного звука: o «жить, пребывать e», y «мысль, мнение» и т. д.). Тем самым функция отдельного звука речи во выстнамском языке существенно отличается от функции звука речи (фонемы) в тех языках, на основе которых была создана фонематическая теория.

Для того чтобы выяснить причины такого различия в функциях, выполняемых отдельным звуком речи во вьетнамском и, например, русском языках, необходимо обратиться к вопросу о принципах выделения фонемы. Согласно принятому в структуральной лингвистике определению фонемы как словоразличительной единицы противоположения, для доказательства самостоятельности звука как фонемы достаточно найти пары квазиомонимов или независимые фонетические положения типа дам-дом-долтом. Такая методика наталкивается, однако, на серьезные затруднения, когда речь идет о фонологической интерпретации сложных звуков, например дифтонгов или аффрикат, где возможно провести фонетическую границу между элементами и, следовательно, рассматривать, например, немецкие или английские [аі, ац] как сочетание двух фонем. Для решения вопроса об интерпретации таких звуковых единиц приходится прибегать к другой методике¹, в чем есть известная непоследовательность; собственно же фонологическое (структуральное) рассмотрение оставляет вопрос открытым². Между тем монофонематичность немецких дифтонгов является общепризнанным фактом.

Совершенно иначе ставится вопрос о выделении фонемы Л. В. Щербой. С его точки зрения, изложенной уже в «Русских гласных», основание для фонетического членения заложено в морфологии: «элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так, l в словах nun, бил, выл, ∂ana ассоциировано с представлением прошедшего времени, a в словах корова, $co\partial a$ ассоциировапо с представлением субъекта, u в словах корову, $eo\partial y$ — с представлением объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность»³. Идеи Л. В. Щербы развиты Л. Р. Зиндером. Важнейшим условием для выделения фонемы как некоей мингвистической категории является возможность найти проходящую между звуками морфологическую границу. Возможность провести эту границу перед а в словах оса, вата, после а в словах стоять, слышать позволяет нам разделить и слово $ca\partial$, где $\{s, a, t\}$ не наделены самостоятельным смыслом. Благодаря этому звуки речи получают автономность, создавая особую лингвистическую категорию — фонему, отличную от морфемы4.

Применение этих идей Л. В. Щербы к материалу китайского языка позволило Е. Д. Полинанову и А. А. Драгунову отрицать существование фонемы в этом языке. Причины своеобразного положения звуков речи во вьетнамском следует искать в особенностях его морфологического строя. Вьетнамский язык принадлежит к языкам слогового строя, где, как это принято считать, границы морфемы, слова и слога совпадают. Пранда, во вьетнамском возможны своего рода чередования гласных в удвоениях, например: mům mím «улыбаться» (mím «улыбаться»); тот мет «беззубый на вид» (тот «беззубый»); сот ket «скрицсть, по-

¹ Cm. N. S. Trubetzkoy, Grundzügeder Phonologie, TCLP, 7, 1939, стр. 50. 2 Критические замечания к вышеуказанной работе Н. С. Трубецкого см.: А Магtinet, Un ou deux phonèmes?, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhague, 1939. 3 Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 6—7. 4 См. Л. Р. 3 и и дер, Общая фонетика. Докт. диссерт., [Л.], 1954, стр. 60—67.

скринывать» (ket «скринеть»). Возможны также чередования конечных согласных: ken ket «скринеть»; hem hep «узковатый» (hep «узкий»); bo'n bo't «слегка уменьшать» (bo't «уменьшать»).

На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с явлением, близким к внутренней флексии, однако в действительности это пе так. Сущность внутренней флексии заключается в семантизации данного чередования. Во вьетнамском же важно не наличие чередования, а удвоение корня. В тех типах удвоений, о которых идет речь, заковомерно соотносятся гласные того же подъема, но противоположного ряда: i-u, e-d, e-d, или же согласные неносовые и носовые, образованные одним и тем же действующим органом: p-m, t-n и т. д. Семантизованным оказывается удвоение в целом, а не тот или иной его фонстический тип и не та или иная часть повторяемого слога.

Единственным особым тином полуповторов, в структуре которого можно усмотреть определенное семантическое соотношение, являются образонания на -iêc, имеющие собирательно-уничижительное значение: khách khiēc «всякого рода гости, "гостьё"», vò' viēc «всякого рода тетради» и т. п.². То обстоятельство, что-iêc выступает в роли своеобразного показателя, позволяет отделить начальный согласный слога, который в фонетическом отношении противостоит всей остальной части слога как нетопируемый и независимый от соседних звуков.

О делимости вьетнамского слога на две части — начальный согласный и остальную часть — свидетельствуют и факты арготического словообразования; например, сложное слово ninh than «придворный, льстец» может в арго превратиться в nan thinh в результате перестановки акцентируемых частей слога или же в nan quinh than quan в результате аналогичной перестановки с использованием добавочного слога quan 3.

Итак, характер морфологии вьетнамского языка подтверждает выделение фонетических единиц двух родов: 1) начальных согласных и 2) всей остальной части слога, которая может включать от 1 до 3 звуков, но не делится на семантизованные единицы, соответствующие 1 звуку.

Некоторую сложность с морфологической точки зрения представляет вопрос о неслоговом [u], которое может стоять в нозиции перед слогообразующим гласным, например в слоге quan [kuan]. При образовании от такого слова удвоений на -iêc морфологическая граница может проходить как до [u], так и после него; ср. chuyên chiệc и chuyên chuyêc «россказни», причем для современного языка чаще случаи второго рода. Исходя из этого, следовало бы относить этот полугласный к характеристике согласного и говорить о лабиализованных согласных во вьетнамском языке, как это делает Ле Ван Ли. Действительно, наличие [u] не влияет на длительность гласной части слога, даже если там наблюдаются краткие гласные (см. табл. 3). Кро е того, [u] не встречается перед губными гласными заднего ряда, лабиализующими согласный.

Такому толкованию, однако, мешают два обстоятельства. Во-первых, как уже указывалось выше, в образованиях на -iêc морфологическая грапица может проходить перед [u], и, следовательно, [u] присоединяется к акцентируемой части слога. Во-вторых, этот неслоговой звук возможен и в словах без начального согласного: uê [ue⁵] «грязный», oanh [uăn 1] «иволга» и т. д. Таким образом, [u] нельзя рассматривать как характеристику начального согласного; этот звук является скорее признаком слога в целом, чем той или иной его части.

Что касается тона, то его следует рассматривать как особую фонстическую единицу. Основанием для этого является также не просто

Отипах удвоения во въетнамском см.: М. В. Е m е n е a u, указ. соч, стр. 159.
 См. об этом: Lê Vân Ly, указ. соч., стр. 137.

³ Nguyễn văn Tô, L'argot annamite de Hanoi, «Études asiatiques», t. II, 1925, crp. 172.

ассоциативный анализ (например, сравнение таких рядов, как ta [ta¹] «мы», $t\hat{a}$ [ta²] «косой», $t\hat{a}$ [ta⁴] «левый» и т. д.), а морфологические отношения. При образонании удвоений имеют место определенные типы соотношения тонов: 1-й, 4-й, 5-й тоны в удваиваемом корне соотносятся с 1-м или 5-м, 2-й, 3-й, 6-й тоны — со 2-м или 6-м¹. Что это соотношение не обусловлено механически, видно из возможности любых сочетаний тонов в сложных словах, образуемых путем словосложения. В плане чисто фонетическом независимость тона от конкретных звуков проявляется в том, что его мелодический рисунок и длительность не связаны с звуковым составом слога.

Таким образом, можно сказать, что во вьетнамском изыке существуют словоразличительные звуковые противоположения разных уровней автономности: с одной стороны, противоположения начальных согласных, независимых от последующего звука и отделимых как морфологически (в образованиях на -iêc), так и фонетически (своим неучастием в противоположении по тонам и длительности) от остальной части слога, и, с другой стороны, противоположения звуков акцентируемой части слога, взаимосвязанных фонетически (длительностью и тоном) и неделимых морфологически. Таково же, очевидно, положение в китайском и других языках аналогичного типа ². Фонетическая структура вьетнамского как языка слогового строя представляется поэтому принципиально отличной от фонетической структуры флективных и агглютинативных языков, на материале которых была создана теория фонемы.

Использование традиционного определения фонемы как смысло-(или слово-) различительного звукового типа скрывает принципиальное различие фонологических отношений в языках разного строя и, в частности, мешает выявить специфику фонологических отношений во вьетнамском языке. В то же время и термин «слогофонема», предложенный Драгуновым, неточен, так как начальный согласный представляет собой самостоятельную фонетическую единицу, хотя и не образует слога.

Имея в виду установившееся употребление термина «фонсма» прежде всего по отношению к флективным языкам, для языков слогового строя следовало бы отказаться от этого термина и обозначать отдельные звуки в них, например, только по их роли в слоге: инициали (начальные согласные), медиали, или предтонали (промежуточные неслоговые гласные), тонали (слогообразующие гласные), финали (конечные согласные).

При этом следует иметь в виду, что в структурном отношении ближе всего к фонемам флективных языков стоят согласные инициали как единицы, фонетически наиболее автономные и морфологически вычленимые (хотя, очевидно, и не семантизуемые). Как инициали, так и звуки акцентируемой части слога обладают некоторой нариабельностью — количественной и качественной; однако все их варианты объединяются, защимая одно и то же место в звуковой системе въстнамского языка (это видно из примеров удвоения, а также закономерностей строения слога).

Можно, разумеется, принять термин «фонема», подразумевая под ним звуковой тип со словоразличительной функцией; тогда этот термин подойдет и к отдельным звукам языков слогового строя (хотя при этом неизбежно возникнут некоторые затруднения, например, при трактовке промежуточного [ц]). Но в таком случае придется, сохраняя термин «фонема» как родовой, предложить какие-то новые, более узкие термины для фонем, несущих разную нагрузку и играющих разную роль в языке.

¹ См об этом: М. В. Е m е n е a u, указ. соч., стр. 161.

² Это подтверждает, в частности, традиционное деление китайского слога на две части: начальный согласный и окончание, с которым связывается и тон. Выяснение фонетических отношений элементов китайского слога требует специального изучения.

⁸ Из приведенных терминов часть традиционно используется в китаеведении, другие применены к вьетнамскому языку в работах И. Д. Андреева.

А. Н. БАСКАКОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЧАСТИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Причастия в турецком, как и в других изыках, представляют собой производную форму глагола, которая выражает динамический или процессуальный признак предмета. Являясь функциональной формой глагола, турецкие причастия помимо семантики действия и времени обладают такими глагольными категориями, как залог и наклонение. В общей системе производных форм глагола, куда помимо причастий входят «имена действия» (или, согласно турецкой грамматической терминологии, масдары) и деепричастия, причастия представляют собой адъективные формы глагола. Обычно к причастиям в турецком языке относят формы на -(y)an, -ar, -mis и -(y)acak.

Ввиду существующего в современной тюркологической литературе различия во взглядах на категорию причастий границы причастий в общей группе производных глагольных форм до настоящего времени окончательно не определены. Так, например, формы на -dik и -(y)acak некоторыми исследователями рассматриваются как имена действия. В данной статье делается попытка отграничить причастные формы в турецком языке от других производных глагольных форм и рассмотреть специфические свойства причастий.

По-разному определяя причастие, исследователи тюркских языков в большинстве случаев признают наличие в тюркских языках причастия как морфологической категории ¹.

В тюркологии можно наметить два основных типа классификации причастий: по признаку грамматической семантики и функциональному признаку. Среди классификаций причастий в турецком языке по грамматическому принципу отметим классификацию Ю. Немета, который разделяет все причастия на перфектные, имперфектные и «ипстаптные». К первым автор относит формы на -mis, -dik, ко вторым —на -(i)yor, -ar, -(y)an, к третьим — на -(y)acak. Перфектные причастия Ю. Немет подразделяет на определенные (-dik) и неопределенные (-mis)2. Т. Бангуоглу разделяет причастия в турецком языке на три группы: 1) причастия прошедшего времени (mazi partisipleri) на -*mis. -dik;* 2) причастия настоящего времени (hal partisipleri) на -ir(-er), -en, -ici; 3) причастия будущего времени (istikhal partisipleri) на -ecek3. Ж. Дени, рассматривая причастия по функциональным признакам, относит их к адъективной группе неличных форм глаголов⁴. Однако некоторые причастные формы [как, папример, на -dik и $-(u)aca\kappa$] оказываются отнесенными и к адъективной группе 5 , и к субстантивной группе, в которую входят масдары⁶.

Таким образом, в указанных схемах дифференциация причастий в турецком языке проведена лишь по отдельным их признакам. Нам кажется, что более четкая классификация причастий осуществима лишь при одно-

¹ См., например: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 189; Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 141.

crp. 141.

2 J. Németh, Türkische Grammatik, Berlin und Leipzig, 1916, crp. 90.

³ T. Bangueğlu, Ana hatlariyle türk grameri, Istanbul, 1940, crp. 46.

J. Den y, Türk dili grameri (osmanlı lehçesi), Istanbul, 1941, стр. 432.
 Там же, стр. 433.

⁶ Там же, стр. 425.

временном учете как признаков грамматической семантики, так и функциональных признаков.

Помимо отмеченных четырех форм на -(y)an, -ar, -mis и -(y)acak, которые почти единодушно признаются причастиями, следует отметить еще ряд форм, в той или иной степени связанных семантически с перечисленными выше. Форма на -dik, относимая обычно к группе субстаптивных форм глагода, к именам действия, представляет собой в действительности причастие, так как, во-первых, обладает значением времени, хотя и не выраженным четко (тяготест к прошедшему времени), во-вторых, выступая в функции определения, не обусловливает оформления определяемого аффиксом принадлежности 3-го лица.

Указанная форма причастия прошедшего времени функционировала в древнетюркских языках как основа прошедшего времени, соответствуя прошедшему категорическому времени в современном турецком языке. На это имеются указания Махмуда Кашгарского, который привел ряд примеров, свидетельствующих о том, что некоторые тюркские племена употребляли форму на -dik не только в функции определения, но и в качестве спрягаемой основы прошедшего времени, причем категория лица выражалась не аффиксом лица, а личным местоимением, стоявшим перед глагольной формой. Например: men ya kurduk = ben yay kurdum «я натянул лук», o ya kurduk = o yay киrdu «оң натянул лук»¹. Ср. также: Анта кісрй інісі йчісін тає кылынмадук йрінч, облы каңыын тає кылынмадук арінч... «После того как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам...» 2; Uluy äb örtänmi š, qatyna tägi qalmaduq «Большой дом, говорят, сгорел. Не осталось даже основания»³.

В современиом турецком языке причастие на -dik уже не выступает в качестве спрягаемой формы глагола, а употребляется главным образом в субстантивированном виде, образуя различного рода обороты. Тем не менее нам кажется, что форму на -dik, как и форму на -(y)acak, не следует относить к группе масдаров, потому что, во-первых, указанные формы исторически бесспорно являются причастными, во-вторых, до настоящего времени сохранили такие характерные причастные признаки, как временпое значение, отсутствие согласования с определяемым. Сходство же синтаксических функций форм на -dik, -(y)acak и масдаров еще не доказывает их морфологического родства.

Существующие в современном турецком языке формы на -(1) yor и -di принято считать временными основами, что в синхронном плане представляется справедливым. Однако следует помнить, что обе эти формы — причастные по своему происхождению. Так, форма на -(1)*уог*, являющаяся в современном турецком языке основой настоящего времени, исторически восходит к причастной форме на $-ar^4$. Что касается формы на -di, то она исторически также являдась причастием и выступала в качестве определеиия 5 , в современном же турецком форма на -di утратила бо́льшую часть причастных свойств и выступает только как основа прошедшего времени.

Итак, в современном турецком языке можно выделить, кроме указанных четырех причастных форм на -(y)an, -ar, -mis, -(y)acak, еще и форму на -dik. Формы на -(i)yor и -di могут быть отнесены к группе причастий услов-

 $^{^1}$ {Mahmut Kaşgar \bar{i}], Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, cilt. II, Ankara, 1940, стр. 60—63. 2 С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследова-

ния, М.—Л., 1951, стр. 29 (5), 36.

^{*} Там же, стр. 81 (14), 86.

* См. Г. И. Рам стедт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 85; А. П. Поцелуевский, К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы, Ашхабад, 1948, стр. 24; А. Zajączkowski, Studia nad językiem staroosmańskim, I. Kraków, 1934, стр. 171.

 $^{^5}$ См. Н. А. Баскаков, Причастие на $-\partial \omega / -m \omega$ в тюркских языках, «Труды Моск. ин-та востоковедения», вып. 6, 1951, стр. 207-217.

но, только в плане их исторического развития — в качестве имсющих причастное происхождение и сохранивших только такие общие причастные свойства, как значение времени и, следовательно, способность выступать в качестве спрягаемых временных основ.

Для того чтобы более четко разграничить причастия в турецком языке. будем проводить классификацию по грамматико-семантическим и функциональным признакам. В плане грамматической семантики причастия в турецком языке можно представить в следующей схеме:

Причастия настоящего времени	-ar, [-(1)yor]1
Причастия прошедшего времени	-mış, [-dı]
Гричастия будущего временя	-(y)acak
Причастия со значением как прошедшего, так и на- оящего времени	-(y)an, -dik

В этой схеме, где причастия классифицируются по своему временному значению, обращают на собя внимание причастия на $-(y)an^2$ и -dik, которые могут выражать в зависимости от контекста или прошедшее или на-

стоящее время.

См. причастие на -(y) an в значении прошедшего времени: Випи уарап, biraz evvel benimle beraber gülen, кезкіп kara gözlü genç kadındı3 «Сделавшая это была молодая женщина с бойкими черными глазамя, еще недавно смеявшаяся вместе со мной»; Usulca sokak kapisina yaklasan Mehmet, tahtaların aralıgından disarıya baktı «Мехмед, тихонько приблизившийся к двери на улицу, посмотрел наружу через щель в досках». В приведенных примерах причастные формы *уарап, gülen и yaklaşan* обладают, бесспорно, семантикой прошедшего времени, что обусловливается не только логическим смыслом контекста, но имеет и свое формальное выражение (существительное kadin + вспомогательный глагол imek в прошедшем времени в первом примере и прошедшее время глагола bakmak во втором примере). В пекоторых случаях причастие на -(y) ап имеет значение настоящего времени, например: Et girmiyen yemekte tat olur mu?5 «Разве может быть вкус в пище, не содержащей мяса?». В этом примере семантика настоящего времени причастия на -(*y*)*ап* обусловлена настоящим-будущим временем сказуемого. Можно встретить также и случаи, когда трудно точно установить, каким временным значением обладает причастис на (-y)an, например:...fes yerini tutan kasketler, hiç sevmiyorum^e «Я не люблю фуражек, запявших (занимающих) место фесок». Представляется, таким образом, доусловно определять временное значение причастия -(у)ап по времени сказуемого с учетом общего значения всего предложения.

Причастие на $-d\iota k$, так же как и причастие на -(y)an,может иметь значение как прошедшего, так и настоящого времени в случае, если сказуемое стоит в пастоящем времени. Например: Okuduğum kitap interesandır «Книга, которую я читал (читаю), интересная»; Isi olmadiği günler, saatlerce sokaklari

Формы, взятые в квадратные скобки, включены в схему условно.

² Причастие на -(y)an восходит к существующему и поныне во многих тюркских языках причастию прошедшего времени на -gan (см : Γ И Γ а м с τ е д τ , указ соч , стр 135; С Н И в а н о в, Синтаксические функция формы на -ган в современном узбекском питературном языне Канд диссерт, Л., 1957)

* Reşat Nuri, Çalıkuşu, Solya, 1956, стр 117.

* Ziya Yamaç, Mehmet, Sofya, 1956, стр 12

* Sababattin Ali, Hikâyeler, Sofya, 1954, стр. 168.

* «Türk hikâyeleri», Sofya, 1956, стр 39.

dolaşıyor...¹ «В те дни, когда у него иет работы, он часами бродит по улицам». В тех случаях, когда сказуемое находится в прошедшем времени, причастие на -dik чаще всего имеет значение прошедшего времени. Например: Dolaşmadik yer kalmadı «Обошел все места» (буквально: «не оставил необойденного места»).

Причастия в турецком языке помимо значения времени (настоящего пропедшего и будущего) обладают и модальными оттенками; причастие на -ar обозначает обычный, постоянный характер действия или признака, причастие на -(y)acak — долженствование или потенциальную возможность.

В функциональном влане все причастия в турецком языке можно представить в виде следующей схемы:

Причастия, выступающие как в функции определения, так и в функции сказуемого (временцые основы)	-ar, -mış, -(y)acak
Причастия, выступающие только в функции определения	-(y)an, -dık
Причастия, выступающие только в функции сказуемого (временные основы) ²	-(1)yor, -di

Таким образом, основными функциями причастий в турецком языке следует признать функцию определительную (определение к подлежащему или дополнению) и функцию сказуемого. В функции определения причастия, в отличие от имен действия (масдаров), не требуют от определяемого оформления аффиксом принадлежности; это свойство причастий обусловливается их семантикой — выражением динамического признака предме та. В этом отношении причастия соотносимы с именами прилагательными. Временная семантика причастий обусловливает их способность выступать в качестве временных основ спрягаемых форм глагола (verbum tinitum). К числу причастий, выполняющих эти основные функции, можно отнести формы на -ar, -тих и -(y)acak.

Некоторые причастия $\{\text{на} - (y)an\ u\ -dik}\}$ в настоящее время утратили четкое временное значение, в силу чего не могут выступать в качестве спрягаемых временных основ, сохраняя лишь атрибутивную функцию.

Наконец, «причастия» на -(1)yor, -d1, которые можно считать причастиями лишь условно, учитывая их происхождение, утратили в настоящее время свое основное свойство — выражать динамический признак предмета и, обладая конкретной временной семантикой, выступают в качестве временных основ. Таким образом, хотя эти формы и являлись исторически причастиями, в настоящее время их связь с системой причастий условна и осуществляется только благодаря паличию в них категории времени.

В этой связи следует отметить, что в турецком языке в качестве временных основ могут выступать только причастные формы, ибо только эти формы глагола обладают временной семантикой³.

Причастия в отличие, с одной стороны, от масдаров, являющихся субстантивными глагольными формами, и, с другой стороны, от деепричастий, являющихся адвербиальными формами глагола, представляют собой атрибутивные формы глагола, которые в предложении могут быть также и сказуемым. В зависимости от выполняемых ими в предложении функций причастия могут быть в предложении подлежащим и дополнением, могут субстантивироваться (и в том числе употребляться для наименования

¹ «Türk hikâyeleri», стр. 89.

² Эта группа в схему классификации современных причастий включена условно ³ Ввиду этого форма на -makta, выступающая как основа настоящего или прошедшего «длительного» премени, не может быть признана времениой основой, так как в нел не заключена идея времени (ср. также формы наклонений — -mali, -sa, -a).

действующего лица); например *Çok söyleyen çok yanılır* «Кто много говорит, тот много ошибается». Из всех причастий наиболее часто подвергаются субстантивации причастия на -dık и -(y)acak, что и позволило некото-

рым исследователям считать эти формы масдарами.

Действительно, в функциональном отношении можно наблюдать некоторое сходство в употреблении форм на -dik и -(y)acak, с одной стороны, и масдарных форм — с другой. Дело в том, что характерным свойством причастий на -dik и -(y)acak является также их способность выступать в качестве основного члена различного рода подчинительных конструкций или оборотов, например: Başının agırdığını, içinin bulandığını hissediyordu¹ «Он испытывал головную боль и тошноту»; Mehmet ne yapacagını kararlaştıramıyordu² «Мехмед не мог решить, что ему предпринять».

Являясь в таком обороте основным, определяемым членом, причастия на -dik или -(y)acak субстантивируются, приобретая при этом особое значение, указывающее на процесс совершения действия определенным действующим лицом. Подобная субстантивация грамматически оформляется чаще при помощи аффиксов принадлежности, падежей и мн. числа.

Причастия, как и другие производные формы глагола — масдары и деепричастия, способны управлять именами, образуя при этом в турецком предложении особые конструкции, которые определяются в грамматиках как «развернутые, или распространенные члены предложения». Эти конструкции, напоминающие в семантическом отношении придаточные предложения, на самом деле являются не предложениями (предикативными словосочетаниями), а оборотами (атрибутивными словосочетаниями)³. Формально причастные обороты весьма напоминают масдарные обороты (в них можно, так же как и в масдарных оборотах, выделить «логический субъект» и «логический предикат»; как в тех, так и в других наличествует изафетная связь). Изафетная связь в причастных оборотах может быть различного типа. Как правило, имеет место полная изафетная связь (определение оформляется аффиксом родительного падежа, определяемое — аффиксом принадлежности). Однако в ряде случаев определение — «логический субъект» не оформляется аффиксом родительного падежа. Обычно это бывает, когда «логический субъект» оборота является одновременно субъектом предложения 4.

Все причастия, способные образовывать обороты, можно приблизительно подразделить на две группы: 1) причастия на -dik и -(y)acak как наиболее продуктивные выступают в качестве форм, образующих причастные обороты, которые могут выражать любой член предложения. Эти формы, таким образом, наиболее часто подвергаются субстантивации; 2) причастия на -(y)an, -miş, -ar, менее продуктивные, выступают в предложении

главным образом в функции определения.

Следует отличать причастные обороты от простых причастий в функции определения или другого члена предложения. Различие это заключается в том, что в причастных оборотах имеются управляемые причастием подчиненные члены, которые в большинстве своем не зависят от других членов предложения. Таким образом, причастный оборот в данном случае может быть соотнесен с придаточным предложением, которое зависит от главного предложения в целом, имея свою собственную внутреннюю связь.

² Там же, стр. 89.

⁴ Р. Годель отмечает также отсутствие родительного падежа в случаях, когда глагол («логический предикат») стоит в пассивной форме или выражает значение «существования»; например: глагол olmak «быть», bulunmax «находиться» и т. д. (см. R. G o d e l,

Grammaire turque, Genève, 1945, crp. 148).

¹ Z i y a Y a m a ç, указ. соч., стр. 20.

³ См. об этом: К. G г о n b e c h, Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936, стр. 85. Автор, рассматривая предикативные и атрябутивные именные группы (Prädikative und attributive Nominalgruppe), отмечает, что второй компонент, который заключает в себе всегда основу высказывания, имеет при себе «субъект» (Agens) действия, выступающий в качестве определения.

4 Р. Годель отмечает также отсутствие родительного падежа в случаях, когда гла-

из истории языкознания

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЕ

(К 30-летию со дня смерти)

Круг научных интересов И. А. Бодуэна де Куртене столь широк, что охватить все вопросы, поставленные языковелческие в его работах, не представляется возможным. Как говорил Л. В. Щерба «общие вопросы языкознания были главным его интересом и составляли если не всегда непосредственный предмет, то всегда внутреинюю подкладку и смысл всех его научных выступлений и всей его преподавательдеятельности» 1. Это вынуждает нас ограничиться в настоящей статье более или менее подроблым изложением и оценкой лишь некоторых сторон общеязыковедческой концепции Бодуэна, а именно того, что приобретает особый интерес в свете тенденций современного изыковедения.

Кроме того, неполнота и некоторая односторонность статьи в значительной мере объясняются ограниченностью доступных нам источников. Как известно, богатейший архив Бодуэна, где, в частности, находились его материалы по общему языкознанию, сохранился очень плохо. Погибла значительная часть петроградского архива, а его остатки и часть варшанского архива, перешедшие к М. Фасмеру, сгорели во время войны вместе с личным архивом последнего. Таким образом, мы располагаем лишь очепь немногочисленными ру-кописями, сосредоточенными в основном в «бодуэновском» фонде Архива АН СССР 2. печатиых касается разнообразным, разбросаны по 3a4aразоросаны по разноооразным, стую редчайшим изданиям и с трудом поддаются учету 3; единственной более или менее полной коллекцией их является «Бодуэниана» Л. В. Щербы, выне принадлежащая Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ⁴.

Трудно передать более сжато и в то же время более верно сущность возгрсний Бодуэна на язык, чем это сделал он сам, сказав, что «язык — не замкнутый в себе организм, не неприкосновенный идом, но орудие и деятельность» (Zur Kritik, 394 в).

4 Пользуемся случаем, чтобы выразить глубокую благодарность проф. М. И. Матусевич, предоставившей в наше распоряжение это уникальное собрание, а также Л. Е. Бокаревой за помощь, оказакную при подготовке материалов для настоящей статьи.

5 В тексте статьи нами припяты следуюпазваний шие сокращения отдельных работ Бодуэна: Вв. в яз.— «Введение в языковедение» (литографир. курс), 4-е изд., СПб., 1914; Венг.— «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», под ред. С. А. Венгерова, т. V, СПб., 1897 (см. автобиографическую заметку: «Бодуэн де Куртене»); Лингв. зам.— «Лингвистические заметки и афоризмы. По поводу новейших лингвистич. трудов В. А. Богородицкого», ЖМНП, 1903, май; Нек. общ. зам.— «Пекоторые общие замечания о языковедении и языке», ЖМПП, 1871, февраль; Нек. отд.— «Некоторые отделы сравнительной грамматики сда-вянских языков», РФВ, т. V, № 2, 1881; Прогр.— «Подробная программа лекций... в 1877—1878 уч. г.», Казань — Варшава, 1881; Челов.— «Об одной из сторон постепенного человечения языка в области произношения в связи с антропологией». «Ежегодник Русси. антропологич. об-ва при СПб. ун-те», пып. 1, 1905; Язык — Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81 (см. ст. «Язык и языки»); Klass.— «Die Klassifikation der Sprachen», IF, Bd. XXVI, Anzeiger, 1910, Les lois - «Les lois phonétiques», «Rocznik sławisticzny», t. 111, «O psychicz-językowych», VI, 1903; O psych. podst.—«O 1910; nych podstawach zjawisk «Przeglad filozoficzny», t. zwiazku — «O związku wyobrazeń fonety-cznych z wyobrazeniami morfologicznemi i semazyologicznemi», «Sprawozdania z po-siedzeń Tow-wa nauk Warsz.», t. I, 1908; Próba - «Próba samoistnosti zjawisk psychicznych na podstawie faktów języko-

¹ Архив АН СССР, фонд 770, опись 1, № 14, стр. 8.

² Сюда входят материалы, сдалные на храпение самим Бодуэном в началс XX в. ³ См. St. Szober, Bibliografia prac naukowych prof. J. Baudouina de Courtenay, «Prace filologiczne», t. XV, zesz. I, 1930. Нами совместно с Л. Е. Бокаревой подготовлен более полный библиографический список печатных работ Бодуэна, который вамечен к опубликовалию в сб. «Вопросы славянского языковнания» (вып. 5).

Мы, однако, обратим винмание лишь на то, что в этом определении отразилось противопоставление двух аспектов речевой деятельности, которое нозже появилось спова в работах нашего времени—сначала в соссюровской антиномии я з ы кре ч ь, а потом — в математической теории коммуникации в форме коррелятивных пояятий к о д—с о о б щ е и и е. Еще в 1871 г. Бодуэн обращал внимание на кразличие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий... от языка как беспрерывно пояторяющегося процесса» (Пек. общ. зам., 315).

По Бодуэну, «следует рассматривать как реальную величину не "язык", абстратированный от людей, но человека как носителн языкового мышления» (Klass. 55). «Реально существует только индивидуальный язык как совокупность произносительных и слуховых представлений, соединенных с другими лингвистическими и нелингвистическими представлениями» (Les lois, 62). Что же касается языка племенного вли национального, то для Бодуэна он как целое... существует только в идеале» (S. J., 36), представляя собою фикцию.

Приведенные положения неоднократно являлись поводом для обвинения Бодуана во всех философских «грехах» вплоть до идеализма¹. Между тем субъективного думается, что Л. В. Щерба был прав, когда говорил, что «психологизм Бодуэна воявляется философской нe основой его лицгвистического мировоззрения»²; позиция ученого, для которого сорганический мир есть conditio sine qua поп для существования исихического и социального мира, или, скорее, единого психо-социального мира», а «психический мир не может развиваться без мира соци-

wych», «Hozprawy Wydz. filolog. Ak. Um. w Krakowie», t. XL, 1904; S. J.— «Szkice jezykoznawcze», t. I, Warszawa, 1904; Übersicht— «Übersicht der slawischen Sprachenwelt», Leipzig, 1884; Verm— «Vermenschlichung der Sprache», Hamburg, 1893; WE— «Wiełka encyklopedia polska», t. 22, Warszawa, 1899 (см. ст. «Fonologia»); Zagadnienia— «Zagadnienia pokrewieństwa językowego», BPTJ, zesz. II, 1930; Zar. hist. jęz.— «Zarys historji językoznawstwa czyli lingwistyki», «Poradnik dła samouków», Ser. III, t. II, zesz. II, Warszawa, 1909; Zar. hist. jęz. pol.— «Zarys historji języka polskiego», Warszawa, 1922; Zur Kritik— «Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen», «Annalen der Natur philosophie», Bd. VI, Leipzig, 1907. Арабские цифры в скобках указывают на странящы.

¹ Здесь многие лигвинисты выступают «единым фронтом». См., например: Я. В. Лоя, Против субъективного идеализма в языковедении, сб. «Языковедение

лизма в языковедении, сб. «Языковедение и материализм», І, Л., 1929.

² Л. В. Щерба, Бодуэн де Куртене (некролог), ИОРЯС, т. 111. км. 1, 1930, стр. 315

ального» (Les lois, 60), лишь с большой натяжкой может быть охарактеризована как идеалистическая. Болес того, можно согласиться с Бодуэном, что индивидуальное существование языка реально; именно такую точку зрения отстанвают, например, представители пражской лингвистической изколы³. По признание реальности индивидуальной языковой системы, отсутствия в языке «непосредственной протяженности во времени и пространстве» (O psych. podst., 157) и непосредственной причинной связи не мещает тому, что «в понятин... в абстракции приписать языку длительность» (S. J., 152; разрядка паша— А. Л.). Недостат-ком общеязыковедческой концепции Бодуэна было то, что он не сделал с оз н ательно этого второго шага, не поднялся на более высокий уровень абстракции, что объясняется не идсалистичностью, а на и вматериалистичностью его философских взглядов. Впрочем, если он и призывал искать причинную связь изыковых ивлений в «индивидуально-исихических центрах отдельных людей», то самих этих людей рассматривал «как членов известным образом оязыковленного общества» (Челов., 275); поэтому Бодуэн вынужден был обращаться к объективноязыковым явлениям и в практике лингвистического исследования постоянко оперировал категориями, правомерность которых в исходных теоретических определенияк отрицал.

Поясним нашу мысль. Как и большинство других ученых, стоявших на позициях стихийного материализма, Бодуэн имел перед собой альтернативу: или признать реальность языка лишь в его индивидуальных проявлениях, в его материальном психо-физиологическом субстрате, становись тем самым на безусловно материалистическую, хотя и ограниченную, точку зрения; или, наоборот, взять за основу абстрактно-социальный аспект языка, что означало для пего отказ от признания реальности индивидуальных проявлений языковой деятельности и тем самым цереход на позвщии объективного идеанизма. Естественно, что, не владея диалектическим методом марксистского философского материализма, для которого такой альтернативы, как известно, не существует, Бодуэн предпочел первый путь.

Помимо индивидуально-психического, язык имеет и «коллективно-индивидуальное», или «собирательно-психическое», существование. Употребляя эти выражения,

Бодуэн имеет в виду общиость, одинаковость психических особенностей у различных индивидов. Эта одинаковость, по его мнению, не случайна. Наоборот, Бодуэн специально подчеркивает нераздельность в языке индивидуального и общего: «то,

что является индивидуальным, является

⁹ См. «Материалы к IV Международному съезду славистов», ВЯ, 1958, № 2, стр. 42.

одновременио и общим, общечеловоческим. Простейшие элементы индивидуального развития повторяются у всех людей» (S. J., 29). Интересно, что ту же мысль он повторил в одной из последних работ, рассматривая «элемент общечеловеческий и одновременно индивидуальный» (Zar. hist. jez. pol., 152). У казанное единство общего и индивидуального не исчерпывается единством физиологического, или, как говорил Бодуэн, «антропологического», субстрата языковых явлений : наряду с антропологическим аспектом мы, по Бодуэну, должны различать «социальный аспект человеческих индивидов..., обладающих речевой способнестью вообще и входящих в определенную лингвистическую общность в частпости» (Les lois, 64).

В отличие от антропологических свойств, передающихся по наследству, язык усваивается индивидом как компонент и как форма социально-исторического опыта человечества². «Все множество представлений вообще и произносительных и слуховых в частности, связанных и ассоциированных между собой, все множество рецептивных и исполнительных навыков передается путем языкового общения от одного индивида к другому, от одного поколении к другому, от одной этпической группы к другой, от одной нации к другой» (Les lois, 73); таким образом, «индивид может языково в вообще духовно развиваться только в обществе» (S. J., 51), а путем наследования он «получает только потенциальную возможность или способность овладения языком» (Zar. hist. iez., 89). Поражает, что Бодуэп рассматривает усвоение языка как процесс активный, а сам язык — как «одну из функций человеческого организма в самом общирном смысле этого слова» (Нек. общ. зам., 315), в то время как даже Ф. де Соссюр не смог подняться выше младограмматического представления об индивидуальном «языкс» как «экземпляре словаря» п, напротив, утверждал, что «язык не есть функция говорящего субъекта, он — продукт, пассивно регистрируемый индивидом»³.

Отношение между индивидуальным наыком и языком племенным (национальным) Бодуэн, по-видимому, представлял себе по-разному в разные периоды своей деятельности. У него встречаются утверждения, под которыми подписался бы любой младограмматик: «Основной частью пде-

¹ Именно такую концепцию находим у младограмматиков (см. хотя бы: H. P a u I, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5-e Aufl., Halle, 1937).

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 38. ального образа илеменного языка могут быть только средние случайные соединении индивидуальных языков людей, принадлежащих к данному племени» (S. J., 36). Однако уже в 1901 г. Бодуэн как будто отказывается от понимания племенного языка как случайного соединения индивидуальных языков, указывая, что «обобщение отдельных изменений (в индивидуальных языках.— A. J.) открывает определенные постоянные направления изменений и определенную взаимозависимость, напоминающую отчасти функциональную зависимость высшей математики» (S. J., 9). А в работе 1910 г. он резко критикует младограмматиков за смешение идем индивидуального языка и идеи «сред-

него языка» (langue moyenne). Что в данном случае имеет в виду Бодуэн под «средним языком» и почему он придает такое значение различению «среднего языка» и языка индивидуального? Чтобы отвстить на эти вопросы, сделаем экскурс в проблему детской речи, занимающую в работах Бодуэна далеко не последнее место. «Ребенок не повторяет вовсе в сокрацении языкового развития целого пле-мени» (Венг., 34). Напротив, для ребенка характерна, так сказать, гиперсистематизация изыковых явлений 4, подведение под усвоенные им системные закономерности таких нвлений, которые на самом деле этим закономерностям не подчиняются. По несколько парадоксальному утверждению Бодуэна, «ребенок захватывает в будущее, предсказывая особенностями своей речи будущее состояние племенного языка, и только впоследствии пятится, так сказать, назад, все более приноравливаясь нормальному языку окружающих≯ (Behr., 34). «Новообразования», вносимые ребенком в язык при усвоении, касаются произносительной стороны и морфоло-Правда, впоследствии гического строя. дети «выучиваются говорить "правильно", наподобие окружающих, но раз данный толчок не остается без следа. Дети этих детей наследуют предрасположение к подобным же изменениям по направлению к будущему состоянию языка и со своей стороны повторяют эти изменения... Наконец, накопление (кумуляция) следов от подобного рода толчков в целом ряде поколений ведет к действительным, окончательным измелениям во всем исторически сложившемся языке» (Венг., 34—35).

Не вдавалсь в оценку правильности этих соображений, обратим внимание, что изменения в племенном языке происходят, по Бодуэпу, не в случайных местах: они, очевидно, предопределены данного бенностями системы данного языка, ибо осуществляются в тех ее точках, где она менее всего последовательна, и имеют своим следствием более строгое проведение известных системных за-

² Годуэн интуитивно подошел к такому поинманию языка, выдвинув гипотезу о «языковом знании» и противопоставив его (вместе с «теоретическим знанием», выраженным с п о м о ц ь ю я з ы к а) знапию «созерцательному», «непосредственному» (Язык, 535). Такое понимание языка является огромным шагом вперед по сравнению с младограмматическим.

^{4 «}Здесь далее всего заходит выравнивание форм» (J. B a u d o u i n d e C o u rt e n a y, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Straßburg, 1895, стр. 106).

кономерностей. Таким образом, если в индивидуальных языках и есть какие-то особенности, не характерные для племенного языка, то эти особенности не играют сколько-нибудь важной роли в процессе коммуникации и не имеют значения для изыковой системы. Племенной язык есть абстракция типячных, общезакономерных, существенных черт индивидуальных языков; в этом смысле он и «является чистою отвлеченностью, обобщающей конструкцией» (Язык, 531). «Средний язык» представляет собой проекцию «племенного языка» в индивидуальное языковое сознанис, «племенной язык», рассматриваемый как функция некоего образцового индивида, «племенной язык», взятый на уровне индивидуального языка. Индивидуальный же язык — это язык в его реальном бытии, в его конкретном свособразии, и «на индивицах мы можем исследовать некоторые явления в упеличенном виде или гораздо болсе непосредственно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции, как язык племенной или народный» (S. J.,

Замотим, что Бодуэн был первым языковедом, профессионально занимавшимся патологией речи. Ему принадлежит, в частности, монография, содержащая, кроме теоретической частя, историю болезни, описание языконой системы и словарь афатика¹. Изучение патологии речи Бодуэн считал одним из важнейших источников паших сведений о физиологическом и психологическом механизме языка.

Мы уже несколько раз, говоря о взглядах Бодуэна, употребляли выражение «система изыка», и не случайно: именно Бодуану де Куртепе мы обязаны нашим современным пониманием языковой системы. «Немецкое s потому могло развиться в r, что вся авуковая система немецкого языка была в то время совершенно отлична от славянской системы, в которой я не подверглась такому изменению», --писал он в работе 1888 г. (S. J., 165). В статье «Die Klassifikation der Sprachen» (1910) Бодурн свободно оперирует понятием системы, или структуры языка, уже не ограничивая ее системой звуков: «Всесторонняя морфологическая характеристика языкового мышления должна учитывать тот факт, что, с одной стороны, валицо пережиточные формы, унаследованные от прошлого и более не соответствующие данной структуре языка в целом (dom gegebenen allgemeinen Bau der Sprache), и что, с другой стороны, известные явления, так сказать, предсказывают будущее состояние данного племециого и национального языка,... вследствие чего они еще не соответствуют современному синхронному состоя-(dem gegenwärtigen Durchschnittszustande) соответствующего языка» (58). Еще в 1878 г. Бодуэн предлагал разделять «законы равновесия языка» и «законы исторического движения языка» (Прогр., 85), относя изучение первых к задачам статики, изучение вторых — к задачам динамики.

Не останавливаясь на этом общензвестном положении, отметим некоторые особенности в понимании Бодуэном статики и динамики, не получившие достаточного отражения в литературе.

Прежде всего, не следует забывать, что в представлении Бодуэна статическое и динамическое исследование звуков отнюдь не равнозначны описательной и исторической фонетике, а тем более — соссюровским синхронии и диахронии. В лекциях 1888 г. он указывает, что «фонетика (т. е. фонология.— А. Л.) распадается на следующие 3 части: 1) дескриптивная часть — констатирует этимологическое родство; 2) историческая часть — "раньще было так — теперь стало так"; 3) каузальная часть — учение о причинах (сюда относятся звуковые законы)»; с другой стороны, в записях Л. В. Щербы мы находим следующую таблицу:

Общая фонетика

а) статика б) динамика (1) антропофоника 2) психофонетика

3) историческая фонетика

Статика в этой таблице — «описание и исследование того, что существует, без учета понятия изменчивости», т. е. «дескриптивная часть» фонетики, динамика – «исследование и определение условий изменчивости», т. е. ее каузальная часть. Наконец, «историческая фонетика», столь решительно противоп ставленная Бодузном другим отраслям общей фонетики, имеет своим предметом констатац и ю изменений в языке или «рассмотрение... фонацийной стороны языка во временной последовательности, т. е. прехоантропофонических явлений и устойчивых и непрерывных психо-фонетических представлений» (WE, 792), и соответствует «исторической части». Таким образом, динамическая фонетика принципиально отлична от исторической: первая исследует причины и условия языковых изменений и опирается «на извлечения из наблюдений над индивидуальным языком, а скорее — над целой массой индивидуальных языков», вторая. «целиком относящаяся к племенным языкам, рассматривающая язык во взаимном общении и в условиях общественной традиции, является общественной социологической наукой» (WE, 792). Историческая фонетика, констатируя изменения в системе языка, не затрагивает, однако, причинной стороны этих изменений. понимание задач исторической фонетики

¹ Cm. J. Baudouin de Courtenay, Z patologii i embryologii języka, «Prace filologiczne», t. I, cz. 2, 3—4, 1885—1886, crp. 14—158, 318—344.

² Тетрадь с конспектами лекций И.А. Водуэна де Куртене по введению в языковнание и общей фонетике (Архив АН СССР, фонд 770, опись 3, № 7, стр. 12).

тесно связано с общефилософской концепцией Бодузна, считавшего неправомерным говорить о непосредственной причинпости в применении к племенному или национальному языку.

Следует отметить также, что для Бодуэна не существовало соссюровского взаимоисключения синхронии и диахронии; напротив, синхронический и диахронический подходы к языку для него взаимообусловлены: «статика языка есть только частный случай его динамики, или, скорее, кинематики» (Венг, 34). Он писал о методике диахронического исследования: «Фиксируют два реально данных периода в языковом развитии и далее стараются определить, в каком направлении разви-лись отдельные категории звуков и вся звуковая система в целом» (Ubersicht, 13). Как мы видим, Бодуэн подчеркивал, что диахронии в той же мере присуща системпость, как и сипхронии.

Человеческий язык представляет собой систему; зпаковую другими словами, это «язык, состоящий из множества случайных символов, связанных самым различным образом» (S. J., 32). Он коренным образом отличается от «языка» животных: звуки, издаваемые животными, самой природой соответствующих животных организмов предназначены для того, чтобы выразить именно то, что они в действительности выражают. Они должны выввать как раз то чувство, как раз то представление, какие они выражают в действительности-именно путем непосредственного чувственного впечатления. И этим их задача исчерпывается.

Между тем все слова, принадлежащие собственно человеческому изыку, отличаются способностью принимать все новые значения, причем их генезис, источник их здачения обычно совершенно забывается. Сами по себе они не говорят ни о чувстве, ни о способности воображения; они что-то означают лишь потому, что опи ассоциированы с известным рядом значепий. Характер необходимости им совер-шенно чужд... Итак, подавляющая часть слов человеческого языка — лишь случайно возникцие символы... И как раз случайность есть черта рактерная языка» 21; разрядка наша.— A. Л.). (Verm.,

По Бодузну, следует различать «внешнюю» чисто фонетическую сторону языка, далее, его «внеязыковую» сторону, или сторону семантических представлений, и морфологическую (в широком смысле) сторону, образующую «основную характеризующую черту человеческого языка» (О związku, 10), т. е. языковую форму, «структуру» в реляционном смысле, связывающую «план выражения» и «план содержания» 1: «собственно языковое — это способ, каким звуковая сторона связапа с психическим содержанием» (Übersicht, 12). Эта языковая форма выступает в «плане

выражения» ² как структуирующее начало: «едипство так называемого звука обусловлено единообразием соответствующего ему представления (фонемы)» (Proba, 3). Но как мельчайшие единицы обоих «планов», так и элементы изыковой структуры гетерогенны, и между ними нет и не может быть однозначного соответствия: «переходя от морфем к звукам, мы переходим на другое поле, оставляем центр изыка и переходим на его периферию, а непосредственная связь этих двух сторок языка а ргіогі не является пеобходимой, и действительность этого пе подтверждает» (S. 1., 146).

Структурность человеческого языка спедифична для него: именно структурность имеет в виду Бодуэн, указывая, что «человеческому изыку присуща своеобразная, строго языковая морфология, не повторяющаяся в других областях бытия» (Klass, 55). Модификациями этой «морфологии» являются системы конкретных языков. В отличие от явлений, относящихся к «плану содержания» и «плану выражения», т. е. явлений акустико-физиологических или же присущих индивидуальной и одновременно общечеловеческой психике, элементы системы языка — их состав и расположение — обусловлены принадлежностью к той или иной языковой общности (Sprachgemeinschaft). «Филогенетическое (генеалогическое) вначение имеет в языке только форма, морфологический элемент, только специальное приложение и комбинирование семасиологического и фонетического элемента» (лекции 1888 г. по общей фонетике; см. ниже)³. В связи с приведенной цитатой еще раз подчеркием, что «форма» у Бодуэна — понятие чисто реляционное, системная же группировка языковых фак-TOB - 9TO «группировка по противопоставлениям и различиям» (O związku, 27).

Таким образом, систему языка – нее, его структуру — следует рассматривать как связующее звено между «плавом содержания» и «планом выражения». Языковой знак произволен в синхроническом планс, но мотивирован в генетическом: произвольность изыкового знака -основная, конституирующая особенность языка человека в отличие от «языка» животных, «Язык животных имсет характер необходимости, непосредственности и неизменности — черты, совершенно противоположные основной сущности человеческого языка» (S. J., 33).

¹ Колечно, Бодуэн не знал этих терминов.

² А также и в «плане содержания»: отсюда «неогумбольдтианство» Бодуэна (см. J. B. C a r r o l l, The study of language, Cambridge, 1955, стр. 15).

Cambridge, 1955, стр. 15).

В Нритикуя Н. В. Крушевского, представляющего себе язык как соединение физическо-акустических и психично-общественных явленяй, Бодуэн указывал, что «со временем, разумеется, необходимо будет согласиться с тем, что язы к е с ты явление насквозь однородно психично-общественное» (S. J., 172).

Противоцоставление «плана содержания» и «плана выражения», а в конечном счете сущность языкового знака определяется социальным характером человеческого языка. «Если и можно составлять морфологические единицы (морфемы), слова. предложения и вообще речь из простых, голых звуков, то может быть, только в языке говорящей машины или фонографа, но пикогда в живом человеческом языке, в языке живых общественных существ (S. J., 146; разрядка наша.-- A. J.). Даже в работе «Les lois phonétiques», где социальная сторона языка более всего затушевана, а индивидуальная — наиболее ярко раскрыта, мы находим следующее положение: «...фонемы, составные элементы которых более сильно морфологизованы и семасиологизовавы, имеют большую общественную ценность (valeur sociale)...» (68).

Рассмотрим в связи с этим вопрос о социальном факторе в языке несколько подробнее. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что «социальные связи» (les commerces sociales), по Бодуэну, не только сами по себе влияют на жизнь и эволюцию языка и являются непременным условием его существования («мышление и общественность суть необходимые условия реального языка» (S. J., 36)]; они являются условием и средством или способом влияния на язык исихического фактора. Уже одного этого достаточно, чтобы противопоставить взгляды Бодуэна субъективноидеалистическим домыслам типа «эстетической» теории Фосслера. Не индивид (и его «свободная воля») определяет развитие я зык а: оно детерминировано социально и антропологически. Если психологизм -«направление, представители которого усматривали движущие силы развития языка в области видивидуальной психики, автономной по отношению к внешним стимулам» 1, то Бодуэн ни в коем случае не может быть причислен к психологистам.

Что же такое «социальная детерминярованность» в пониманки Бодуана? Он признавал, что «основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология», и остро чувствовал, что эта последния не разра-ботана «до сих пор настолько..., чтобы можно было пользоваться ее готовыми выводами» (Вевг., 38)². Поэтому, если иногда он и высказывал интереспейшие и в общем правильные принципиальные соображения, отчасти изложенные нами выше. то в этих случанх ему приходилось идти ощунью, опираясь только на свою наблюдательность и на гениальную лингвистическую интуицию. К сожалению, слишком часто Бодуэн не доверял интунции и пытался возвести несовершенство метода

¹ В. Дорошевский, Диалектологии и сравнительно-исторический метод в языкознании, ВЯ, 1956, № 5, стр. 69. ² Как уже указыналось, Бодуэн де Куртене не был знаком с основами марксист-

ской философии.

в ранг методологического принципа, положив тезис об объективности лишь индивидуального сознавия, т. е. о примате индивидуального сознания над общественным, в основу своих рассуждений. Если для исторического материалиста общественное сознание отражает общественное бытие, то стихийный материалист Бодуэн не предполагает надичия у общественного сознания специфических закономерностей: у Бодуэна не общественное, а индивидуальное сознание ближайшим образом отражает общественное бытие, причем это отражение происходит в процессе садаптации к условиям... социального мира» (Les lois, 64).

Именно воэтому Бодуэн сосредоточил внимание на процессих, развертывающихся в плане индивидуальной языковой системы, в ущерб процессам в явлениям объективно-языковым; имению этим объясняется повышенный его интерес к структуре и течению единичного акта коммуникация. Заметим, что целое направление в современном языкознания, а именно так называемая исихолингвистика, по существу представляет собой развитие этой стороны взглядов Бодуэна.

В работах, посвященных истории фонологии, как правило, выделяются три резко очерченных этапа в эволюции бодуэновской теории фонем. На первом из них фонема определяется как «сумма обобщенных антропофонических свойсть изнестной фонетической ч сти слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков» (Нек. отд., 333). Отсюда делается вывод, что для Бодуэна в рассматриваемый период его деятельности фонема была по существу не фонетической, а этимолого-морфологической единицей. Начиная с 1888 г., а не с 1894, полагают, Бодуэн. как обычно продолжая развивать свои старые идеи. в то же время дает чисто исихологическое толкование полятия фонемы. Наконец, в 1900-х гг. Бодуэн окончательно персводит фонему из области этимолого-морфологической в область исихофонетическуюи приходит к мысли, что фонема не яв ляется неделимой дальше единицей.

Хотя изложенная схема формально безупречна, она не дает правильного представления о развитии фовологических взглядов бодуэпа, ибо целый ряд существенных вопросов, связанных с теорией фонем и выдвигавшихся Бодуэном в развые периоды его деятельности, не находит в пей

отражения.
Прежде всего, при таком освещении взглядов Бодузна совершенно упускается из вида тот факт, что уже в работе «Неко торые отделы...» наряду с этимолого-морфологическим нониманием фонемы дается и чисто фонет и ческое: фонема определяется как «просто обобщение антрепофонических свойств», как фонет и ческий тип: «знаки... фонем — этс

знаки фонетических типов, знаки отвлеченностей, знаки результатов обобщения, очищенных от положительно данных свойств действительного появления или существования» (335). При этом Бодузн и не пытается «увязать» это определение с генетическим: он, напротив, считаст, что «при дальнейшем развитии этих мыслей необходимо будет строго различать названные две стороны понятия фонемы и вместе с тем установить для них частные термины» (385). Думается, что возникающее поэже двойственное толкование фонемы как реляционной и психологической еди ницы (см. ниже) связано с разделением «тепетического» и «фонетического» аспектов.

Остается нерассмотренным обычно и такой существенный момент теории Бодуэна, как его учение о функциональной значимости фонемы. Между тем, как указывает Р. Якобсон, «с самого начала своей лин-гвистической деятельности Бодуэн де Куртене интересовался проблемой связи между звучанием и значением» 1. Действительно, в работе «Wechsel des s (š, s) mit ch in der polnischen Sprache» об альтернации s//ch говорится как о «чередовании согласных, исполь-зуемом для дифференциавании ции значений» (разрядка наша.— Л. Л.)²; в лекциях 1888 г. фонемы понимаются как «знаки, признаки морфем (ос-мысленных слов)». Ср. указание на воз-MOXING CTL использования фонетическоакустических представлений (т. е. фонем) как «экспонентов внеязыковых различий» (Klass., 58).

Понятие различительной, т. е. негативной, функции фонемы встречается в работах Бодуэна, однако, лишь implicite, в то время как на первый план выступает учение о «морфологизации» и «семасиологизации» фонем, т. е. о позитивной их функции. Бодуэн считает фонему «подвижным компонентом морфемы и признаком известной морфологической категории» (Нен. отд., 334) и определяет фонетику как «историю фонем в отношении к морфологии». Аналогичное определение фонетики находим в работе «Les lois phonétiques»: «фонетика ассоциаций с морфологическими и семасиологическими представлениями» (62). Само существование фолемы, по Бодуэну. обусловлено ее функциональной значимостью: «факультативность мобилизации произносительных и слуховых элементов стоит в тесной связи со стеценью их морфологизации и семасиологизации» (Les lois, 68). Именно то, что фонема может служить для идентификации морфемы, Бодуэн и считает спецификой фонем как

² Cm. «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung...», Bd. VI, Hf. 2, 1869, crp.

222.

мельчайших единиц фонологического уров-

Учение Бодуэна о морфологизации и семасиологизации не только не противоречит учению Л. В. Щербы о различительной функции фонемы, но, строго говоря, предпонагает наличие у фонемы такой функции. Определение Щербой фонемы как «кратчайшего общего фонетического представления данного языка, способного ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слона» 4. явлым образом вытекает из всей фонологической концепции Бодуэна 5. Более того, Бодуан фактически пришел — независимо от де Соссюра — к идсе о релятивном характере «лингвистической ценфонемы: «фонемы... становятся ламковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только гда, когда входят в состав всестороние живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями...» (Вв. в яз., 160), а эти представления, как известно, «определяются альтернациями или чередовапиями» (там же, 161).

«Если фонема есть не болес, чем сумма артикуляционных и акустических представлений, то непонятно, чем же объясляется тот факт, что одинаковые слагасмые дают в разных языках разные результаты»,— пишут Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич⁶. Нам представляется, что авторы слишком прямолинейно понимают вдесь некоторые высказывания Бодузна. Кинемы и акусмы не являются универсальными единицами, но варьируют от языка к языку: «рядом с произносительно-слуховым представлением подпятия средней части языка к нёбу и так называемой "мягкости" существует в русском языковом мы щлени (разрядка наша.— А. Л.) как особая произносительно-слуховая единица представление веподия-

zesz. 1, 1930, стр. 228).

4 Сб. «Л. В. Щерба. Избр. работы по языкознанию и фонетике», т. 1 (см. ст. «Русские гласные в качественном и количественном отношении»), Л., 1958, стр. 134.

фонетических представлений.

6 Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, К истории учения о фонеме, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1, стр. 67.

¹ R. Jakobson. Powstanie pojęcia fonemu w lingwistyce polskiej i światowej, «Sprawozdania z prac naukowych Wydz. nauk społecznych PAN», roczn. 1, cz. 6. 1958, crp. 49.

³ Поэтому в полемике Т. Бенни с В. Дорошевским прав был, надо полагать, последний. Онсчитал, что данное им определение фонемы как «единицы фонетической системы, могущей выполнять морфологическую или семасиологическую функцию», ближе к пониманию Бодуэна, чем определение Бенни, ваявшего у Бодуэна в основном учение о фонеме как «представления» (см. W. Doroszewski, O definicje fonemu, «Prace filologiczne». t. XV, zesz. 1, 1930, стр. 228).

⁵ Характерно, что Бодури сразу воспринял мысль Щербы, указав в очередном (четвертом) издания «Висдения в языковедение» на «семасиологическое различение» слов как условие семасиологизации фонетических представлений.

тия средней части языка к нёбу в связи с представлением так называемой "твердости" (Вв. в яз., 80). Кроме того, фонема, по Бодуэну, есть более чем сумма артикуляционных и акустических представлений. Ср., во-первых, сказанное выше о ее функциональной значимости в механизме языка как орудня идентификации морфем, во-вторых, тот факт, что ни фо-немы, ни кинемы или акусмы не сводимы полностью к физиологическому или психологическому субстрату и рассматриваются Бодуэном также как реляципонятия, как мельчайшие онные кирпичики языковой структуры; это видно уже па приведенной выше цитаты. Еще более убедительным доказательством может служить примененная Бодуэном в «Сравнительной грамматико славянских языков» (1901), а позже в «Zarys historji języka polskiego» методина историно-фонологического исследования: за мельчайшую единицу фонологического изменения принимается зпесь акусма (кинема), которая, таким образом, выступает как заведомо абстрактный, чисто системный элемент¹. Ср. также характеристику ки-нем и акусм как «общественных или социальных элементов межипдивидуального общения с помощью человеческого языка» (Zar hist. jez. pol , 156).

делать из такого определения слишком поспешные выводы. Всдь термин «представление» имеет в устах Бодуэна очень своеобразный смысл: для него это исихический коррелят объективно-языкового явления, результат его усвоения индивидом, не связанный, однако, с необходимостью о с о з н а н и я этого явления²: «психичным является не то, что осознано, а то, что может быть осознано как представление, понятие или же группа представлений и понятий» (О рѕусh. роdst., 155). Поэтому, когда, например, Р. Якобсон, придерживаясь традиционной точки зрения, утверждает, что Бодуэн представлял себе фонему как коррелят звука в «речевом намерения», и далее приравнивает это «намерение» к «впутренней речи»³, он тем самым сильно отклоняется от дей-

ствительных воззрений Бодуэна. Для по-

следнего, судя по всему, фонема едва ли

была большей психической реальностью, чем для Р. Якобсона. Однако Бодуэн, как

нам уже приходилось подчеркивать, всег-

да стремился максимально конкретизиро-

вать категории языкового мышления, об-

Даже если рассматривать фонему толь-

ко как «сумму представлений», нельзя

¹ Положение о дифферспциальном признаке как единице фонологического изменения было, следовательно, известно Бодуэну и широко применялось им в научной практике.

² А. И. Смирницкий говорил в таком случае о «скрытом знании языка» (см. его работу «Объективность существования языка». М., 1954, стр. 27—28).

языка», М., 1954, стр. 27—28).

R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956, стр. 12.

лечь абстрактные явления и процессы в материальную психо-физиологическую оболочку, так что из его теорий приходится, как говорил Л. В. Щерба, «вынуть психологизм». К сожалению, одни исследователи не смогли, а другие не захотели проделать эту операцию.

Именно возрения Бодуэна последнего периода нашли особенно пирокий отклик н мировом языковнании, что лишний раз свидетельствует об их плодотворности. Нельзя, например, переоценить их влия-пие на пражскую школу в лице прежде всего В. Матезиуса, П. С. Трубецкого и Р. Якобсола в. Из польских учеников Бодуэна следует назвать Г. Улашина, Ст. Шобера, Т. Бенли, В. Дорошевского.

Кроме «фонетической структуры слов и предложений», Бодуэп выделяет в языке «морфологическую структуру слов», т. е. морфологический уровень изыковой структуры, и «морфологическую структуру предложений», т.е. се синтаксический уровень (Klass., 58). Уже морфема является двусторонией единицей, поскольку она не только мельчайший носитель языаначения, но и продукт ROBOTO формально-морфологического деления слова. В слове тоже можно выделить два аспекта; хотя в лекциях 1888 г. слово как «единица предложения» (синтагма) еще приравнено к слову как «приблизительному субстрату целой группы идей» в смысле польского wyraz, но эти аспекты уже ясно осознаются. Позже их противопоставление выражается в противопоставлении «словообразующих» и «синтагмообразующих» морфем (Zagadnienia, 115). Таким образом, если фонема служит нак бы «мостиком» от «фонетической структуры слов и предложений» к «морфологической структуре слов», то слово выполняет аналогичную роль на более високом уровне, связывая эту последнюю с «морфологической струк-

турой предложенин». По Бодуэлу, слова «имеют реальное, объективное существование», как и морфемы в. В «обычном различении частей речи» Бодуэн усматривает «смещение разных принципов» в: «основанием для разделения частей речи» он считает «отношение к связлой рсчи или предложениям» (Нек. общ. зам., 302), т. с. синтаксический критерий.

Предпосылкой существования и функционирования языка в индивидуальной исихической системе, его психо-физиологическим субстратом служат процессы, относящиеся к трем областям языковой деятельности: во-первых, процессы ф о-

⁴ Вспомним, что в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» фонема определяется как «наиболес простой в значимый акустико-двигательный образ данного языка» (TCLP, 1, 1929, стр. 10—11).

⁵ См. «Протоколы заседаний лингвистической секции Неофилологического общества», засед. XII (Архив АН СССР, фонд Р. II, опись 1, № 303, стр. 61).

⁶ Tam ate.

нации, т. е. звукопроизводстве, или речевая моторика; во-вторых, процессы аудиции, т. е. слухового восприятия; наконец, процессы церебрации, т. е. собственно языковое мышление. Различные комбинации этих процессов приводят к множественности причин, управляющих звуковыми изменелиями; бодуэновская концепция множественности, как справедливо указывает Н. Б. Крупаткин¹, остается прогрессивной и в современной лимгвистике.

Следует остановиться прежде всего на спонтанных изменениях, т. е. на «изменениях и перерождениях звуков в течение известного времени просто вследствие свойственной им природы, помимо влияния соседних звуков и вообще помимо частных условий сочетания авуков» (Hex. отд., 320). Они связаны с процессами, происходящими в сферах фонации и аудиции. В этой связи вельзя не упомянуть о теории «человечения языка», согласно которой в ходе исторического развития языка происходит передвижение артикуляции «сзади и снизу, вперед и вверх», т. е. активизация органов ротовой полости за счет ослабления деятельности гортани². Причиной такого передвижения Бодуэн считает «стремление к удобству, стремление к облегаснию в трех областях языковой деятельности» (Венг., 33). Это стремление, будучи обусловлено коммуникативной функцией языка, ведет к максимальной утилизации для целей речевого общеняя как раз тех органов, которые могут обеспечить взаимопонимание при наименьшей затрате энергии.

К чисто фолационной сфере относятся некоторые комбинаторные изменения. Заслуживает особого впимания указание Бодуэна на то, что «первый толчок к исторически-фонстическому перерождению» может исходить не только «от других, соседних звуков», но и от «общих фонетических условий сочетания нескольких фонетических сдиниц в более общее фонетическое целое» (Челов., 280); здесь мы находим зачатки представления о фонетической структуре слова как элементе системы языка. Звуковые изменения могут быть вызваны также тем, что «акустическая простота и сложность не совпадает с физиологической» (записи Л. В. Щербы, л. 22).

Волее высокое место в «иерархии» языковой структуры занимают изменения, выходящие за рамки фонационно-аудиционной активности и вызванные «несогласованностью психической ценности фонем с их исполнением и их манифестацией» (Les lois, 68). Эти изменения коренятся в борьбе фолетических и психических, т. е.

¹ Я. Б. Крупаткин, Две проблемы исторической фонологии, ВЯ, 1958, № 6, стр. 39. системных, факторов; они могут быть весьма различными по характеру в зависимости от того, какие именно факторы и в каком направлении действуют³.

Борьба фонетических и психических стремлений рассматривается Бодуэном как в илапе синтагматики, так и в плане парадигматики 4. В парадигматическом илапе она сводится к противодействию фонетическим стремлениям «со стороны ассоцвации форм» (Лингв. зам., 11), т. е. «морфологической ассимиляции», противостоящей закономерному фонетическому развитию. В синтагматическом плане Бодуэн выдвигает понятие «психического ударения», понимая под ним «относительную важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций» (Лингв. зам., 9) и ставя с ним в связь «различную степень... ассимиляционного влияния» (Próba, 3). «Определепиме фонемы определенных словесных типов становятся более сильными и стойкими по отношению ко всяким изменениям, так как с их представлением сочетаются определенные морфологические или смысловые представления» (WE, 793—794). Частным случаем «психического ударения» является устойчивость фонем, обусловленная морфологическими и синтаксическими «узлами»: «пока узлы морфологические сохраниются, фонетический состав не изменяется» (записи Л. В. Щербы, л. 24). Бодуэн обращал внимание на связь того и другого плана: «ясно, что м о н о м о рфизм морфологических показателей увеличивает психический акцент и степень интенсивности морфологизации фонетических элементов этой морфемы» lois, 69) 5.

Из своих паблюдений над зависимостью фонационной «силы» звука от степени морфологизации фонемы Бодуэн сделал принципиально важные выводы типологического харантера. Уже в «Программе» он отмечает «гораздо более быстрые изменения и фонетическую "порчу" в языках апалитических, чем в синтетических», вызванные тем, что «слова языков аналитических не защищены от изменений живым чутьем своего состава и подвержены действию одних телько звуковых законов» (146).

Мы не будем останавливаться подробно на роли Бодуэна в создании теории и исьма, тем более что предполагаем провнализировать эту сторону его взглядов в другом месте. Отметим лишь, что:

1) уже в 1904 г. Бодуэн употреблял тер-

² С этими соображениями Бодуэна, впрочем, вступают в противоречие выводы Р. Якобсона (R. Jakobson, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, Uppsala, 1942).

⁸ См. статью Бодуэна «O ogólnych przyczynach zmian językowych», cб. «Szkice językoznawcze», Warszawa, 1904, стр. 50— 95

⁴ Сами эти понятия Бодуэну были неизвестны.

⁵ Интересной парадлелью соображениям Бодуана может служить статья Б. Поттье (В. P o t tier, Plan phonémique et plan morphémique dans la structure du mot, сб. «Omagiu lui Iorgu Iordan...», Bucureşti, 1958, стр. 701—704).

мин «графема» (записи Л. В. Щербы, л. 2); 2) учение о специфической структуре письменной речи, в зарубежной литературе обычно приписываемое Д. Болинджеру¹, значительно раньше и значительно серьезнее было разработано Бодуэном. К сожалению, если теория алфавита интенсивно разрабатывалась бодуэновской школой, то другие аспекты его теории письма оказались забытыми.

Целый ряд поднятых Бодуэном проблем приходится только назвать: из их числа больше всего привлекает к себе внимание дналектографическая концепция Бодуэна; нельзя не отметить его роли в развитии сравнительно-исторического метода. Бодуэн отдал много сил и времени проблемам эсперанто и часто выступал в своих теоретических работах в защиту международного искусственного языка.

Подведем некоторые итоги сказапному выше. Общелингвистическая концепция И. А. Бодуэна де Куртенс несет на себе явные следы двойственности. С одной стороны, у Бодуэна много общего с младограмматиками. Это объясняется прежде всего тем, что его взгляды, как и взгляды младограмматиков, формировались под известным влиянием идей Гумбольдта и Потейнталя. Кроме того, Бодуэн, как и младограмматики, стремился избавиться от мертвящего догматизма школы Шлейхсра, обратившись к исследованию живых современных языков и диалектов и уделяя много внимании разработке вопроса о реди индивидуального языкового мышления при функционировании языка, что также не могло не сблизить оба направления. С другой стороны, некоторые моменты приближают Бодуэна к соссюриалству, давая нам право считать его одним из предшественняков современной структурной лингвистики в ее пражском варианте.

Едва ли можно согласиться с Р. Якобсоном, что Бодуэн только в 70-х гг. Х1Х в. иланировал «систематические структуральные исследования», а позже отошел от структурализма в сторону «психологизма». Напротив, как показывает анализ его высказываний, именно в 1900—1910 гг. он пришел к наиболее законченной, хотя. быть может, не всегда последовательной фуякциональной концепции языка; живая паучная традиция идет именно через эту «психологическую» конщепцию.

«Решающее значение поиятия относительности фолетических элементов для изучения их использования в конкретном языке, их зависимость от всей фолологической системы и даже проблематика фонематической оппозиции — проблеск и упоминание этих первоочередных для развития лингвистики идей мы находим в работах Бодуэна»². При этом Бодуэн всегде придерживался последовательно материалистической точки зрения, что делает его позицию еще более близкой нам. В работах Бодуэна подробно разработаны такие существенные для современного языковедения вопросы, как вопрос о системе языка, о функциональной значимости фонемы в механизме языка, о множественности причин фонетических изменений.

Иден Бодуэпа де Куртене в течение почти 20 лет не находили объективной оцепки и сколько-нибудь полного освещения в советской языкопедческой вауке. Нам кажется, что пришло время, наконец, внимательно обратиться к его научному наследству и оденить по заслугам его роль в развитии русского и мпрового языкознания.

 $oldsymbol{A}_{*}$. Леонтъсс

основы общей фонетики

(Из курса лекций)

Публикуемый нами в извлечениях курс лекций И. А. Бодуэна де Куртене по общей фонетике, читанный им на немсиком языке в Дерптском (Тартуском) университсте во втором семестре 1888 г., воспроизводится по студенческой записи Р. А. Теттенборна. Оригинал последней в виде двух тетрадей (68 страниц) хранится в «бодуэновском» фонде Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ.

Курс состоит из введения и трех глав. Введение и третья глава печатаются полностью, глава первая («Учение об альтернациях» и «Учение о корреспонденции») и глава втораи, содержащая развитие на материале индоевропейских языков тео-

рии «постепенного человечения языка», целиком опущены.

Наибольшую цепность из публикуемых частей курса представляет введение, где впервые дастся функциональное истолкование попития фонемы и проводится последо вательное различение фонетики и фонологии. Интересцо также, что в курсе Бодуэг понимает фонему как психо-физиологическую реальность; в печатных работах такос понимание встречается лишь начиная с 1894 г.

Купюры, сделанные нами в тексте и касающиеся главным образом примеров обозначены углолыми скобками (...) В квадратных скобках [] стоят примеча

¹ Cm. D. Bolinger, Visual morphemes, «Language», vol. 22, № 4, 1946.

² R. Jakobson, Powstanie pojęcia fonemu..., стр. 52.

ния переводчика и дополнения, внесенные в перевод для лучшего понимания. Круглые скобки всюду принадлежат автору. Нами сохранены следующие условные знаки, встречающиеся в рукописи: ||— символ альтернации (соответствия внутри одного языка); =— символ корресионденции (соответствия в родственных языках).

В качестве приложения нами даны две схемы, вычерченные Р. А. Теттенборном в одной из тетрадей с текстом курса, но отделенные от него несколькими чистыми листами. Содержание схем связано с тематикой курса. Вероятнее всего, они представляют собой запись предэкзамелационных консультаций И. А. Бодуэна де Куртене (прим. переводчика).

Введение. Антропофоника и фонетика

Между антропофоннкой и фонетикой есть различие, которое мы можем увидеть па примерах: tragen (tràyg), trägt, trug, Tracht, trächtig. Эти слова родственны, и так как они состоят из звуков, то и эти носледние должны быть родствениы. Однако с физической точки зрения нельзя установить родства этих слов: а и и совершению различны и т. д. (...). Когда мы говорим об этимологическом родстве, мы имеем в виду не антропофоническое, не исихическое родство — родство осмысленных морфем, взятых в целом.

Примечание. Фонема (=психнческая сдиница языка, т. е. то, что фонетически педелимо), в отличве от звука, т. е. антропофонической единицы. Фонетическая единица может соответствовать пескольким звукам или даже одному звуку плюс качество другого звука. Звук, звук рсчи— известное явление (обычно звуковой тон), могущее быть изолированным; оно образуется благодаря определенных факторов речепроизводства и только благодаря этому действию.

Антропофоническое родство покоится на тождестве производителей звуков, т. с. речевых органов индивида. Сходине при-

чины — родственные результаты.

[На полях красными чернилами:] Фонемы — простые, не разложимые далее образы намяти, возникающие благодаря повторению простых не разложимых далее акустико-физиологических внечатлений. Или [фонема] = акустический результат одновременной деятельности речевых органов, ощущаемый как неделимое целое и производящий целостное впечатление.

Язык есть явление насквозь [durch und durch] психическое. И антропофоника, и фонетика имеют психическую основу, причем они занимаются описанием фонетических явлений в языке, [их] упорядочением и исследованием причипной стороны звуков. О различии между антропофоникой и фонетикой можно сказать следующее:

1. А н т р о п о ф о н и к а занимается звуками, возникающими в сфере действия речевых органов, т. е. чисто физиологическими явлениями, и акустическими результатами, в полном отвлечении от участия мозгового центра, играющего лишь контролирующую роль. Ф о и е т и к а занимается уже исихическими явлениями — нвлениями, имеющими исихическую природу.

2. В антропофонике артикуляция, звуки, фонемы рассматриваются как чисто физические продукты, независимо от обладающих значением морфем. О онети карассматривает звуки как знаки, признаки морфем (осмысленных слов).

3. Антропофоника есть наука индивидуальная и общечеловеческая. В фонетике меньше индивидуального и общечеловеческого, однако больше этического и зависящего от историко-этнографической принадлежности людей.

4. Антропофоника занимается физиологическим и акустическим родством. Фонетика занимается родством этимологическим и семасиологическим (исто-

рическим и психическим).

5. В соответствии с этим антропофоникаесть история фонации, фонетика— история фонем в отношении

к морфологии.

6. В обеих частях мы находим статику [Nebeneinander] и динамику [Nacheinander]. В антропофонике статика и динамика определяются с помощью ассоцвации по смежности (род — рода, вес'm'и — палатализованные с и m), в фонетике — с помощью ассоциаций по сходству (trug — tragen, mpac — mpēc).

Фонетика разделяется на следующие три части: 1) дескриптивная часть — констатирует этимологическое родство; 2) историческая часть — «раньше было так — теперь стало так»; 3) каузальная часть — учение о причинах (сюда относятся звуко-

вые законы).

Глава третья. Каузальная часть

Исследуя причины звуковых изменений, мы можем прийти к следующим выводам: 1) чем неопределеннее речеван работа (фонации), тем легче она поддается изменению; 2) чем сложнее работа, тем быстрее и легче она поддается изменению или замещению другой работой. (...). Говоря о неопределенности и сложности, мы должны рассматривать язык с трех сторон: 1) физиологическая сторона — собствен-

но голорение, фонация; 2) социологическая сторона — аудиция; 3) психическая сторона -- церобрадия.

Где замечается сложность и исопределенность? 1) в самих фонемах; ср. ta и ka. Здесь ka более неопределенно, так как эта фонема может быть образована в большем консичестве точек [einen größeren Spielraum hat]; фонемы типа k соответствение азменяются много легче, чем фонемы типа

t; 2) в сочетаниях и переходах (т. с. при физиологическом и акустическом соседстве). Если две фонемы, далекие друг от друга в физиологическом отношении (например, ро, ра), стоят рядом, они менее защищены от изменевий, чем фонемы, более близкие физиологически (например, ре, ji); 3) в способности к различению. Если имеется много классов фонем, которые произносятся сходно, то появляется стремление к устранению тонких нюансов. В польском языке находия s, s, sz; в диалектах констатируем исчезновение sz. В сапскрите имеем s, c, s; в пракрите, однако, это различение отчасти исчезло.

Неопределенность. Неопределенность может быть троякой: 1) физиопогическая [см. выше пример с ta и ka]; 2) акустическая (слабое и неопределенное впечатление); 3) физиологическо-акусти-

ческая $(ki//ti - \kappa u cmb//mucmb)$.

Примеры ко второму типу: смотр, песнь, мысль, корабль — акустическое впечатление от конечного согласного во всех этих случаях очень слабо; в дальнейшем развитии языка оно безусловно станст равным вулю, если не возникнет каких-либо препятствий, ведущих к его сохранению. Уже сейчас находим русское нес(nest или польское nióst, где i почти равно пулю.

Сложность. Сложность мы находим, например, в так называемых палатальных согласных, где наряду с другими работами появляется еще одна, т. е. палатализация. $\langle ... \rangle$ В языке есть стремнение ликвидировать эту сложность, что может происходить двояким путем: 1) путем устранения палатализации: $\partial e naem < d \bar{e} lajeti;$ 2) путем распространения ее на другой звук: $ki > \bar{c}$, c; $gi > \bar{z}$, z; $ri > r\bar{z}$ (чеш.), \bar{z} (польск.) и т. д. Чаще всего таким изменениям подвергаются средненамичье звуки: tj, dj и т. д.

Носовые гласные связаны со сложностью артикуляционной работы, поэтому языки, где есть носовые гласные, быстро их теряют. В санскрите опи есть, в пракрите их нет. В полыском и кашубском посовые гласные сохраниются языках лишь в благоприятных условиях (перед спирантами). Во французских диалектах нет носовых гласных, хоти в литературном языке они налицо. Звуки \ddot{a} , \ddot{o} тоже включают в себя сложную работу, поэтому можно констатировать их исчезновение во многих языках: новогреч, хіхλоς (čiklos) < хохдос. Слогообразующие плавные – сонанты - тоже слишком сложны и потому заменяются либо гласным, либо гласным+ согласный. Ср. санскр. род. падеж от pitár pitur < pitr, нем, badn [baden] ≠ диалекти. bada. ⟨...⟩ Целые сочетания звуков представляют (ложность; так, вместо первоначальных kt, tt, pt находим либо xt, st, ft, либо долгие согласные: русск. $\kappa mo > xmo$, лат. octo > итал. otto и т. д. Далее заметим, что из группы звуков исчезают целые фопсмы, чтобы избежать исчезают целые фопемы, чтобы еложности: русск. вымя < *выдмя.

Возникновение палатализации и депалатализации следует также возводить к разрушению сложности: первоначальные сочетания да, де были слишком сложны и возникло стремление упростить их путем палатализации согласных, так что получились g'i, g'e. В этих последних сочетаниях опять налицо сложность, образовавшаяся благодаря палатальным (огласным; сложность должна была быть устранена путем перехода палатальных согла(ных в передпеязычные спиранты, т. е.: ži, že. ... Мы можем указать и случаи, когда спожность ликвидируется благодаря замене палатальной гласной на апалатальную: русск. в'ол < v'edl, польск. w'ode <v'edq (...). Сюда же отпосится устранение сложности путем лабиализации: резьян. ubuit < ubit, ukuazat < ukazat.

Длинные слова, морфемы которых не воспринимаются более как таковые, конечно, представляют собой сложность и потому подвергаются сокращению: Екатерина — Катерина — Катя; напротив, длинные слова, в которых ясно выступают морфемы (по-лож-и-ть), защищены от сокращения. Это явление объясняет нам относительно быстрое изменсние и фонетическое вырождение апалитических языков по сравнению с сиптетическими.

Примечание. Синтетические языки — такие, в которых можно разделить слова на морфологические части, {такие}, в которых есть флексия. В аналитических языках слова нельзя разделить на морфологические части, и в этих языках нет флексии (во всяком случае отсутствует склонение). Ср. франц. jour (лат. diurnu-m. (...)

До сих пор мы рассматривали неопределенность и сложность в области фонации и аудиции; переходим к рассмотрению неопределенности и сложности в области церебрации. Сложность в области деребрации проявляется в различении отдельных классов звуков и тонких нюансов. Мы находим исчезновение такого различения, т. с. разрушение церебрации, например: 1) исчезновение различия между aspirata и media; 2) исчезновение различия между k' и q; 3) исчезновение различия между z, ž, ž: в польском литературном языке это различие еще существует, но в диалектах находим только z, \check{z} ; исчезновение подвижного ударения, если опо не служит морфологическим целям; 5) исчезновение редко употребляемых артикуляционных групп.

В некоторых словенских диалектах мы находим graf (f = англ. th), но в отдельных деревнях (бохинско-посавский говор), где раньше было то же явление,—gras // grad; альтернация gras // grad < graf // grad. Другой пример,— русское graf // grad . Другой пример,— русское graf // grad . Другой пример,— русское graf // grad . Доченовение а graf в славянских языках объисняется тем же. ы встречается вообще в единичных случаях, [но] оно имеет специфическую артикуляцию, следовательногольжно было осуществиться устранение этого гласного, что и произошло путем замены его (гласным) graf и. Сейчас ни один славянский язык по имеет самостоятель-

ного ы; где оно встречается, например, в русском языке,— это лишь модификация и, зависящая от качества предшествующего согласного.

Общие выводы. Во многих родственных и неродственных языках мы находим одинаковые явления. (...) Если учесть это, приходим к выводу, что фонетический и семасиологический элемент (физическое --

материальное - и психическое) ется общечеловеческим. Циркуляция в этой области происходит совершенно независимо от родства и происхождения. Фидогенетическое (генеалогическое) значение имеет в языке только форма, морфологический элемент, только специальное приложение и комбинирование семасиологического и фонстического элемента.

Припожение І

приставка

[Иерархия языковых единиц]

Речь = полное выражение мысли Предложение-единица речи — приблизит. итог целой группы мыслей. Слово (выражение) — единица предложения — приблизит. субститут целой группы идей. морфология-Морфема-единица слова-приблизит, субститут известногопсихич, содержания. Звук — а) (акустически) = воспринимаемое органом слуха внешнее впечатление б) (анатомически-физиологически) — произведенное совместным действием известных факторов говорильного аппарата б) (психически) = часть знаменательной морфемы = фонема — последнее (акустически) неделимое воспринимаемое впечатление

Приложение Ц

Разделение грамматики

Фонетика:

антропофоника в) фонстика 2. Морфология Статика а) словообразование (лексикология) в) синтаксис (соединение слов в предложении и периоды) 3. Семасиология (учение о психическом содержа Этимология — история языка

И. А. Бодуэн де Куртене Перевел с немецкого А. А. Леонтисс

консультации

о коде и языке

Современная теория информации подходит к языку как к некоторой системс кода. Такой подход не только позволяет применить к языку выводы и положения теории информации, но и создает основу для более строгого определения многих языковых понятий. В самом общем смысле код есть способ представления информации в форме, пригодной для передачи по каналу связи, причем под каналом связи понимается пюбая среда, служащая переносчиком информации, в том числе и воздушная среда между говорящим и слушающим. Всякий код представляет собой некоторое множество физически различных знаков, каждый из которых может однозначно соотноситься с тем или иным объектом из множества объектов, на которое распрострацяется действие данного кода. В процессе осуществления связи наличие определенного сочетания или определенной последовательности объектов кодиролания определяет последовательность выбора знаков кода лицом или устройством, передающим сообщение, а эта последовательность анаков кода, будучи переданной по каналу связи, в свою очередь определяет обратный процесс выбора объектов кодирования лицом или устройством, принимающим сообщение. Например, порядок следования букв в тексте телеграфного сообщения определяет последовательность выбора и передачи по наналу связи знаков телеграфного кода, по которым приемный телеграфный ацпарат воспроизводит текст сообщения.

Для обеспечения надежной связи каждый кодовый знак должеп физически отличаться от всех других знаков кода. В простейшем случае, когда объектов для кодирования немного, обходятся лишь небольшим числом физических признаков (параметров), которыми наделяются знаки кода. Так, например, обстоит дело при регулировании уличного движения светофором, код которого состоит из трех знаков - красного, желтого и зеленого света. большинстве же случаев количество объектов кодирования является настолько большим, что составить код, каждый знак которого отличался бы каким-нибудь физическим параметром от всех других кодовых знаков, уже не представляется возможным. Поэтому при большом числе объектов кодирования для получения пужного количества кодовых знаков используются не только различия по физическим параметрам, но главным образом комбинационные различия. Параметрическими различиями наделяется лишь малое элементарных единиц, из которых путем набора различных комбинаций и составляются знаки кода. Числом элементов, из которых набираются кодовые комбинации, определяется основание кода. В графной связи и в других отраслях техники широкое применение находит код с основанием в два элемента, пазываемый двоичным или бинариым кодом. Например, в телеграфном коде Бодо в качестве элементов часто используются плюсовая и минусовая посылки электрического тока. Все знаки кода Бодо состоят из одинакового числа посылок, поэтому этот код называется равномерным. Соответственно, в неравномерных кодах вспользуются комбинации разной длины.

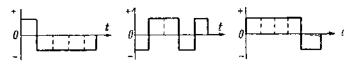
С точки зрения теории информации язык является неравномерным кодом с большим основанием. Множество знаков языкового кода состоит из слов, а в множество объектов кодирования входят обозначаемые словами предметы, понятия и представления. Элементами языкового кода служат фонемы. Так же как элементарные посылки телеграфиого кода, фонемы самп по себе не соотносятся с объектами кодирования, следовательно, не имеют значе-Фонемы — элементарные единицы кода, различающиеся между собой физи-(дифферендиальческими параметрами ными признаками) и используемые для получения нужного количества комбинационных различий при составлении кодовых энаков (слов).

В русском языке насчитывается до 40 фонем, следовательно, код русского языка имеет основание в 40 элементарных единиц. Поскольку длина слова в русском языке колеблется от одной фонемы до дваддати и более фонем, то максимальное число кодовых комбинаций, которое может быть цолучено из фонем русского языка, практически бесконечно велико. В действительности для образования слов используется лишь пезначительная часть всех возможных комбинаций фонем. Это означает, что русский язык, как и любой другой язык, использует комбинационные возможности фолем очень цезкономно, или, выражаясь в терминах теории информации, язык отинчается большой избыточностью в использовании своих элементов. Эта избыточность играет определенную положительную роль. Благодаря избыточности языка телеграмма может быть правильно

прочитана, даже если несколько букв были переданы ошибочно. Избыточность языка обеспечивает большую надежность связи в самых трудных условиях речевого общении. Именно этим отнощением избыточности кода к степени надежности связи и объясняется факт широкого применения в гехнике связи специальных корректирующих кодов, в которых знак содержит заведомо избыточное число элементарных посылок, например, в которых буква кодирустся не пятью, а семью и более посылками. При применевии корректирующего кода благодаря наличию в знаке избыточных посылок всегда имеется возможность исправления, т. е. посстановления искаженной в процессе передачи посылки. Однако если в корректирующем коде избыточность вносится рационально, соразмерпо с требуемой стеценью надежности связи, то в языке избыточность силадывалась стихийно, в процессе исторического развития и в значительной мере может быть устранена при более экономном кодировании сообщений.

Как известно, фонемы подвержены силь-

ным видоизменениям и в речи выступают во множестве комбинаторных и свободных вариантов. С такой вариантностью элементов мы встречаемся не только в языке, но и в других системах кода. Правда, комбинаторная вариантность не является обязательным свойством элементов Например, при сигнализации набором флажков во флоте элементы кода — отдельные флажки — остаются ными, в каких бы комбицациях с другими флажками они ни встречались. В коде Морзе элементарные посылки разделяются паузами, поэтому форма элементарной посылки также не зависит от окружения. Проблема комбинаторной вариантности возникает только в тех случаях, когда элементы кода непосредственно следуют друг за другом так, что конец одного элемента сливается с началом другого. В частности, такое положение имеет место при телеграфировании кодом Бодо. Характер измепения тока во времени при передаче ком-бинаций кода Бодо, можно, например, изобразить следующим образом:

Как видно из рисунка, плюсовая посылма в этом коде имеет несколько комбинагорных вариантов в зависимости от того, какая — плюсовая или минусовая — посынка ей предшествует и какая за ней следует, а именно:

 Ссли комбинаторные варианты не обязательны для элементов кода, то свободные видоизменения элементов присущи всякому коду. В частности, в зависимости от характеристик аппаратуры и условий капала связи телеграфные посылки могут укорачиваться или удлиняться, ме-няться по уровию, иметь разный наклон переднего и заднего фронта и т. п. Несмотря на такую видонзменяемость элементов кода, телеграфиан связь работает с большой устойчивостью. Это объясняется тем, что при всех видоизменениях сохраняется основное физическое различие между элементами кода, в данном случае различие в направлении тока. Очевидно, и вариантность фонем не должна снимать их физического характера. При всех изме-нениях сохраияются дифференциальные признаки фонем, которыми они противопоставлены друг другу. Задача лингвиста и состоит в строгом определении этих дифферепциальных признаков.

В кодах, построенных по комбинационному принципу, комбинационные различия играют решающую, главенствующую роль, поскольку именно посредством комбинационных различий достигается высокая степень многообразия в знаках. Сами комбинационные различия являются ре-альным физическим фактом, который может быть абстрагирован от составляющих комбинацию элементов так же, как форма круга абстрагируется от множества круглых предметов. Сопоставляя, например, следующие два ряда комбипаций

нельзя не заметить, что комбинации в каждом столбце одинаковы, несмотря на различия в элементах, и, наоборот, комбинации, расположенные в одной стороне, являются разными при тождестве составляющих элементов. Естественно, что если элементов кода мало, а кодовые знаки строятся в основном на комбинационных различиях, то и структура кода определяется прежде всего этими комбинационными различиями. С точки зрения структуры кода различия между элементами имеют лишь вспомогательное, подчиненное значение. Этот факт обусловливает относительную независимость структуры кода от используемых в нем элементов и возможность замены одних элементов другими элементами—при сохранении структуры кода. Например, в телеграфном коде Бодо вместо посылок тока разного направления в качестве элементов кода могут использоваться токовая и бестоковая посылки, посылки синусоидальных колебаний разной частоты или разной фазы и т. п.

В языковом коде возможности замены элементов в сильной степели ограничены. Язык является естественным кодом, развивающимся по своим внутренним закономерностям. Как известно, замена элементов телеграфного кода другими элементами предполагает наличие соответствующей договоренности между корреспондентами и связана с перестройкой или заменой аппаратуры. Язык является средством общения между членами больших челове ческих коллективов. Фонологическая си стема языка складывалась в процессе длительного исторического развития, поэтому замена всех фонем языка другими фонемами является неосуществимым меро-приятием. Кроме того, роль фонем в структуре языкового кода несравнимо больше, чем роль элементарных посылок в структуре телеграфиого кода, в котором имеется всего лишь два элемента. Тем не менее благодаря большой избыточности и в языке имеется возможность по крайней мере частичной замены элементов кода, которая обусловливает наличие диалектпых и индивидуальных отклонений от фонологической системы, так же как и воз-можность изменений в фонологической системе в процессе развития языка.

Понятие кода является очень щироким понятием. По существу никакая информация не может быть передана, не будучи предварительно закодированной тем или иным кодом. Коды применяются и в простейшем случае регулирования уличного движения светофором и в сложных системах сигнализации и передачи сообщений поканалам связи. С процессами кодирования связана деятельность нервных клеток и передача биологических признаков по наследству. В этом широком круге явлений изык занимает свое особое место. Спецыфика языкового кода состоит не только в исключительной сложпости его структуры, по и в особом отношении языкового знака к кодируемым объектам, в роли языка в жизни общества, в заковомерностях его исторического развития. Знание общих свойств и принципов построения кодов может номочь языковеду в исследовании специфики языка,

Литература: А.А. Харкенич, Очерки общей теории связи, М. 1955, тл. 1; Г.Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, гл. XIX и XX.

В. И. Григорьев

критика и библиография

ОБЗОРЫ

КИТАЙСКОЕ ИЗЫКОЗНАНИЕ В СССР ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

1949—1959 гг. -- примечательные годы в истории китайского языкозпания нашей стране. Советские люди, всегда с сердечным вниманием следившие за освободительной борьбой китайского народа, восторженно встретили весть о его замечательной победе. Во всех кругах нашего общества пробудился невиданный интерес ко всему, что происходит в Китае: к его материальной и духовной жизни, к его культуре и быту, к его историческим революционным преобразованиям. Все более крепнущая дружба породила небывалый спрос на кадры, способные служить взаимпому общению; молодежь энергично взялась за изучение китайского языка.

Это поставило новые залачи и перед языковедческой наукой. Стало необходымым глубже изучить язык великого соседа, обеспечить стремительно развивающуюся лингвистическую практику необходимой теоретической базой, освободить науку о китайском языке от превратных буржуазных и псевдонаучных, вульгаризаторских «теорий». Более 80 лингвистических работ (считая и фундаментальные труды, статьи по отдельным проблемам), посвященных китайскому языку, -- таков итог работы советских синологов за истекшее десятилетие. Особенно отрадно отметить, что значительная часть этого урожая снята молодежью, сформировавшейся в годы этого же десятилетия.

В кратком обзоре невозможно изложить все спорные вопросы китайского изыкознания, да, видимо, в этом и нет необходимости. Следует, однако, напомнить, что когда после победы революции в Китае во весь рост встала задача пормализации национального языка, когда появилась остран необходимость создания научно обоснованной грамматики, оказалось, что в науке о китайском языке очень мало общепризнапного, что в одни и те же термины вкладывается совершенно различное со-держание или же, наоборот, одни и те же понятия обозначаются каждым автором посвоему, что различных схем грамматической системы китайского языка почти столько жо, сколько и языковедов-синологов. Более того, почти все эти схемы строклись не на скрупулезном исследовании изыка, а на субъективных воззрениях, по заранее принятым концепциям. В этом в какой-то мере были грешны и крупцые китайские авторитеты и, в особенности иностранные авторы. Молодая лингвистическая наука Китая (а за ней и все добросовсствые исследователи за пределами страны) была выпуждена стать на единственно возможный цуть — цуть накапливания фактов, изучения объективно существующего в языке, собирания тех проверенных ком понентов, которые в совокупности дали бы возможность построить здание китайскоп грамматики. Именно этим, а не стремлецием «панести узор на парчу» объясняется обилие работ по самым разнообразным и. на первый взгляд, слишком частным вопросам. Все они были призваны обеспечить науку конкретным материалом,

Тем не менее, можно, пожалуй, выделить три узловых вопроса, вокруг которых концентрировались основные усилия: 1) природа лексической единицы китайского языка, специфика китайского слова, проблема его границ и морфологической структуры; 2) система частей речи и критерии их разграничения; 3) принцины выделения главных членов предложения как основы по-

строения научного синтаксиса.

За последнее десятилетие китайскими учеными в этом направлении проделана гигантская работа. Можно без преувеличения сказать, что по своему реальному значению она превышает то, что было что было сделано до сих пор за все время научного изучения китайского языка. Внесли в эту работу свой скромный вклад и советские языковеды.

В 1952 г. с большой статьей «О китайском языке» выступил акад. Н. И. Конрад1; на наш взгляд, эта статья носила программный харантер, Автор призывал советских китаистов, решительно освободившись от пут так называемого «нового учения» о языке, сосредоточить основное винмание на современности; изучать преждо всего национальный китайский язык, исследуя его нормы, закономерности развития; видеть язык великого народа таким, каким он является в действительно-

¹ См. Н. И. Конрад, О китайском языке, ВЯ, 1952, № 3.

сти, - развитым, совершенным языком и, не упуская из поля эрения самобытности и своеобразин китайского языка, не ув лекаться в то же время экзотикой; видеть китайское слово таким, каково опо есть, а не сквозь призму пероглифики, отказаться при этом от узко морфологических рамок индоевропеистики, шире используя понятие синтетического и аналитического формообразования; работая над грамматикой, умело использовать внутренние закономерности самого китайского языка для выявления присущих ему категорий. Как показало время, исследования наших китаистов в последующие годы проводи-

лись именно в этом направлении. Самым значительным событием в нашей китаеведческой лингвистике явился выход в свет исследований А. А. Драгунова по грамматике современного китайского языка¹. Эта работа была с живым интересом встречена и в Советском Союзе, и в Китае, где ведущий лингвистический «Чжунго юйвэнь» опубликовал перевод монографии на своих страницах. Огромное внимание, которое привлекла к себе кцига А. А. Драгупова, объясняется, конечно, и тем, что она посвящена проблеме частей речи в китайском языке, т. е. вопросу. который, как говорилось выше, занимает одно из центральных мест в современных липгвистических исследованиях. Однако главное, разумеется, в том, что автор, осудив традиционный подход к частям речи как к категориям чисто морфологическим, четко наметил пути, на которых следует искать средства для выделения частей речи в китайском языке, предложил для этого свои критерии, обосновал и построил свою оригинальную классификацию частей речи. Исследование А. А. Драгунова оказало серьезное влияцис на все последующие грамматические работы советских китаистов и значительной части китайских лингвистов, которые в той или иной степени развивают, дополняют и совершенствуют предложенные им принципы, не отвергая их по существу. В клиге А. А. Драгунова не все бесспорно ². В частности, дискуссионны правомерность дналектных сопоставлений вне конкретного исторического анализа, излишний уклон в семантику при выделении ряда частных лексико-грамматических категорий и др. Тем не менее «Исследования по грамматике современного китайского языка» уже стали настольной книгой каждого, кто работает над китайской грамматикой.

Проблеме частей речи посвящена и статья В. М. Солицева ⁵, которая в эпачитель-

¹ А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка. I.— Части речи, М.— Л., 1952. Монография
 А. А. Драгунова вышла ранее статьи
 Н. И. Конрада «О китайском языке».
 ² См. об этом например: М. К. Рум я п. пой доле подкреплена проведенным им ранее исследованием 4. Указанцая статья заслуживает особенного внимания в той ес части, где автор, излагая свое понимание морфологических признаков частей речи, пожазывает необходимость учета всей нарадитмы форм слова. В статье по-новому ставится вопрос о попятиях кория, основы и слова в китайском языке, впервые в ки таеведении формулируется проблема кон-

версии как словообразовательного средства. В 1957 г. выпла капитальная монография С. Е. Яхонтова, посвященная китайскому глаголу⁵, который, как известно, обладает развитой системой форм, богат частными грамматическими категориями. На описание свойств глагола направляли свои усилия многие исследователи китай-ского языка, однако и до сих пор в этом вопросе остается немало спорного и нерешенного. Работа Яхонтова представляет собой первую серьезную попытку дать всестороннее, систематизированное описание этой самой интересной и мпогообразной части речи китайского языка. (Следует заметить, что в китаеведческой литературе пока нет других монографий, посвященных исследованию какой-либо отдельной части речи.) Ученик Драгунова, С. Е. Яхонтов успешно пользуется его исследователь. ским методом и на доброкачественном п разнообразном маториале строит свою концепцию классификации глаголов и достаточно цельную систему его видо-времеяных категорий, в ряде случаев уточяяя выводы своего учителя. Описывая синтаксические свойства глагола, автор не мог не загронуть ряда смежных вопросов китайского спитаксиса; перед ним стоял п такой «неодолимый рубеж», как определелие критериев для выявления переходности и ненереходности глагола. Естественно, что не все выводы автора оказались достаточно аргументированцыми ^в. Однако в целом работа Яконтова является ценным вкладом в китайское языкознание, она переведена на китайский язык и включена китайскими товарищами в «Виблиотеку лингвиста», а это, па наш взгляд, высшая оценка для советского языковеда, работающего пад проблемами китайского изыка.

Большое внимание было уделено советскими лицгвистами и проблемам синтаксиса, в частности грамматическим свойствам подлежащего и критериям его отграничения от дополнения. Выше упомина-

цев, [рец. на кн.:] А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка..., «Сов. востоковедение», 955, № 4.

³ См. В. М. Солицев, Проблема частей речи в китайском языке, ВЯ, 1956,

⁴ См. его же, Проблемы слова и корня в китайском языке. Канд. диссерт., M., 1953. 5 C. E.

⁵ С. Е. Яхонтов, Категория гла-гола в китайском языке, Л., 1957. 6 См. об этом В. И. Горелов, [рец. на кн.:] С. Е. Яхонтов, Категория глагола в китайском языке, ВЯ, 1958, № 5; Е. И. Шутова, [рец. на кн.:] С. Е. Яхонтов, Категория глагола в китайском языке, «Проблемы востоковедения», 1959, № 4.

лось, что вопрос о грамматической природе подлежащего в китайском языке продолжает оставаться дискуссионным; имеющиеся концепции страдают неполнотой и односторонностью освещения. Чтобы ответить на вопрос, каким грамматическим условиям должно удовлетворять подлежащее, еще предстоит собрать и осмыслить большой фактический материал, на основе которого можно было бы дать соответствующую действительности классификацию существующих типов предложений.

Вопросу классификации простых предложений посвящена иссольшая, но глусоко содержательная статья А. А. Драгунова 1. На основе детального анализа предложений наличности и обладании в плане выявлении взаимосвязи между формально-грамматическим и актуальным членением предложения автор предлагает свою систему классификации простых предложений, которую оп, правда, не рассматривает «как нечто окопчательное и завершенное».

Со статьей Драгунова непосредственно перекликается статья Б. Л. Смирнова, исследовавшего отношения между исходным пунктом высказывании и подлежащим².

В этой работе на небольшом, но тщательно подобранном материале подтверждается важный тезис о том, что в китайском языке «подлежащее и исходный пункт совпадают хотя и очень часто, по не обязательно и не всегда» 3. В исследовании Н. В. Солицевой «О критериях определения поддежащего глагольного предложения в китайском языке» 4 дается критический анализ различных подходов к вопросу об определении подлежащего и развивается ранее предложенная ею плодотворная идея о пеобходимости выделения особого типа глагольных предложений — так называемых «предложений состояния»⁵. Видное место занимают работы М. К. Руминцева «Предложение-подлежащее в современном ки-тайском языке» (М., 1957) и «Некоторые экспериментальные данные по интонации предложений в современном китайском языке» в Обе они написаны на основе серьезного исследования автора, посвященного одному из весьма самобытных и мало взученных явлений китайской грам-

2 Б. Л. Смирнов, Подлежащее и исходный пункт высказывания в китайском языке, сб. «Вопросы корейского и китай-ского языкознания» («Уч. зап. ЛГУ», №236. Серин востоковед. наук, вып. 6), 1958.

Там же, стр. 197.

4 См. сб. «Некоторые вопросы китайской

грамматики»,

серт., М., 1953. ⁶ См. сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики».

матики — так называемому «включающему предложению» и в первую очередь подлежащему такого предложения 7. Общирный материал, подкрепленный экспериментальным исследованием, делает аргументацию и выводы автора вполне убедительными. И, наконец, в большой статье С. Е. Яхонтова «Члены предложения в китайском изыке» ⁸ предпринята попытка наметить в общих чертах систему членов предложения в целом. Правда, как пишет и сам автор, в работе учтены лишь наиболее распро-

страненные грамматические конструкции. Частным, по важным вопросам китайской грамматики, в плане того собирания фактического материала, речь о котором шла выше, посвящена целая серия работ. В пределах настоящей статьи невозможно дать каждой из них хотя бы и самую краткую характеристику. Однако даже и простой перечень паименований может в какой-то степени дать представление о широте тематики и общей направленности искаиий. Приведем лишь наиболее заметное из того, что было опубликовано за последние годы: «К вопросу о морфологической характеристике слов типа цэю, бянь, цан» В. И. Горелова⁹; «Категория состоиния в в китайском языке» И. С. Гуревич¹⁰; «Результативные глагольные образования в современном китайском языке» Т. 11. Задоенко ¹¹; «О связочных и несвязочных функциях служебных слов им и вэм в китайском языке» И. Т. Зограф 12; «Каузативная и нассивцая конструкции в китайском азыке» Т. И. Никитипой¹³; «Страдательная конструкция в китайском языке» Г. Н. Райской¹⁴; «Развитие служебного слова ба п появление инверсии прямого дополнения ба в современном китайском изыке» Н. Г. Ранинской ¹⁵; «О ды — служебном слове современного китайского языка» Ю. В. Рождественского ¹⁶; «Отпосительно роли суффиксов -цзы, эр и -тоу в современном китайском языке (К вопросу о двух формах существования слов)» В. М. Солицева ¹⁷; «Послелоги_в современном китайском языке» П. И. Типкиной 18; «К попросу о грамматической роли порядка слов в ки-тайском языке» Е.И. Шутовой¹⁹; «Классификация обстоятельства места в современном

⁷ М. К. Румянцев, Предложениеподлежащее в современном китайском языке. Канд. диссерт., М., 1954.

8 См. сб. «Вопросы корейского и китай-

ского языкознапия».

- ⁹ «Труды Воен, ин-та иностр. языков»,
- № 10, 1956. 10 Сб. «Вопросы корейского и китайского языкознания».
 - 11 «Сов. китаеводение», 1958, № 2. 12 Сб. «Вопросы корейского и китайского
- изыкознания».
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Там же.
- 15 Сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958.
 - ¹⁶ Там же.
 - ¹⁷ Там же.
- 18 Сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики».

19 «Сов. китаеведение», 1959, № 4.

¹ См. А. А. Драгунов (при участии С. Е. Яхонтова и Е. П. Драгуновой), К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка (Предложения наличности и обладания), сб. «Пекоторые вопросы китайской грамматики», М., 1957.

⁵ См. Н, Солнцева, Категория страдательного залога в современном литературном китайском языке. Канд. дис-

литературном китайском языке» С. Б. Янкивер 1; «Категория определения в китайском языке» С. Е. Яхонтова 2; «Образование сложноподчиненного предложения посредством служебных наречий в современном китайском языке» С. Е. Яхоптова в и др. Две ценные кандидатские диссертации -«Глагольная форма на -ла и некоторые проблемы вида в современном китайском языке» А. М. Цуканова (М., 1955) и «Атрибутивная функция имени существительного в современном китайском языке» Е. И. Ильмер (Л., 1955) — пока по опубликованы даже в виде отдельных статей и доступны ограниченному кругу читателей.

Разработка фонетики китайского языка представлена лишь тремя исследованиями: «Структура слога в китайском национальном языке» А. А. Драгунова и Е. Н. Драгуновой⁴, «Фовемный состав китай кого языка» И. Н. Гальцева в н «Акустическая природа словесного ударения в современном китайском языке» Н. А. Спешнева 6. Несколько работ обращено к истории наыка: «О литературном языке в Китае и Японив» Н. И. Конрада, «Способы образования сложноподчиценных предложений в древнекитайском языке» в и «Предлоги и союзы в древнекитайском языке» 9 Т. Н. Никитиной, «Принципы глагольного словообразовация в языке романа «Шуйхучжуань» М. В. Софронова¹⁰ и «Некоторые историкостатистические данные о выражения пространственных отношений в китайском языке» С. Б. Янкивер 11.

Нашей наукой сделаны первые шаги в области машинного перевода с китайского. О машинном переводе с китайского на русский язык» В. А. Воронина (М., 1958), «Грамматический анализ при машинном переводе с китайского на русский язык» его же¹², «Общие принципы машинного перевода с китайского языка» М. Б. Софронова¹⁸— таковы первые ласточки в этой самой молодой отрасли лингвистики.

Не осталась без внимания и история китаеведческой науки. Она пополнилась тремя работами. Это, во-первых, лаковичная, но написанная с большой силой статья покойного акад В. М. Алексевва «О роли русской китаистики XIX в. в лексинографин» 14. посвищения лексикографическим

* «Ізопросы филологии (сб. статей)», М.,

4 «Сов. востоковедение», 1955, № 1.

⁵ Канд. диссерт, М., 1955.

⁷ BH, 1954, № 3.

трудам выдающихся синологов В. П. Васильева и П. И. Кафарова (Палладии), также неопубликованному китайскоманьчжуро-латино-русскому словарю 3. Ф. Леонтьевского. Затем небольшая работа Н. А. Петрова «Из архивных материалов академика В. П. Васильева о китайском языке» 15, в которой освещаются новые, ранее не публиковавшиеся данные о взглядах В.П. Васильева на китайский язык. И, наконец, стоящая несколько особняком монография Ю. В. Рождественского 16, в которой автор последовательно и обстоятельно прослеживает развитие научных ваглядов на форму слова в китайском языко начиная с так называемых униворсальных грамматяк (т. е. с начала XIX в) и до наших дней. Это не просто исторический очерк. В книге хорошо показапы и сложность разбираемой проблемы, и противоречивость и несовершенство существующих систем. В этом смысле труд Рождественского, помимо чисто познавательного, имеет определенное паучное значение.

Конечно, перечисленные выше теоретические работы далеко не равноценны ни по объему, ни по научному значению, ни по квалификации авторов. Однако каждая из них — пусть саман скромная — внесла в науку о китайском изыке крупицу того вового, что будет в свое время использовано при создании обобщающих трудов.

Из работ прикладного назначения следует выделить «Учебник китайского языка» под ред Н. Н. Короткова (М., 1954), «Практическую грамматику китанского языка» В. И. Горелова (М., 1357) и «Очерки по современному китайскому языку (Введение в изучение китайского языка)» В М. Солицева (М., 1957). «Учебник китайского языка» под ред. Короткова сейчас ужу во многом устарол. Однако в течение нескольмеьбоэсп мыналибага калилай по тел хил ц ряде высших учебных заведений СССР и сыграл свою положительную роль. Особого внимания заслуживает грамматическая часть учебника, написанная И. П. Коротковым. О высоком теоретическом уроние ее говорит тот любопытный факт, что миогие из паших авторов, работающих над вопросами научной грамматики, в подкреиление своих позиций ссылаются на грамматические тозисы учебника или же, наоборот, полемизируют с ним.

«Практическая грамматика»В.И.Горелова предназначена для лиц, изучающих и преподающих китайский язык, в ней дан систематизированный курс грамматики современного китайского языка. Несмотря на сугубо практические цели, которые ставил себе автор, эта кцига не лишена научной значимости. Естественно, что обративпись к полному курсу грамматики (мор-

² «Сов. востоковедение», 1955, № 2 ³ «Уч. зап. Ин-та востоковедения (АН СССР)», т. IV. М., 1952,

⁶ Сб. «Вопросы корейского и китайского языкознания».

⁸ Сб. «Вопросы корейского и китайского изыкознания».

⁹ «Проблемы востоковедсици», 1954, № 4. 10 «Сов. во токоведение», 1957, № 3.

^{11 -} Сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока».

^{12 «}Сборник статей по машинному переnoτy», M., 1958. ¹⁹ BH, 1958, № 2.

^{14 «}Краткие сообщения Ип-та востоковедения [AH CCCP]», XVIII, 1956 15 Там же, XVI, 1955.

¹⁸ Ю. В. Рождественский, Попятие формы слова в истории грамматики китайского языка. Очерки по истории китаеведения, М., 1958.

фология, свитакене простого и сложного предложения), В.И. Горелов не имел возможпости подкрепить собственным исследованием все разделы работы, однако изложение материала в книге, поскольку это возможно в учебном пособии, дается с учетом последних достижений китайской лингвистики, а во многих случаях является втогом наблюдений самого автора. Навбольший интерес представляет вторая часть, где автор впервые в китаеведении дает подробный перечень и классификацию различных типов сложного предложения.

«Очерки по современному китайскому языку» В. М. Солицева являются обзорной работой, цель которой — кратко осветить основные проблемы современного языка, познакомить читателя с известной суммой теоретических и практических сведений. Автор не уходят от сложных и спорных проблем науки, он старается популярно изложить их сущность, демонстрируя воззрения различных ученых и во многих случаях высказывая собственные соображения по освещаемым проблемам. В этом больщое достоинство «Очерков». Отдельные разделы книги написаны песколько схематично, что, впрочем, легко попять есля учесть обзорный характер работы.

Большим достижением нашей лексикографии следует счигать «Китайско-русский словарь» под ред. проф. И. М. Ошалина, вышедший двумя изданиями в СССР (1952 и 1955 гг.) и отдельным изданием в Китае. Этот словарь, содержащий болес 70 тыс. слов и выражений, полностью вытеснил со столов наших китанстов не только верой и правдой послуживший «Краткий китайско-русский словарь» В. С. Колоколова (М., 1935), но и китайско-английские словари. О. Цзэна и К. Мэтьюса. Сейчас коллектив лексикографов под руководством И. М. Ошанина трудится над созданием большого мпоготомного китайско-русского словари, одной из задач которого будет охватить всю лексику таких монументальных китайских одпоязычных словарей. «Гоюй дацыдянь», «Цыхай» и «Цыюань».

В 1951 г. вышло в свет 1-е издание «Русчэнь чан-хао, ско-китайского словаря» А. Г. Дубровского и А. В. Котова. Это перный советский русско-китайский словарь. Небольшой по объему (всего около 26 тыс слов), по построенный на современпой лексике и снабженный краткими илдюстрациями, словарь оказался необходимейним пособием как для наших китапстов, так, в особенности, и для китайских товарищей: он выдержал три издания в СССР и несколько изданий в Китае.

Несколько слов об учебниках для самых юных китаистов. Как известно, за последцие годы в ряде школ Советского Союза введено преподавание китайского языка. В Москве, Киеве, Алма-Ате и других городах вышли (пока, правда, липь в стек-пографии) первые советские учебники для детей. Из них хочется выделить «Учебник китайского языка для 2-го класса» Н. А. Ковтун и Лю Фэн-лань, написанный на оспова недавно принятого китайского алфавита и дающий оригинальное методическое

решение проблеме осмысленного усвоения системы «тонов» китайской речн. Типографское издание учебника подготавливается Учпедгизом. Рождение первых учебников для детей — радостное и большое событие, значение которого трудно переоцепить.

Наконец, очень коротко о значительной, по пока, нам думается, недостаточной работе, которая была проделана в области ознакомления советской лингвистической общественности с трудами китайских ученых. В русском переводе с примечаниями А. А. Драгунова была издана работа проф. Ван Ляо-и «Основы китайской грамматики» (М., 1954). В печати находится известный трехтомный труд проф. Люй Шу-сяна «Очерк китайской грамматики», перевод которого выполнен под ред И. М. Ошанкна. Опубликованы отдельные статьи и доклады У Юй-чжана, Ло Чан-пэя, Люй Шу-сяна, Гао Мин-кая, Сюй Го-чжана, Вэнъ Лянь, Ху Фу и других видных лингвистов Китая, Работа китайских ученых над проблемами реформы письменности и нормализации языка, вызывающими глубокий интерес советской научной общественности, а также над частными вопросами китайского яыкознапия освещалась в обворах и сообщениях И. М. Ошавина, Н. Н. Короткова, Г. П Сердюченко, Б. Г. Мудрова и ряда других авторов. Нельзя, однако, не отметить, что перевод, рецензирование и аннотирование непрерывно обогащающейся китайской лингвистической заняли в нашей литературы еще не работе должного места.

Широк и разпообразен круг проблем, которыми занимались советские китансты за истекшее десятилетие. Возрос размах работы, появились свежие силы. Думается, что мы вправе говорить о наступлении вового этапа в развитии советской китаеведной лингвистики, об этапе, который характеризуется не только количественным, по и — что особенио важно — качественным изменением самого содержания научной работы. Если ранее эта работа, за исключением трудов двух-трех наиболсе крупных синологов, ограничивалась обеспечением учебно-практических и популяризаторских задач, то теперь в ней видное место занимают и научно-теоретические исследования. Верным является и направление этих исследований: во-первых, внимание наших языковедов было сосредоточено на современности, на изучении живого языка и, во-вторых, они охотно откликались на актуальные вопросы, волновавшие их китайских коллег, стараясь внести скромную лепту в большую работу, которая ведется китайскими учеными с целью изучения и пормализации родного языка.

С другой стороны, надо со всей прямотой заявить, что достигнутым советские китаеведы прежде всего обязаны содружеству с китайской наукой, неутомимой работе слоих китайских друзей, тем большим достижениям, которыми лингвисты Китая встретили радостный праздник — 10-летие Китайской Народной Республики.

Б. С. Испенко

Т. И. Ломтея. Основы синтаксиса современного русского языка.— М., Учиедаля, 1958. 166 стр.

Всеми работающими в области синтаксиса русского языка живо ощущается необходимость коренного пересмотра основных положений этой пауки. Выход в свет за последние годы нескольких специальных работ по русскому синтаксису1, так или иначе разрешающих отдельные синтаксические проблемы, вместе с тем наглядно показал, насколько спорно их разрешение - касается ли это учения о словосочетании, вопроса о второстепенных членах предложения, теории простого и сложного предложения или других Поэтому попитен тот интерес, который вызвала работа Т. П. Ломтева «Основы синтаксиса современного русского языка», где автором ставятся основные вопросы синтаксиса и делается серьезнаи попытка

их разрешения.

Т. П. Ломтев не кладет в основу своей синтаксической теории то или иное из существующих в этой науке направлений. Стараясь быть свободным от влияния каких-либо грамматических школ, он стре-мится построить такую теорию русского синтаксиса, которая соответствовала бы основным глосеологическим принципам философского материализма. Последний, указывает автор, исходит из предпосылки, что «наука познает субстанцию явлений, объективными свойствами которых определяются их соотношения между собой» (стр. 7). А «субстанцией синтаксических явлений выступает то, для чего они служат в процессе обмена мыслями и что дает им жизнь как фактам языка» (стр. 8); «...синтаксические единицы неразрывно связаны с слиницами сообщения..., природа синтаксического факта зависит от назначения его в акте мысли в качестве единицы сообщения в процессе обмена мыслями» (стр. 8).

Автор упрекает сторонников как «логического», так и «формального» направления в синтаксисе в том, что, стремись к познанию суппости, или субстанции, сиптаксических явлений, они усматривают их «в разных несинтаксических явлениях» (стр. 3). Лингвист-материалист должен изучать не отдельные языковые факты: целью лингвистического исследования явлиется познание объективных свойств резыка том выка и их соотношений, т. е. системы языка. Система же языка

не за пределами се реализации, а в самом языковом процессе как выражевие закономерных связей элементов языка. «Познание сущности явлений данного лингистического ряда невозможно без выхода за пределы этого ряда» (стр. 7). Так, субстанцию элементарной морфологической единицы следует усматривать в структурной модели слова, субстанцию слова (точнее, словесной формы) — в элементарной синтаксической единицы элементарной синтаксической сдиницы в позиционной модели предложения.

Автор упрекает представителей «традиционного» языкознавия в том что они, «скорее не полимавшие, чем отрицавшие роль понятия системы языка в лингвистических исследованиях, изучали синтаксические явления в порядке непосредственного наблюдения, с помощью языкового чутья: они делали умозаключения об отдельном элементе языка с недостаточным учетом его связей и соотношений с другими элементами языка. Практически ови ограничивались отдельным контекстом. данным в испосредственном наблюдении» (стр. 9). Этим объяспяется, по мнению автора, то, что «исследователь этого направлевия» признавал наличие в предложении Иошел дождь, и я возвратил ся домой причинно-следственных отношений между его частями. По мпению автора, «основным способом изучения синтаксических фактов является познавие их системных отношений в историческом развитии в связи с их назвачением в процессе взаимопонимания» (стр. 11).

Т. П. Ломтев считает, что «в настоящее время наиболее актуальное имеет противопоставление гносеологических концепций в языкознании, основанных на теории познания логического позитивизма, и диалектического материализма» (стр. 12). Решительно отвергая положение сторонников логического позитивизма, лежащего в основе лингвистического направления, которое известно под названием структурализма, о том, что факты должны рассматриваться только в одном однородном ряду, автор утверждает, что «теория, объясняющая те или другие лингвистические явления, не может опираться на гомогенный ряд этих явлений» (стр. 14). В частности, «грамматическая теория, чтобы объяснить грамматические явления, должиа опираться не на гомогенный грамматический ряд, а на такое внутрение противоречивое единство, в котором грамматические явления представляли бы только одну сторону этого единства» (там же). Согласно тому же принципу, и «синтаксическая теория должна опираться на такое единство, в котором синтаксический ряд должен представлять только одму сторону этого единства» (там же). Эта «одна сторона» — материальная сторона лингвистической единицы, «другая» сторона — «сущность» ее. «Познание сущности лингвистических единиц осуществ ляется путем истолнования данного явления в терминах и понятиях высшего плана» (стр. 15) — плана сообщения,

Каковы же основные синтаксические

¹ См.: «Грамматика русского языка», т. П., ч. 1 и 2, М., Изд-во АН СССР, 1954; «Современный русский язык. Синтаксис», Изд-во МГУ, 1957 [обл.1958]; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис, М., 1958; «Исследования по синтаксису русского литературного языка. Сб. статей», М., Изд-во АН СССР, 1956. Следует отметить также некоторые ноные работы по синтаксису других славянских языков, например: «Дослідження з синтаксису українскої мови», Київ, 1958; Г. Кореспу, Základy české skladby, Praha, 1958.

единицы и как они должны быть определены в отношении материальной их стороны и их сущности? Их две: 1) элеменсинтаксическая едикица — позиция, занимаемая той или иной «словесной формой»; материальным ее воплощением является «словесная форма», сущностью се — единица сообщения; 2) высшая синтаксическая едипица — предложение; его материальным воплощением является структура позиций, занимаемых в нем даннычи «словесными формами». На вопрос о том, что является сущностью предложения, мы примого ответа не находим, а на стр 43 читаем, что «со стороны своего назначения в акте общения оно — результат творческой деятельности, а не воспроизведение» готолых едипиц, каковым является его структурная модель.

Таковы, в очень сжатом изложении, исходные теоретические предносылки автора, на которых далее строится синтаксическая система современного русского языка. Можно ли считать эти предносылки бесспорными и достаточными для разрешения задачи, поставленной перед собой

автором?

Хотя в начале книги нигде нет прямого указания на предмет синтаксиса, но из всего, что говорится в вводных главах, можно заключить, что синтаксис - это учение о синтаксических единицах. Высшей синтаксической единицей автор считает предложени<u>с,</u> давая ему следующее «Предложение, состоящее из разных словесных форм, представляет собой структуру позиций, которые запимают в нем данные словесные формы» (стр. 44). Низшей, или элементарной, синтаксической единицей автор считает позиционное звено предложения, запимаемое той или иной словесной формой. Словесной формой, по определению автора, является «единица впутрисловесного противопоставления, т. е. единица парадигматического отношения внутри одного отдельного слова» (стр. 17),

Т П. Ломтев неоднократно и категорически отвергает положение о том, что одним из объектов синтаксического исследования являются члены предложения, обосновыван это тем, что «член предложения - смысловая, а не лингвистическая и тем самым не сиптаксическая единица» (стр. 29). Можно согласиться в этом с автором, если иметь в виду то, как учение о второстеченных членах предлежения обычно излагается в синтаксических работах по русскому и другим языкам вплоть до настоящего времени 1. Но если под членами предложения разуметь те «словесные формы», которые в своей совокупности образуют «позиционную предложения, то почему бы не пользоваться этим более простым и общепонятным термином? Это означало бы, что предметом синтаксиса является учение о предложении и его члепах.

¹ Бритическое рассмотрение этого вопроса см в моей статье «К учению о второстепенных членах предложения в русском языке», ВЯ, 1957, № 2.

Автор возражает также против того. что синтанене должен заниматься учением о словосочетаниях, пеоднократно мотивируя свою точку арения тем, что у сторон ников такого понимания предмета синтаксиса все дело сводится к инвентаризации разных типов словосочетаний по морфологическим признакам членов словосочетания и к указанию грамматических значений словосочетаний. Можно и в этом случае согласиться с автором, если иметь в виду такой метод описания (впервые примененный в нашей синтаксической литературе М. Н. Петерсовом²), когда, например, «впачение» словосочетания шить млотом формулируется как «действие и орудие или средство, при помощи которого оно совершается», а ночью сделалась такам тревога - как «действие и время, оно совершается» (стр. 82) и т. п. Но если подойти к словосочетанию (имеются в ы:ду так называемые свободные словосочетания а не лексикализованные, как, па пример, железная дорога) как к объединевию знаменательных слов в одно синта ксическое целое по правилам, установившимся в давном языке, и изучать с и птаксические отношения между его членами, т. е. отношения между ними как определенными частями речи в определенных формах, то такое изучение ис может не быть предметом синтаксиса

По существу все учение о позициях словесных форм в структуре предложения, содержащееся в рецензируемой клигс. представляет собою не что иное, как учение о словосочетавиях - в одних случаях в их отношении к предложению, в других — вне их отношения. В самом деле, когда автор, критикуя положение дескриптивистов (конкретно имеется в виду Глисон, автор «Введения в дескриптивную лингвистику») о «непосредственно составляющих», утверждает, что морфема имеет свое назначение в слове, а словесная форма — в предложении (стр. 28), то он явно обходит важное звено между словом и предложением — словосочетанис. То же — когда он рассматривает отдельные словосочетания, например стр 31; он здесь пишет: «Словосочетание читал книгу состоит из двух форм, каждан из которых имеет свое особое назначение в предложении: первая обозначает дей-ствие, а вторая — объект, на который переходит это действие». Но разве чита з вишеу — предложение? И с точки зрения синтаксических отношений между эленами данного и подобных словосочетаний, да и таких словосочетаний, как он читает (приводимого тут же), несущественно, являются они или не являются предложе ниями, этот вопрос — другого рода, он относится к учению о предложения, которое может представлять по своему составу и словосочетание, и объединение словосочетаний, но также и одно слово

Говоря о том, что, «определив одии поинционные звенья структуры предложа-

² См. М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, М.— П., 1923.

ция, мы тем самым предопределяем характер других звеньев позиционной структуры того же предложения» (это положение развито подробно на стр. 44-46), автор оговаривается, что «не все отдельные словссные формы могут предполагать модели предложения. Так, атрибутивные части речи входят только в атрибутивные словосочетания и могут предполагать только модель атрибутивного словосочетания, а не предложения». Это, конечно, верно, но верно и то, что, сказав, например, *пода*рил игрушку (словосочетание, а не предтожение) и дополнив это высказывание еловом сыну (потому что употребили глагол подарить), мы все еще остаемся в сфере словосочетания: наряду с подарил игруш- $\iota \eta$ образуем новое словосочетание $no\partial a$ рил сыну.

Таким образом, приходится констатировать, что автор, неосновательно отвергнув учение о словосочетании как один из объектов синтаксического исследования, сам фактически занимается проблемой слоносочетания, но бе системы, не различая при этом предложения и словосочетания.

Обратимся к главному положению книии. Упрекая представителей «логического» и «формального» паправлений в грамманике в том, что они при истолковании синпоксических фактов выходили за пределы синтаксического ряда, автор, как в этом петрудно убедиться, и сам выходит за пределы грамматики, когда доходит до анализа предложения. В самом деле, если, отыскивая субстанцию «высшей фонетической единицы» — фонемы, он находит ее в ничшей морфологической единице морфеме, а отыскивая субстанцию высшей морфологической единицы — словесной формы, он находит ее в элементарной синтаксической единице - позиции ной формы в структуре предложения, то где он могкет рассчитывать отыскать субстанцию высшей синтаксической единицы — предложения?

Стави перед собой этот вопрос, автор иншет: «Сущность его (предложения. -1. ///) может быть познана только через высший плац Необходимо установить, что следует за предложением как коммуникативной единицей (стр. 53). Ясно, что опысиний илан», о котором идет речь, леэлит уже за пределами грамматики, так как предложение является высшей грамматической единицей. И вот что мы читаем тут же: «План сообщаемого должен быть квалифицирован как сторона более широкого единства, и должна быть указана тругая сторона (т. е. субстанция, сущность, пазначение. — А. Ш.) этого единства. Такой стороной является категориальная сторона единиц сообщения, т. е. логическая структура, куда входят такие понигия, как субъект, предикат, объект, атрибут и т п ». Иначе говоря, предложение «упирается» здесь в суждение с его субъектом и предикатом, а заодно (чего уже логика не внает) и в понятие объекта, атрибута, обстоятельства. И получается, что. проделав довольно сдожный путь рассужјении, автор пришел все к тем же попятийным категориям, которые характеризуют так называемую логическую грамматику. А если присоединить к этому то, что автор фактически занимается и анализом словосочетаний, в которых его интересуют лексико-синтаксические функции (по его терминологии, позиции) подчиненных членов, то вся излагасмая им теория оказывается эклектичной и не открывающей новых горизонтов в синтаксической науке.

Эклектизм основных положений книги не мог не сказаться и на разработке частных проблем, и на определении важнейших синтаксических понятий. Останов-

люсь лишь на некоторых.

1. Т. П. Ломтев правомерно ставит вопрос о том, что одна и таже словесная форма подчиненного члена словосочетания при одном и том же подчиняющем члене может выполнять не одну, а различные функции (по терминологии автора, занимать различные позицпи). Так, одна и та же форма твор, падежа в одном случае обоаначает время (ср. писал днем), в другом орудие (ср. писал пером) (стр. 48). Указывается, что причиной этого являются различия в лексико-грамматических значениях существительных. Это верно: день обозначает временное понятие, а перо предмет, могущий быть орудием действия. Но здесь нет никакого различия в грамматической стороне этих слов, ведь «словесная форма» у них одна и та же. Вслед за этим рассматриваются и сравниваются словосочетания ночернел от колоти и черный от колоти (стр. 49). В первом из них подчиняющий член выражен глаголом (почернея), во втором — прилагательным (черный), т. е. разными частями речи, а подчиненные члены обоих словосочетаний -- одним и тем же предложнопадежным сочетанием (от колоти)

Автор утверждает, что это предложнопадежное сочетание представляет собою «две разные синтаксические единицы, так как оно в двух случаях употребляется при разных частях речи» (стр. 49). Здесь, **п**о его мнению, решающую роль играют не дексические значения слов, образующих словосочегания, а грамматические формы подчиняющего члена. Автор пишет: «При глаголе почернея это сочетание указывает на то, что копоть является причиной того действия, которое обозначено глаголом. При имени прилагательном черный оно указывает на то, что коноть является источником качества которое обозначено именем прилагательным» (стр. если принять во внимание, что почернел означает «приобрел качество, именуемое черный», то разве нельзя и в первом случае признать, что копоть является и смонинрот качества, приобретенного наоборот, во втором — прикем-то. и, знать, что копоть является причиной чьей-то черноты? Таким образом, различие, устанавливаемое здесь автором, не что иное, как игра словами «причина» и «источник». Между тем от лексических

различий слов, образующих словосочетания, как это мы видели в примерах писал днем и писал пером и как можем видеть во многих других подобных, действительно зависят «позиция» тех или иных членов словосочетаний (орудие, время, пространство и пр.). Эти «позиции», иначе функции, потенциально заключены уже в самом лексическом значении слова, взятого в определенной форме, и лишь проявдяются в словосочетании, где данное слово вступает в связь с другим словом, имеющим то или иное лексическое значение и также взятым в определенной форме. При этом в одних случаях решающее значение имеют лексическое значение и грамматическая форма только подчиненного члена словосочетания, в других — лексическое значение и грамматическая форма обоих членов Примером для случаев первого рода могут служить уже рассматривавшиеся словосочетания писал днем и писал пером, для случаев второго рода -приведенные автором, но неправильно им истолкованные проработал всю ночь в проработал всю главу: здесь дексические различия не только в словах ночь в глава, но и в подчиняющих члевах — омонимах (проработал), которые автор почему-то считает одним и тем же глаголом.

Очень важно отметить, что когда речь идет о позициях словесных форм в слово сочетаниях, то фактически имеются в виду функции подчиненных членов. Когда, например, подчиненным членом словосочеташия является прилагательное, согласованпое с подчиняющим членом - существительным, опо всегда, совершенно независимо от его лексического значения, указывает на признак предмета, обозначенного существительным. Когда подчиненным членом словосочетания является глагол в «спряглемой» форме, относящийся к существительному в им. надеже, он всегда, пезависимо от его лексического значения, обозначает «действие», производимое предметом, который назван существительным. Иное дело - в словосочетаниях с подчинеяными членами — именами в косвенных падежах без предлогов и с предлогами, с на речиями и деепричастиями.

Но если позиция словесной формы определяется не только формой соответствующего слова, но и лексическим его значением, то необходимо установить определениые классы или разряды этих лексических значений. Лишь при этом условии возможно отыскать какие-то закономерности в области «занимания» членом словосочетания той или иной «позиции» в структуре последнего, иначе перед нами будет бесконечное количество слов - каждое со своим индивидуальным лексическим зпачением, — а закономерностей никаких установить не удастся. Автор временами приближается к постановке этой проблемы, однако не указывает путей ее разрешения Так, на стр. 52 он пишет: «Лексико-грамматические свойства слов (уместисе было бы говорить особо о лексических «свойствах» слов.— A. U.) представляют собой свойства разрядов слов.

Они выявляются категориальным, а не индивидуальным противопоставлением: противопоставление белеть и белить, чернеть и чернить, синеть и синить является объективным фактом, не зависящим от синтаксиса». В сноске к этому месту говорится, что ряд *белеть*, чернеть, си-неть «включает глаголы, обозначающие изменение предмета (объекта) по признаку, указанному корневой морфемей глагола», а ряд белить, чернить, синить — «глаголы, обозначающие изменение предмета (субъекта) по тому же признаку» 1. Но ведь эта попытка классифицировать глаголы по лексическому значению охватывает очень незначительное количество слов. Существуют, как известно, еще некоторые небольшие по лексическому составу классы: глаголы «движения», глаголы «говорения», глаголы «восприятия» и т. п., однако значительное большинство глаголов остается вне какой-либо классификации. Что касается существительных, то вряд ли вообще возможна такая классификация их по лексическим значениям, которая могла бы быть использована для построения системы «позиций» словесных форм в структуре словосочетания.

Гораздо важнее, однако, разобраться в основном вопросе: являются ли все такие намечаемые автором «позиции», как «орудие», «время», «причина» и подобные им, подлинно си нтакси чески м и? Все, правда, зависит от того что считать предметом спитансиса, а на этот вопрос. как уже сказано выше, мы прямого и точного ответа в рецензируемой книге не находим. Признавая, что в словосочеганим писал пером и подобных словесная форма пером занимает позицию «орудия», а в словосочетании любовался пером та же словесная форма занимает позицию «делиберативного объекта», автор в конечном счете оказывается стоящим на той же позиции, что и осуждаемые им составителя соответствующих разделов «Синтаксис» русского языка» АН СССР и «Синтаксиса» МГУ. Еще отчетливее выступает «несинтаксичность» признания того, что позы-цию «времени», «места» и т. п. запимаюч в структуре словосочетация такие наречия. как вчера, рано, далеко, рядом и подобиыс им, являющиеся словами «бесформенными» со значениями временными, пространственными и т. п. Как бы мы ци формулировали свою мысль относительно словосочетаний типа *уехал вчера, уехал далекс* и т. п., - скажем ли, что здесь временные, пространственные и т. п отношения, или что вчера, далеко выполняют временные или пространственные функции, или что словесные формы счера, далеко пт. п. занимают позицию времени, места и т п., - все равно инчего синтаксического в этих формулировках не будет Другое дело, что такие слова, как вчера, далеко и им подобные (т. е. наречия), как $yxo\partial x$, приблизившись и т. Π .

¹ Здесь, по-видимому, ощибка по недосмотру автора: в первом случае кужно было сказать «субъекта», а во втором — «объекта».

(т. с. деспричастия), как писать, заплести (т. с. инфинитивы), могут образовать — в качестве подчиненных членов — словосочетания тольно со словами, припадлежащими к тем, а не к иным частям речи. Но это особая проблема, пограничная между лексикой и синтаксисом, — проблема, ожидающая своей постановки и разрешения применительно к русскому и многим другим языкам.

2. Третьи глава книги посвящена некоторым общим вопросам синтаксической структуры предложения. Прежде всего здесь обращает на себя внимание, как и в предыдущих главах, неразличение того, что относится собственно к предложению и что относится к словосочетанию. И в определениях зависимых и независимых повиций словесных форм, и в определениях нетождественных и тождественных позиций, и в целом ряде других случаев автор оперирует словосочетаниями и членами словосочетаний, а не предложениями и членами предложений. Что касается существа содержания этой главы, то естественно желание выяснить, что в ней пового и оригинального по сравнению с традиционным синтаксисом,

Деление позиций словесных форм на зависимые и независимые — это то же, что деление членов словосочетания на иодчиненные и подчиняющие. Автор устанавливает деление словесных форм на тождественные и негождественные. Одинаковые словесные формы, обслуживающие разные части речи, занимают нетождественные позиции; так, например, в словосочетаниях бились под Сталинградом и битеа под Сталинградом предложно-надежное сочетание под Сталинградом занимает нетождественные позиции, Зависимые позиции словесных форм, не являющихся разными формами одного слова, могут быть нетождественными и тожде-ственными. Так, от дочери и для дочери в словосочетаниях (автор в данном и других подобных случаях употребляет не термин «словосочетание», а слово «выраже-ние» - конечно, менее точное) подарок от дочери и подарок для дочери, с его точки зрения, завимают нетождественные позиции, а словесные формы дочери и дочерии в словосочетаниях платок дочери и дочерии платок занимают тождественные позиции. Пет никакой возможности изложить здесь — даже вкратце — содержание всего этого раздела, по уже из приведенного ясно, что под тождественными и петождественными пикипивоп скрывается вс что иное, как учение о членах предложения в его традиционном содержании.

Раздел «Однородные и неоднородные позиции словесных форм» в основном своем содержании ничем не отличается от обычного учения об однородных членах предложения. Ср. начало этого раздела: «Словесные формы, не связанные между собой (иначе — не образующие словосочетания.— А. Ш.), образуют группу, если каждая из них относится к одной особой словесвой форме. Позиции группы словесных форм являются о д н о р о д и ыми и, если каждая из этпх словесных форм связана с одной словесной формой, не находящейся в данной группе, и если каждая из инх имеет к ней одинаковое отношение, например они чипали книги, газеты, журналы» (стр. 72—73) Чем эта формулировка отличается по содержанию от следующей, значительно более простой: «Знаменательные слова, не образующие словосочетаний, образуют группу, если каждое из них связано с знаменательных словом, не входящим в данную группу, и имеет к нему одинаковое отношение»?

Раздел «Полнозначные и неполнознач ные позиции словесных форм» содержит в себе обычное деление слов на знаменательные и служебные, или, по Фортупа тову, на полные и частичные. И самые признаки, характеризующие слова того и другого разряда, ничего нового собою не представляют. Но здесь недоумение вызывает то, что предлоги и союзы именуются, наряду со словами знаменательными, словесными формами. Это никак пе согласуется с приведенным выше определением словесной формы и сводит на вет самое это понятие, представляющее собою известную ценность среди других синтаксических понятий, которыми автор оперирует в данной книге. Всдь ни о каком внутрипарадигматическом противопостав лении по отношению к предлогам, союзам. многим наречиям (например, *впредъ, се*годня, навзничь), частицам и т. ц. не может быть речи, следовательно, ови — не словесные формы. Словесные формы, таким образом, становятся дублетом к термину «слово»,

Раздел «Главные и второстепенные позиции словесных форм» содержит в себе традиционное учение о главных и второсте-

пенных члепах предложения.

3. Четвертая глава книги, именуеман «Классы полнозначных позиций словесных форм в позиционной структуре предложения» — это по существу учение о членах предложения, главных и второсте ченных. Здесь уже отчетливо устанавливается соответствие между членами пред ложения и членами логического суждения. Вот что мы читаем на стр. 79: «Наука о языке испычывает в настоящее времи острую потребность в установлении правильных отношений области синтансических исследований к области учении о субъекте и предикате... Традиционцая грамматика признает наличие членов суждения также в предложении... 1. Было обращено випиание на то, что члены суждения — субъект и предикат — имеют общечеловеческий характер; структура суждения одинакова у всех народов; между тем словосочетания, выражающие суждение и его члены, разные в разпых языках... Структура членов суждения дейках... Структура членов суждения дей-ствительно имеет общечеловеческий характер. Грамматические же средства л каждом национальном языке самобытны

¹ Это утверждение, выражениее и такой общей и категоряческой форме, врид як соответствует действительности.

Однако грамматические средства служат пе сами для себя, а для обмена мыслями в цедях достижения взаимопонимания. Если единство субъекта и предиката представляет собой модель суждения, или выражения определенной мысли, то она не чожет быть безразличной для характера тех позиций, которые занимают в предложении отдельные словесные формы». И в конце копцов получается, как и в «логической» грамматике, что подлежащее соотвстствует (по терминологии автора, «соотносится») субъекту, а сказуемос — пре-,(икату логического суждения, Ср.: «Грамчатические функции словесных форм в позиции сказуемого заключаются в соотнесении с предикатом... Грамматические функции словесных форм в позиции подлежащего заключаются в соотпессиии с субъектом...» (стр. 79).

Нисколько не меняют существа дела и дальнейшие рассуждения автора о том, что субьект и предикат не нвляются единицами сообщения, так как они — не лингвистические, а логические понития; что единицами сообщения являются поллежащее и сказуемое: ведь и в «логической» грамматике субъект и предикат не считались членами предложения а членами предложения (в данном случае подлежащим и сказуемым) считались с л о в а, выражавшие субъект и предикат логического суждения.

Вслед за вопросом о подлежащем и сказуемом рассматриваются, под углом арения соотношения с последними, разные виды односоставных предложений. Автор анализирует бездичные, обобщенио-личные и неопределенно-личные предложешия, исходя из предпосылки, что все эти виды предложений могут быть осмыслены только на фоне повествовательных двусоставных предложений. Поэтому главные члены односоставных предложений он считает в одних случаях сказуемыми (например, градом побило рожь, просят не подлежащими. Хотя вопросительные и восклицательные предложения и не выражают догического суждения, они также содержат в своем составе подлежащее и сказуемое, так нак «само их функционирование исходит из предпосылки наличия повествовательных двусоставных предложений» (стр. 84—85). Конечно, все это

очень спорно и вряд ли приемлемо.
Остальная часть данного раздела, в колорой рассматриваются приглагольные, присубстантивные и приадъективные позиции словесных форм, представляет собой анализ словосочетаний, в которых подчиняющим членом являются либо глагол, либо существительное. Ничего нового по существу, по сравнению, например, с соответствующими разделами «академического» синтаксиса, здесь нет. На отдельных спорных или явпо неверных утверждениих автора останавливаться пет ни возможности, ни особой надобности.

4. Глава пятая посвящена классам исполнозначных позиций, иначе говоря служебным словам. По сравнению с традиционным сиптаксисом здесь служебных слов больше: прибавлены корреляты и сюда же отнесены вводные слова. В отношении предлогов, союзов, частиц и свявок пичего оригинального и пового нет, если, конечно, не считать формулировок, иногда только громоздких, иногда же просто непонятных. Пример громоздкой формулировки: «Назначение словесных форм и позиции предлогов заключается в том, чтобы указывать зависимые позиции субстантивных словесных форм при словесных формах в независимой позиции» (стр. 106). Это означает: «Предлог указывает на отношение между подчиненным членом словосочстания, выраженным существительным, и подчиняющим членом того же словосочетания». Пример формулировки, которую трудно понять (даже тому, кто прочитал предшествующие страницы книги): «Папомийм, что разные полнозначные позиции занимают разные формы одного слова только по отношению к словесным формам в независимых позициях, но по отношению к словесным формам в зависимых позициях они сохраняют тождество нозиций, ср. вижу сестру Петра, нет сестры Петра, занят сестрой Петра. Тождество этих нозиций объясняется тем, что все указанные формы явдяются формами одного слова» (стр. 110). Что поясняют приведенные примеры? Очевидно, имеются в виду формы сестру, сестры, Эти три слова относятся соответственно к словам вижу, нет, занят, которые, согласно сказанному в первом разделе главы третьей (стр. 67), являются словесными формами в независимых позициях и, следовательно, «занимают развые полнозначные позиции». Почему же автор утверждает, что в данном случае эти формы заиямают тождественные позиции? Если он считает, что тождество позиций объясияется тем, что эти трп формы слова сестра относятся к одпому и тому же слову Петра, занимающему зависимую повицию, то он глубоко заблуждается, так как в тождественных словосочетаних формы слова сестра являются не подчиненными, а подчиниющими членами, - в таком случае автор придает слову «относятся» иное, по сравнению с принятым в синтаксисе, значение и тем самым запутывает читателя.

Очень сомпительно различение местоимения то (имеющего обобщающее значевис) в таких предложениях, как Пропало то, что осталось от отца или Видели то, что осталось от отца, и формы местоимения тот и та в предложениях типа Я тот, кого никто не любит, Я та, которан все энает. Автор считает, что в предложениях первого типа то не может рассматриваться как подлежащее или дополнение, так как последние являются единицами сообщения (если бы на месте то было добро, то оно, как слово с конкрет пым лексическим значением, было бы еди ницей сообщения и, тем самым, - подле жащим или дополнением); роль же место имения то как слова, не имеющего кон кретного значения, сводится только к ука

занию, какое положение придаточног занимает при глаголе главного предложения (в приведенных примсрах, очевидно,положение придаточного подлежащного и придаточного дополнительного). Это то автор считает «словесной формой в неполнозначной позиции» (иначе — служебным словом). Но ведь свойство всякого местоимения — только у казывать на предмет или на признак. В одних случаях мсстоимения тот, та, то могут иметь более обобщенный, в других менее обобщенный характер; будучи субстантивированы, они могут указывать как на неодушевленные предметы, так и на одушевленные (это относится главным образом к формам мужского и женского рода и к форме ми. числа, хотя одушевленность возможна и при среднем роде, например: То, что меня укусило, оказалось обыкновенным компром). Тот факт, что *то*, которое автор считает коррелятом, может опускаться, сам по себе еще инчего не доказывает: во-первых, это возможно далеко не во всех случаях (о чем п говорится на стр. 115); во-вторых, при известных условиях возможно опущение указательных местоимений тот, та, то, которые автор не считает коррелятами (ср : Кто все знал, уехал; Кому ис правится, может угодить; Уходите, кому Таким образом, учение о не нравится) коррелятах в том виде, как оно трактуется автором, лишено серьезного основания.

Учение о «вводных выражениях» по существу начем не отличается от традиционного положения, что вводные слова не являются членами предложения. а вводные предложения — составными частями сложных предложений. То же можно сказать и о четырех функциях вводных слов и предложений, устанавливаемых автором; эти функции полностью совпадают с теми, на которые указывает Пешковский (они приведены на стр. 119), с одной ляшь чисто внешней развицей: у Пешковского две функции объединены общей формулировкой.

 Следующие главы — пестая и седьмая — посвящены двум темам: типам простых предложений и некоторым особым конструкциям, входящим в состав простого предложения. Терминологии автокак и в других главах, более сложняя: «Позиционные модели простого предложения по составу позиций» (гл. VI) и «Позиции особых конструкций в позиционной структуре предложения» (гл. VII). В первой из этих глав находим следующие тины предложений: распространенные и нераспространенные, слитные и исслитные. Указанные классификации основаны на рас-смотрении приводимых примеров и целиком совнадают с соответствующими традиционными классификациями. В следующей главе рассматриваются сравнительные, инфинитивные, причастные и деепричастные конструкции. И здгсь также не на-чодим ничего нового. Содержание указацных двух глав вызывает лишь отдельные, замечания непринципиального характера

Можно было бы принести еще множество спорвых мест, неверных утверждений

не только в последних главах, но и вовсей книге. По после того, что уже сказапо, в этом нет надобности. Хотя не прииято упрекать авторов за то, чего нет в их работах, но в данном случае вельзя не отметить, что автор обощел такие важные для синтаксиса понятия, как коммуникация, предикативность, модальность, обособление, что совершение отсутствует анализ сложных предложений. Как уже указывалось по поводу отдельных мест. книга написана чрезвычайно трудным языком. В ней очень много повторений, некоторые положения повторяются без всякой в том надобности по три, четыре и более раз (например, об элементарной сиптаксической сдинице, о «потребностях» разных частей речи и др).

Несмотря на то, что книга выпущева солидным издательством, она представляет собой печальный образец редажциоппо-плаательской небрежности: перепутаны названия и пумерация глав; заголовки
впутри глав не соответствуют содержанию
текста; не устранены многочисленные опе-

чатки.

Самым существенным недостатком книги является, однако, то, что в ней не разрешена поставленияя автором задача -на основе критического рассмотрения традвимонного синтаксиса изложить основия синтаксической теории применительно к синтаксису современного русского языка в соответствии с принцивами философского материализма За обновленной (и. падо сказать, малоудачной) терминологисй мы без особого труда находим все тот же тр. диционный синтаксис с его принципиальной непоследовательностью, смешением понятий грамматических и логических, перазличением явлений синхроини и дисхронии, отсутствием объективных критериев при квалификации языковых фактов и другими хорошо известными его слабыми сторонами

.1. B. Manuro

Сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1.— Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1958. 245 стр. (Ин-т изыка и лит-ры АН Казах. ССР).

13стория и диалектология казакского языка до сих пор остаются педостаточно изученными. В известной степени этот пробел посполияется педавно вышедшим из печати сборпиком статей «Вопросы истории и диалектологии казакского языка»

Разработке вопросов истории казахского языка посвящено четыре статьи Ряд интересных наблюдений над фактами родного языка находим в небольшой статье ныне покойного С. А. А м в и ж ол о в а, много сделавшего в области истории и диалектологии казахского языкознания 1. Исследуи вопрос о происхождении глаголов отпар и тур, автор прослеживает употребление того и другого глаголов (равно как и их фонетических моду-

¹ См, в частности: С. Аманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского изыка, ч. 1 Алма-Ата, 1959.

ляций) в памятниках древпетюркской письменности, а также в современных тюркских языках. В результате своих наблюдений С. А. Аманжолов приходит к заключению, что исторически олур, отыр, оттур — в современтом казахском жазевитуры, жазевитурым).

Однако в статье имеются и отдельные моменты, которые, на наш взгляд, требуют некоторого уточнения. Это относится прежде всего к толкованию слов аларман, шабарман, которые привлекаются к рассмотрению глагола тур п окончание которых -ман рассматривается как фонетическая разновидность аффикса сказуемости.

Анализу падежных форм в куманском при сопоставлении их с соответствующими формами современного казахского изыка поснящены две статьи А. К. К у р ы шжапова «Парадигмы склонения в языке письменного намитинка XIII-XIV вв. "Codex Cumanicus"» и «Значение пространственных падежей в "Codex Cumanicus"». Обращение автора к фактам намитника Cumanicus» помогает «Codex мере осветить также историю развитря парадигм склонения и, в частпости, пространственных падежей в современном казахском языке: интересны, навример, наблюдения над функционированием исходного падежа в куманском, где он способен выступать и как род. падеж.

К этой части сборника примыкает также статья Ц Д. Номпнханова «Тер-мины родства в тюрко-монгольских язы-Основываясь на большом фактов, свидетельствующих, по словам автора, о том, что «термины родства в тюркских и монгольских языках в основном едины и совнадают как по значению, так и по звучанию с некоторыми фонетическими отклонениями», Ц. Д. Номинханов вслед за другими учеными высказывает предположение «о возможности существования в прошлом единого тюркомонгольского языка» (стр. 47). При наличии большого количества языковых фактов в статье отсутствует подробный их лингвистический анализ,

Значительное место в рецсизируемом коллективном труде уделено изучению дналектных особенностей казахского языка, а также использованию диалектизмов в художественной литературе. Состояние диалектологической работы, ведущейся в республике за последние 15—20 лет, отражено в статье Н. Т. Сауранбаева и Ш. Ш. Сарыбаева «К изучению казахских диалектов», которой открывается сборник. Останавливаясь на ваиболее характерных лексических, фонетических и грамматических особенностях казахских диалектов, авторы намечают дальнейшие пути развития казахской диалектологии, в частности, считая, изучение диалектов Казахстана «следует вести не фронтальным методом, а методом зонального изучения» (стр. 16).

Изучению диалектизмов в казахском языке посвящены статьи Ж. Доскараева «Методы, приемы собирания и

изучения диалектных особенностей казахского языка» и «О работе одной диалекто логической экспедиции», Ш. Ш. Сарыбаева «Диалектизмы в произведениях Г. Сланова» и Ж. Болатова «Из материалов Узун-Агачской экспедиции»,

Авторы этих статей дают много свежих и денных материалов, проливающих в известной степени свет на историю развития казахского литературного языка (в частности, интерес представляет употребление дательно-направительного падежа в функции исходного в говорах Южно-Казахстанской обл. а также употребление в диалектах словосочетаний керезуі мумки ввесто лит. керек болуым мумки ввозможно, будет нужным», байрас болу вместо лит. сак болу вбыть всторожным

сто лит. сак болу «быть осторожным» Однако наряду с тонкими и блюдени-ями в освещении диалектных особенностей имеется ряд веточностей. Это в первую очередь выражается в том, что диалектологи, составители настоящего сборынка, не всегда четко разграничивают диалектные особенности, с одной стороны, и эле менты просторечия и даже слова литера турного языка — с другой К диалектия мам отиссены такие разговорные формы. нак, например, на стр. 165 и 189, 190; кесе (лит. келсе), козен (лит. келген), ба рам (лит. барамын), баратыр (лит. бара жатыр) и т. п В качестве диалектизмон рассматриваются также тума «родинк. ручей» (стр 50), сындарлы «статный, стройный человек» (стр. 52), тарту «возить» (стр. 166), аманат «наказ» (стр. 193) п т. п., в то время как их синонимы (б.у. лан, сымбатты адам, тасу, талап) 01песены к литературному языку. Нам кажется, что и те и другие перечисленные выше слова в современном казахском языке почти в равной мере литературны. В сборшике к диалектизмам отнесены дажс и такие слова, которые употреблены в пореносном (образном) злачении, а также образные выражения (например, на стр. 56 ымыртка сънгу «скрыться в сумраке», на стр. 175 қызыл тұмсың «почти созренmee зерно» и т. д.). И наоборот, явный, на наш взгляд, диалектизм ептейсів (ср лат. encis) причислен к литературному языку (стр. 52). Все это свидетельствует об отсутствии у двалектологов республики критериев для определения спеединых цифики диалектизмов.

Освещение диалектных особенностей — дело сложное и ответственное. Успех работы диалектолога во многих случаях зависит от степени знания богатств и токкостей родного языка — как литературного, так и говоров. В противном случае и процессе собирания диалектных особенностей могут быть допущены отдельные промахи и неточности.

Более трети сборника посвящено вопросам профессиональной лексики современного казахского языка. Эта часть сборника представлена очень содержательной и богатой языковым материалом статьей Ж. Доскара е ва «Материалы про фессиональной лексики в языке аральских и каспийских рыбаков». Подробно разбирая в статье вопросы, связанные с профессиональной лексикой, автор намечает пути развития этой лексики в языке аральских и каспийских рыбаков; при этом он отмечает, что в обогащении се пэвестную рольсыграло наличие у приаральских и прикаспийских казахов в различное время контактов с туркменами, татарами, каракалнаками и башкирами. Самый больной раздел статьи посвящается описацию пазличных названий, связанных с рыбоновством, гдс почти каждое название автор рассматривает с привлечением фактов из других тюркских языков.

Необходимо отметить, что, приводя больное количество действительно професспональных слов, автор к ним же относит целый ряд диалектизмов, например: жагу (лит. жагындау) «приближаться», жаныгу (лит. жанасу, таку, асыгу) «торопиться, спешить», лайышу (лит. лайлау) «мутить», опаттау (лит. ойдау) «ремонтировать», шаулау (лит. тавалау) «очистить» и др.

Несмотря на отдельные недостатки, рецензируемый сборник является первым серьезным шагом в разработке вопросов истории и диалектологии казахского языка и содержит много ценных фактов по истории, двалектологии и профессиональной лексике казахского языка.

E. H. Kanneucoe, M. T. Tomanoe

ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ 1

Открытые за последние годы новгородские грамоты на бересте привлекли к себе внимание многих исследователей как в СССР, так и за рубежом. Особенно много работ, посвященных изучению вновь открытых берестяных грамот, появилось за истекшие 5—6 лет в Польше. Нужно на-Т. знать статын Лера-Сплавинского, Поппе, И. Ригера и в особенности целый рид исследований познанского слависта, видного палеографа и дналектолога проф. В. Курашкевича, перу которого припадлежит и разбираемая книга^з

Кинга состоит из двух частей: выпуск первый — языковая обработка; выпуск второй — фотографии и прориси грамот, выполненные тщательно и представленные в издании весьма отчетливо.

В своей работе В. Курашкевич дает тексты 89 грамот; сюда входят все грамоты, открытые в 1951 и в 1952 гг. а также 6 грамот из раскопанных в 1953 г. №№ 92, 94, 97, 98, 105, 106. В. Курашкевич операется на первые научные издания, выполненные в 1953 г. А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым в, в 1954 г. А. В. Арциховским 4, на появившийся в 1955 г. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» 5, на все статьи и реценции по вопросу ин-

¹ Cm. W. Kuraszkiewicz, Gramoty nowogrodskie na brzozowej korze, Warszawa, 1957.

² Пиблиографию важнейших польских работ по новгородским берестяным грамонам см. в нашей статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнеруского литературного языка», «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 97 (далее принимется обозначение М). В дополление к ноименованным в статье трудам следует назвать еще: W. K u r a s z k i e w i c z, Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Wasyla, «Język polski», XXXVI, 3, 1956, а также написанную им рецензию на коллективный труд советских ученых «Палеографический и лингвистический анализ новкородских берестяных грамот» (ВЯ, 1957, № 2).

3 А. В. Арциховский и М. II.

3 А. В. Арциховский и М. II. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953

(далео сокращенно АТ).

терпретации этих памятников, опубликованные на русском, польском и английском языках до 1955 г. включительно. Последние 6 грамот изданы В. Курашкевичем еще до появления в свет полного паучного их издания в Советском Союзе, которое вышло из печати лишь во второй половиме 1958 г.6

При языковой интерпретации текстов автор часто расходится со своими научными предшественниками, критически оцепивает их высказывания и предлагает собственные толкования. К сожалению, В. Курапикевич, в отличие от аналогичных советских изданий, ограничивается таким комментарием и не приводит польский язык даже в тех случаях, когда это безусловно возможно.

Прочтение и интерпретация грамоты № 3 (Письмо от Грикппи к Есифу) не вызывают затруднений. Одно замечание может быть сделано по поводу употребления в данном контексте слова перевара. В. Куращкевичем приведено только одно значение этого слова из трех, отмеченных в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезпенского: «чап для варки меда и пива, как мера»⁷. Н. Б. Бахилина склоняется к зпачению «папиток», засвидетельство-ванному в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Кочина в. Между тем к разбираемому месту грамоты, как кажется, наиболее подходит третье из отмеченных у Срезневского значений: «пошлина за варку пива и меда». По-видимому, это было название феодаль-

^в ПЛ, стр. 175—176.

⁴ А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте (из расконок 1952 г.), М., 1954 (далее сокращенно А).

⁵ «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» М., 1955 (далее сокращению ПЛ).

⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958 (далее сокращению АБ).

⁷ И. И. Срезневский, Материа-

⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1985, стр. 897.

ной понипности, которая чаще всего взималась натурой. У Срезневского приводится очень близко подходящий по смыслу пример из «Новгородских данных XIV-XV вв.»: «Прикащикъ мой къ нимъ не вътажаетъ, ни переваръ не пістъ, ни пошлипъ не емлетъ» 1

Грамота № 5 (Письмо к Матфею) поразному читается и понимается исследователями в заключительной своей части «да ть грамотъ не дасть на него» (строки 5-6). В. Курашкевич, вопреки мнениям М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского, поддерживает чтение, предлагаемое А. В. Арциховским², и понимает конец текста как дополнительное придаточное предложение с оттенком целевого значения, зависимое от глагола молеи. Смысл этого предложения: «пусть не даст он на него грамоты» При таком чтении в глагольной форме дасть нужно видеть 3-е лицо настоящего-будущего времени, а по форму аориста, как предлагает В. И. Борковский3.

Такое чтепие является правильным, в этом убеждает нас замечание М. Н. Тихомирова о том, что в данном случае идет речь, по-видимому, о так называемой «дерноватой» грамоте⁴. Выражение «давать (дерповатую) грамоту на кого-либо» означало: обращать этого человека в холопа

одерень, т. е. пожизненно⁵

В тексте грамоты № 7 (Письмо о Коромане) гадательным является понимание первого слова сочита. В противоположность мнению А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова, которые считают возможным понимать это слово как форму двойственного числа повелительного наклонения от глагола сочити «искать, взыскивать», автор вслед за II. С. Кузнецовым в паходит здесь форму аориста от глагола съчитати «считать». Это предположение можно признать более вероятным, так как трудно эдесь видеть форму двойственного числа. В строне 3-й читается слово бъбороко; автор вслед за другими исследователями понимает это как родительный падеж множественного числа от уменьшительной формы слова «бобр». С таким истолкованием следует согласиться, заметив, однако, что пазванному существительному было в древнерусском языке свойственио еще одно значение: «драгоценная шелковая или виссопная ткапь» 7.

В толковании текста грамоты № 8 (письмо о корове) автор особо касается чтения строк 2-й и 3-й, затруднения в понимании которых происходят, по всей видимости. от недостаточного уровия грамотности и овладения тогдашним литературным языком составителем письма. Предложение автора читать сочетание ожалочьшикоровь как «Оже лучиши корове», т. е. чесли ты встретишь корову (скли тебе попалется корова для покупки её)», кажется вподне убедительным со стороны смысла целого текста.

Почти три страницы отводится анализу грамоты № 9 - знаменитому письму Гостяты к Василию, одной из наиболее древних и вместе с тем наиболее хорошо сохранившихся грамот. Ее, бесспорно, можно датировать временем не позднее начала XII в. Основное содержание научных споров по поводу истолкования этой грамоты сводится к решению вопроса о том, женщина или мужчина является ее составителем. Автор отвергая второе предположение, которое выдвигают и поддерживают В. Арциховский, В. И. Борковский и Р. О. Якобсон, соглашается с теми исследователями, которые, как Ф. Ф. Кузьмине, В. К. Чичагов⁹, М. В. Щепкина¹⁶ и Л. А. Булаховский¹¹, считают составителя письма женщиной. Автор, ссылаясь на В. Ташицкого, указывает, что имя Гостята встречается в старопольских текстах 12. Это указание автора весьма ценно.

Решающим для понимания всего текста является толкование строк 4-й и 5-й. В. Курашкевич читает их единственно правильным образом: «Избивъ роукы поустиль же ма а иноую поаль». Такими словами могла написать о себе, разумеется, только женщина, и притом оставленная мужем жена. Выражение избивъ роукы Курашкевич правильно разбирает причастие прошедшего времени с винительным падежом мпожественного числа существительного роукы и понимает это выражение в смысле расторжения брачного договора. Сочетание же поустиль же ма а иноую поялъ верно рассматривается автором как неразрывное целое. Это выражение, как правильно отмечает Курашкевич, было широко распространево в древкак правильно отмечает Курашкенерусскую эпоху и могло иметь только одно, строго определенное значение: «развестись с одной женою и жениться на другой». Такое сочетание выражений часто встречается не только в церковно-канонических памятниках, примеры которых автор приводит вслед за Тихомировым и Чичаговым, но и в собственно литературных произведениях киевского периода, в частности, в таких переводных повестях,

¹ «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археогр. комиссии», СПб., 1838, № 110. 3 АТ, стр. 33.

⁹ В. И. Борковский, Драгоцен-шые памятинки древнерусской инсьмен-но-ги, ВЯ, 1952, № 3, стр. 136.

⁴ АТ, стр. 33.

Более подробно см. М, стр. 95—96.

⁶ Н.Л. стр. 132, 184. ⁷ См: Н. А. Ме См: Н. А. Мещерский, К толкованию лексики «Слова о полку Игоревс», «Уч. зап. [ЛГУ]», № 198. Серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 5—7; ето же. К изучению лексики и фразсологии «Слова о полку Игореве», «Труды отдела древнерусской литературы [AH]СССР]», т XIV, М — Л., 1958, стр. 43—44.

⁸ Ф. Ф. Кузьмин, Повгородская берестяная грамота № 9, ВЯ, 1952, № 3.

 ⁹ В. К. Чичагов, Филологические заметки, ВЯ, 1954, № 3, стр. 81—82.
 ¹⁰ М. В. Щепкина, [рец. на кн.:]

АТ, ВИ, 1954, № 4. ¹¹ Л. А. Булаховский, ред. накв.:] ПЛ, ИАН ОЛН, 1956, пып. 1, стр. 78.

12 W. Тавгускі, Najdawniejsze pol-

skie imiona osobowe, Kraków, 1926, crp. 75.

как «Александрия» или «История Иудей-

ской нойны» Йосифа Флавия 1

В заключительных словах письма «Досда добръ сълнора» В. Курашкович находит следующий смысл: «Присвжай, чтобы сделать добро, чтобы навести порядок». С таким пониманием нельзя согласиться. Во-первых, слова бобрь стиворя, бесспорно, реляются устойчиным сочетанием, сложивисися формуной, принятой в всжливой речи. Такую же концовку мы находим в грамоте № 872. Во-вторых, по-видимому, это фравеологическая примета именво эгистолярного стиля³. Значевие этого равняется словосочетавия устойчивого онакетивиконоп «пожалуйста» нашему или «будь добр». Пользование выработанной литературной фразеологией, безукоризненной орфографией, четкость и краткость в выражении мысли свидетельствуют, как совершенно справедииво отмечаст В. Курашкевич, о широком распространении грамотности и о высокой культуре письменной речи в кругах городского населения Киевской Руси уже в первой полонине XII в. Этот факт утверждает нас в убеждении, что язык вновь найденных новгородских берестиных грамот ничем по существу не отличается от известного нам по прежде изучавшимся памятникам письменно-литературного языка древнерусской народности.

Тексты дальнейших грамот, с № 11 по № 83, даны В. Курашкевичем в основном в соответствии с изданием А. Однако автор обычно находит возможность исправить чтение и интерпретацию текста грамот в тех. случаях, где издание А явно неудовлетворительно. В частности В. Курашкевич дает разделение на слова текстов, которые были даны в слитном написании в издании А по причине обрывочного состояния грамот (это относится, например, к грамотам №№ 18, 26,33, 34, 37,

56 и др).

В тексте грамоты № 17, в целом ясной по содержанию и не вызывающей споров, затруднение возникает при истолковании спова сигоста. Автор, ссылаясь на словарь И И Срезневского, считает возможным перевести это слово как «попросту» или, очевидно, под воздействием редакционного примечания в издании A, «с ционного примечания в из/ании A, «с разрешением, с дозволением» 4 . Л. Π . Жуколская предлагает значение «искренно (т. е проявляя доверие к пославшему письмо)» ⁶.

Между тем по смыслу контекста ожидалось бы значение: «не раздумывая, не медля, быстро». По-видимому, подобная семантика может быть присуща этому наречию и в современной народпой речи⁶. Что же касается древнерусской эпохи, то наречие спроста в ряде намятников приравнивается по своему значению к наречию в борат «быстро». Ср. написание вбыргат в грамоте № 1767, а также на борви в грамоте № 32 в.

Грамоту № 20 автор дает в согласии с замечаниями редактора (проф. Б. А. Рыбакова) в изданки А. Как и названный исследователь, В. Курашкевич видит в тексте грамоты ритмически организованную прицевку скоморохов. Букву о с двумя точками внутри он правильно, вслед за Б. А. Рыбаковым, читает как идеографический знак, заменяющий слово очи. Сочетания у Давыбовы и на Оушеменки убедительно рассматриваются как географические названия. Выражение на конь пале Курашкевич, тоже в согласии с Рыбаковым, толкует как «вскочил на неоседланвого ковя». Считаем понимание этой грамоты Рыбаковым и Курашкевичем правильным. При таком ее понимании в берестяных грамотах возможно видеть весьма ценный исторический источник, в котором сохранены до наших дней не только документы частной деловой переписки древних жителей Новгорода, не только отрывки церковной жнижности, как, например, в грамотах № 10 или № 128, но и произведения устного народного творчества.

В отрывке из письма от одной женщины к другой по поводу вытканной мастерицею увцинки, т. е. уакого куска полотна (гра-мота № 21), спорным является толкование части строки 3-й: «а не угоди це с кымъ». В. И. Борковский еще в 1953 г. предложил читать в этом случае угодице и понимать это как безличную форму глагола с частицей ся, переданной в соответствии с северновеликорусским диалентным произношением в виде се и слившейся с глагольвой флексией третьего лица в. В. Курашкевич в общем соглашается с этим предложением, однако считает возможным в слове се видеть не возвратное местоимение-частицу ся, а обычное указательное местои-мение среднего рода. Цумается, что такая интерпретация вред ли может быть признана убедительной,

Ряд возражений вызывается принимаемым В. Курашкевичем вслед за А. В. Арциховским прочлением текста грамоты № 25. В конце строки 3-й по фотокопии и по прориси ясно можно видеть сочетание букв: ссесе. Однако В. Курашкевич, как и Арциховский, предпочитает читать в данном случае «с себе поводъ сложиле» и

¹ М, стр. 99, и Н. А. Мещерский, Искусство перевода Киевской Руси, «Труды отдела древнерусской литературы [АН СССР]», т XV, 1958, стр. 71.

2 АБ, стр. 12.

³ См подробнее М, стр. 100. ⁴ A, стр. 17.

ПЛ стр. 197.

⁶ В. И. Даль (т. IV, СПб. - М., 1882, стр. 306) даст значение «без умысла, простодушно», т. е. «не раздумыван».

⁷ А. В. Арциховский и В. П. Борковский, Повгородские грамоты бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958, (rp. 60.

⁸ А, стр. 33, 35. См. подробисе М, стр. 102. 9 В. И. Борковский, Новые ваходки берестяных грамот, ВЯ, 1953, № 4. стр. 123.

повимать в соответствии с объяснением В. И. Борковского: «...не признал показания прогив него»¹. Думается, что более правильным следует признать прочтение, предлагаемое в редакционном примечании Б. А. Рыбаковым: «ссеве (с коня) повод сложиле», т. е. «немчин, ссев с коня, отказался от права владения им»². Такое прочтение предпочтительное потому, что оно не предполагает никакой порчи текста в оригинале,

В. Курашжевич отвергает в данном случае чтение Б. А. Рыбакова потому, что ему кажется маловеронтным, что в слово ссеве буква е могла бы заменить собою букву б. Между тем мы в тексте очень многих берестяных грамот находим подобную замену, которая характерна в какой-то мере, по-видимому, для многих наречий и говоров

русского языказ,

В грамоте № 32 текст начинается словами: «Фешке Юрьгию целомъ (бью)». Арциховский склонен считать оба имени в начале текста принадлежащими адресату. «Здесь нельзя,— пишет он,—видеть уменьшительное имя от Федора и т. п.; ведь адресата звали Юрием, и наличие двух крестных имен предположить трудно; перед нами — прозвище» 4. В противоположность этому мнению, В. Курашкевич вполне правильно разбирает первое имя как именительный падеж единственного числа и считает его именем отправителя письма. Имя же Фешко, по мнению автора, может считаться обычным сокращением от полного имени Федор. В Новгородских грамотах встречается мужское имя вещакъв.

Очень важное уточнение вносит автор в прочтение текста грамоты № 42. Эта грамота — духовное завещание, которое всегда начиналось устойчивыми словесными формулами. В данном случае в строке 2-й писавший пропустил одну букву p в начале выражения (p) об $6 \infty u$ («рабъ божий»). Чтение Арциховского «се азъ, Въбжи Михаль» и его комментарий («Во второй строке завещатель назван двумя именами: одно из них, как обычно, славянское, другое — христианское») ^с явно ошибочны. Б. А. Рыбаков вынужден был в редакционном примечании высказать свое несогласие с таким толкованием. Курашкевич дает правильно разбитый на слова текст грамоты — духовного завещания, начинающегося трафаретным словосочетанием.

В тексте грамоты № 78 В. Курашкевич, вопреки мнению Арциховского, Борковского и Кузнецова7, считает, что в выражении оу въицина шоурина притяжательное прилагательное Въицинъ следует признать образованным от мужского собствен-

ного имени Войка, которое приведено у В. Тапицкогов. С этим трудно не согласиться. Выражение на конъ автор правильно разбирает как регулярную древнерусскую форму винительного падежа мпожественного числа от существительного с основой па-до. Стремление В. И. Борковского видеть в этом слове форму местного падежа единственного числа со значением «за коня» не находит себе основания в контексте грамоты со стороны здравого смысла: вряд ли кто-либо станет продавать коня за сбрую к нему. Это предположение не находит себе поддержки и в данных исторической грамматики, ибо, как признает сам В. И. Борковский, А. И. Соболевский «первый достоверный случай местного падежа ед. числа основ на -о мягкого различия с в приводит из памятника XIΗXIII вв.»°.

Обоснование понимания В. Курашкевича

см. в М. (стр. 105-106).

Грамоты №№ 92, 94 97, 98, 105, 108 издаются, как мы уже заметили выше, лишь по их предварительной публикации в журпале «Вопросы истории». Тем не менее их текст в отдельных случаях дается точнее, чем в их более поздпей публикации. Так, в строке 4-й грамоты № 92 по фотокопии и но прориси ясно может быть прочитано имя на Зуиже, так это имя напечатано и у В. Курашкевича. Издание же АБ почему-то безо всяких оговорок трижды передает это имя как Суик (или Суйко) 10.

Впимательно анализируя языковый строй в издаваемых им древнерусских письменных памятниках, В. Курашкевич приходит к весьма важным для развития нашей филологической науки выводам общего характера. Он полагает, что стратиграфическая и палсографическая датировка грамот, которые обычно совпадают, как правило, не противоречит также и их историко-лингвистическому приурочению. Если в отдельных случаях лингвистический анализ и дает основание для того, чтобы подвергнуть пересмотру датировку грамот, то такие случаи весьма редки и расхождения несущественны. Все это лишний раз доказывает нам, какую громадную ценность для истории русского языка представляют новые и новые находки берестяных грамот, обяаруживаемых сейчас уже не только в древнем Новгороде, но и в других русских городах 11.

Талантливо написанная работа польского исследователя окажет немалую номощь при специальном изучении берестяных грамот и вообще при изучении исторического развития русского языка.

Н. Л. Мещерский

¹ ВЯ, 1953, № 4, стр. 125.

² А, стр. 28.

³ Ср : ПЛ, стр. 88-89; АБ, стр. 94

⁴ А, стр. 35.

^{5 «}Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М. –Л., 1949, стр. 294. ⁸ А, стр. 42.

⁷ ПЛ, стр. 124.

 ⁸ W. Тазгускі, указ. соч., стр. 51.
 9 В. И. Борновский, Повые наход-

ки..., стр. 128, ср. стр. 132

10 АБ, стр. 16—19

11 См. Д. А. Авдусии, Смолеиская берестяная грамота, «Советская археология», 1957, № 1.

письма в Редакцию

О СТАТЬЕ М. В. СЕРГИЕВСКОГО «ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В АЛЖИРЕ»

Во втором номере журнала «Вопросы (crp. 51-61) языкознания» за 1959 г. М. В. Сергиевского статья помещена «Французский язык в Алжире». Статья патирована 17 августа 1945 г. и публикуется в виде документа по истории лингвистики. Затрагиваемая тема представляет значительный интерес не только для лингвиста, но и для социолога и историка. Понятно, что в пастоящей заметке мы будем подходить к указанному вопросу только с лингвистической точки арения, хотя некоторые другие его аспекты нельзя упустить из вида для лучшего понимания проблемы. Будем откровенны: нам кажется. что М. В. Сергиевский прошел мимо исследуемого им вопроса. Основывансь на нескольких работах одного только Р. Рандо, дающих весьма скудный фактический материал, который к тому же следует использовать с большой осторожностью, автор считает возможным утверждать, что в Алжире говорят на общем разговорном французском языке (langage populaire), впитавшем в себя многочисленные арабские (и берберские), а иногда испанские заимствования (эти заимствования, по утверждению М. В. Сергиевского, в большом количестве проникли в разговорный язык Франции в связи с возвращением из Алжира чиповников и военнослужащих). В заключение автор указывает на все возрастающее число арабизмов, заимствуемых франпузской речью Алжира.

Было бы опибной, если бы читатели статьи представили себе французский язык в Алжире в виде какого-то «франко-арабского» диалекта. Конечно, некоторые арабские слова попали в речь жителей Алжира, говорящих по-французски. Но видеть в этом основную особенность развития французского языка в Алжире было бы неправильным. Если Р. Рандо для создания «couleur locale» использует фразы типа On leur apporte le taam dans des quessaa en bois de frêne... its buvaient d'amples setlas de lait aigre... и т. д., то это примеры литературного, а не (как, по-видимому, считает Сергиевский)

разговорного языка.

Очень жаль, что М. В. Сергиевский — правда, мы не знаем, в каких условиях писалась его статья. — не смог использовать (при неимении возможности непосредственного слухового восприятия французской речи Алжира, что, очевидно, дало бы лучшие результаты) текстов, более точно воспроизводящих французскую речь в Алжире: хроники Брюа в «Canard sau-

vage», Топе в «Alger républicain», серии «Садауоиз» Мюзетта, а также романы Фавра (все эти тексты были уже опубликованы ко времени написания статьи Сергиевского). Исследование этих работ дало бы более точное представление о действительном положении вещей. В самом деле, заголовок «Французский язык в Алжире» вводит читателя в заблуждение, ябо в статье говорится только об использовании арабских слов во французских текстах.

Недостаточная осведомленность М. В. Сергиевского не позволила ему точно представить себе факты фонетики изучаемого языка, которые он видит сквозь призму фантастической орфографии и нескольких не совсем уместных замечаний Рандо. Но главное в том, что автор не оказался в состоянии понять, что французский язык в Алжирс обладает синтаксический ми особенностями, значительно более интересными, чем лексические заимствования (среди которых арабские заимствования далеко не составляют большинства!).

ния далеко не составляют большинства!). В Северной Африке существует несколько городских разновидностей народных говоров, которые вполне возможно различить, хотя «французский язык Северной Африки» по сути дела представля-ет собой единство. Так, французский язык г. Алжира исторически сложился из трех элементов: из общей разговорной народной речи Парижа (в основном из той речи, описание которой Сергиевский нашел в работе Боще), из французской народной речи Юга (особенно из речи города Марселя) и, наконец, из стандартизированного менного французского языка. Приток в Алжир носителей различных языков, чаще всего романских, начиная с 80-х годов прошлого столетия, выдвинул проблему взаимопонимания. За редкими исключениями изыком-посредником служил именно французский язык; это характерно даже для различных народностей, ни для одной из которых французский язык не является родным, а также очень часто даже для народностей — носителей одного и того же (нефранцузского) языка.

Является фактом, что арабский язык играл очень незначительную роль в формировании французского языка в Алжире. Напротив, во французском языке Алжира можно ясно различить следующие наслоения: провансальское, кастильское (и андалузское); каталанское (особонно валенсийское я

балеарское), южноитальянское (неаполитанское), центральноитальянское (тосканское и корсиканское). Мальтийский говор, являющийся импортированным арабским говором, имел очень небольшое влияние.

С другой стороны, с начала XX в. но французском языке г. Алжира памечается тенденция к сближению с народным стандартизированым французским языком; при этом из первоначальных черт языка Алжира остаются лишь характерное произпомение и некоторое число синтаксических фактов и типичных выражений. Причины этого носят внеязыковой характер: прекращение иммиграции народов, не говорящих на французском языке, расширение начального и среднего образования, смещение населения в результате войн и т. д.

Мы не собираемся давать полного описания говора г. Алжира. В области синтаксиса среди нефранцузских наслоений можно отметить, например, следующие факты: постпозицию опрецеления и наречия, как в испанском и в итальянском языках (ипе caisse grande, une femme petite, sans dire rien, pour manger bien); способ образования сравнительной степени прилагательных, характерный для итальянского языка (pluss grand de moi); некоторые конструкции с личным местоимением, типичные для испанского языка (moi, de toi, je le ferais pas); использование только вспомогательного глагола avoir (исключение составляет être, с которым avoir не употребляется, как в итальянском); иберийский аккузатив (tu oublies à tes amis); конструкции типа Il est venu à me voir и т. д.

Иногда столкновение испанских, итальяпских и провансальских языковых фактов с французскими в результате аналогии или контамилации приводило к образованию вовых явлений. Таково особенно широкое использование определенного артикля (в притяжательном, определенном и «партитивном» значениях), а также создание целой системы инверсий с употреблением или без употребления плеопастического местоимения (независимо от того, является оно эмфатическим или нет), наupnmep: Assez riches vous êtes!, Le pareil tu es pas pr s de le le voir, des fois à la dictée zero faute j'avais. Следует также отметить некоторые морфологические явления (особенио значительное упрощение спряжения).

Фонетическая и фонологическая системы французского языка в Алжире претерпели глубокие изменения, подробности которых мы не будем здесь описывать (развитие глухого г, билабиального г, исчезновение закрытого г и т. д.). Интонация его имеет весьма специфический характер. «Акцент» алжирских французов не нохож на «акцент» ни одного из местных диалектов Франции.

Но вернемся к лексике, ябо М. В. Сергиевский в статье говорит именно об этом. Мы не можем здесь останавливаться на подробностях или приводить статистику заимствований. Наиболее значительными являются испанские (в Оране и в городе Алжире) и итальянские (в Боне и Филлицвилле) паслоения. Что касается арабских

заимствований, то за исключением некоторого числа наречий, о которых говорит Сергиевский (bessif, bezef, barca, kif-kif, и т. д.), и значительного часла широкораспространенных браниых слов, количество арабизмов очень невелико по сравнслию с заимствованиями из других языков.

М. В. Сергиевский считает, что проникновение во Францию арабских слов обусповлено влиянием «регионального языка» Алжира. Здесь какое-то недоразумение. Приток арабских слов в стандартизированный французский язык, естественно, связан с возвращением во Францию французских чиновинков и военных после истечения срока их службы в Алжире (а также с эмиграцией во Францию алжирских рабочих и с влиянием алжирских стрелковых полков, дислоцированных во Франции). Однако следует отметить, что в течение своего временного пребывания в Алжире эти чиновники и военные не говорят на «французском языке Алжира»; выражаясь лингвистически, ассимиляция происходит только со второго поколения, когда эти люди оседают в Алжире, что происходит довольно часто. При возвращений во Францию опи, естественло, часто щеголяют своими знаниями, используя арабские слова и вкривь и вкось. Подобное же явление иногда можно было наблюдать в Англии, где люди, ушедшие в отставку из Indian civil service, имели обыжновение пересыпать свою речь словами из хинди и урду. Тем не менее английский язык воспринял лишь немпогие слова индийского происхождения. Число английских чиновников и военных в Индии было весьма незначительно посравнению с числом французов, которые побывали в Алжире. Нам представляется невозможным заключить о влиянии французского языка Алжира на стандартизированный французский язык лишь на основе числа арабских слов во францусском языке (или на оспове арабских слов, содержащихся во французских словарях)

Было бы очень интересно выяснить, почему грабский оказал такое пебольшое влияпие на французский язык Алжира. Но в этом случае мы должны были бы затронуть вопросы, выходящие за пределы лингвистики Еще несколько слов. М. В. Сергиевский говорит о необходимости изучения «французского языка в колониях». В самом деле, во французском языке Таити и Новой Каледонии есть много интересного; при этом значительное количество фактов французского языка в этих колониях совпадает с фактами французского языка в Алжире, по не обусловлено влиянием мсстиых языков или стандартизированного французского явыка. Эта проблема, насколько нам известно, еще не подвергалась си-стематическому изучению. Французский изык в колониях не следует путать креольскими наречиями Антильских и Маскаренских островов. По тут мы попадаем в область совсем другой проблематики.

> Перевел с французского М. М. Макосский

научная жизнь

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С марта по июнь 1959 г. при Объединении по машинному переводу 1-го МГПИИЯ функционировал вновь созданный линг-вистический семинар. Проблематика докладов, заслушанных и обсужденных на еженедельных заседаниях семинара, опредедялась основными задачами практического применения проблем общего языконедения.

Большинство сообщений было посвящено разработке новых методов описания языковых явлений — доклады И. И. Реввина об одном из способов определения фонемы, Ю. С. Мартемьянова парадигматических единицах в языке, О. С. Кулагиной о проблеме топологии предложения. В ряде сообщений рассказывалось о последних достижениях современного языкозпании и смежных с ним дисциплин. Эти темы освещались в докладах Вяч. В. И ванова о трансформационном анализе, В. М. Золотарева о языках с конечным числом со-стояний (модель Хомского и Миллера), Б. А. Успенского о попытках построения трансформационной грамматики для английского языка, Л. И. Богораз о теории кодов с исправлением опибок и ее применении к языку и т. д.

При Объединении велась работа по отдельным языковым группам, в состав которых входили специалисты в области поикладного языкозпания, работающие в раз-личных институтах АН СССР. В частности, на объединенных заседаниях специалистов по русскому языку были заслушаны сооб-щения: Е. В. Падучевой о различ-ных типах порождения сложных предложений из простых, К. И. Бабицкого об анализе однородных членов в машинном переводе с русского языка, З. М. В о л о цв русском языке.

На дополнительных заседаниях семинара проходили регулярные встречи по сбмену опытом в области построения ал-горятмов машинного перевода. Значительное место уделялось вопросам записи информации при создании алгоритмов МП (с серией сообщений по данному вопросу выступил И. А. Мельчук).

Параллельно с работой семинара продолжало функционировать Объединение по машинному переводу. На заседаниях Объединения ставились доклады, расскавывающие о конкретных результатах по достроению алгоритмов машинного персвода. Был заслушан доклад Т. Н. Молошной, сообщившей о статистическом подсчете разного рода грамматических конфигураций при машинном переводе с английского языка, и сообщение Т. М. Николаевой, которая доложила о принципах построения алгоритма независимого грамматического анализа при машинном переводе с русского языка,

Специальное заседание Объединения было посвящено обсуждению книги И. Бар-Хиллела, обобщающей последние достижения по машинному переводу в США и

Англий.

Т. М. Николаева

(Москва)

10 апреля 1959 г. при Академии наук СССР был создан Научный совет, координирующий работы в области киберне-THEH (председатель совета - акад. А. И. Берг, заместители председателя -Ляпунов и член-корр. A. A. АН УССР А. А. Харкевич). В состав Научного совета вошли шесть лингвистов: Н. Д. Андреев, В. Я. Розсицвейг, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, Вяч. В. Иванов и С. К. Шаумян.

При совете образована лингвистическая секция (председатель Вяч. В. Иванов), объединившая двадцать восемь научных работников - лингвистов, математиков, психодогов и инженеров; первое заседание ее состоялось 3 июля 1959 г. На лингвистическую секцию возложены задачи координации работ, организация специальных семинаров при секции и другие мероприя-

К проблематике секции относится следующий круг основных вопросов: вопросы машинного перевода, логико-лингвистические вопросы построения информационных машин и информационных языков, документалистика, проблемы логической семантики, общая теория знаковых систем и кодов, вопросы дешифровки, теория графики (графемология) в связи с разработкой читающих устройств и автоматизацией типографской работы, вопросы структурной лингвистики (общая теория структурной лингвистики, фонологическая теория, исследование морфологических моделей, выявление синтаксических структур и трансформационный апализ, впедрение структурных методов в семасиологии, типологическое сопоставление языковых систем), теория перевода как специальная лингвистическая дисциплина, основанная на методах математического и структурного описания языка, теория языковой коммуникации и др.

Секция участвует и в разработке проблем относящихся к сфере деятельности Комитета по принладной липгвистике (при Секции речи Комиссии по акустике АН СССР): построение устройств
для автоматического ввода устной речи,
проблемы акустической фонетики и фианологической акустики, вопросы экономного кодирования речевой информации
при ее передаче по каналам связи и т. д

Т. М. Николаева (Москва)

8 по 11 июня 1959 г. в Лепинграде проходило межвузовское научное совещание по вопросам синтаксиса немециого языка, созванное по инициативе кафедры германской филологии ЛГПИ им. А. И. Герцева. В работе совещания приняли участие представители педагогических институтов и университетов Москвы, Ленинграда, Горького, Ростова-на-Дону, Ярославли, Петрозаводска, Иванова и ряда других городов Советского Союза. Всего в работе совещания участвовало свыше ста человек. Состоялось 6 заседаний, на которых было прочитано 10 докладов и сообщений.

Совещание открылось вступительным словом проф. В. Г. Адмони (Ленинград), отметившего большую теоретическую и практическую важность изучения вопросов синтаксиса немецкого языка, фронтавыная разработка которых ведется в целом ряде советских научных учреждений, университетов и педагогических институтов

На первом заседании состоялся доклад В. Г. Адмони на тему «Структура немецкого предложения и основные тенденции в развитии структуры предложения в индоевропейских языках». Докладчик охарактеризовал особенности грамматической системы немецкого языка, отражающие общую тенденцию в строе немецкого предложения к максимально четкому формальному выражению его дельности и его членения.

Отмеченное своеобразие структурных черт немецкого предложения представляет собой, по существу, лишь модификацию общих тенденций в развитии структуры других индоевропейских языков. Полемизируя с некоторыми представителями сравнительного языкознания (А. А. По-тебня, К. Бругман, А. Мейе, Г. С. Кнабе), В. Г. Адмони выдвигает положение о том, что древнее индоевропейское предложение обладало определенной цельностью, было **грамматически** организованным. 1 Это предложение свободно-целостное, характеризующееся спокойным, формально не подчеркнутым, но реально существующим единством. В дальнейшем развитии по липии более четкого формального выявления цельности предложения, по мнению В. Г. Адмони, можно наметить два пути: а) сохранение значительной автономности слова — «автономно-собранная» структура предложения, например, в латинском и в русском языках; б) значительное закрепление слова внутри предложения — «напряженно собранная» структура предложения, представленная в целом рядо германских и романских языков.

Доц. Н. А. Булах (Ярославль) в докладе «Развитие мононстативности в системе отрицания в равненововерхненемецком периоде: на основе анализа памятников конца XIII и начала XIV в показала, что уже в то время в системе отрицания мононстативные построения явно преобладали над полинегативными. Тенденция к мононстативности осуществляется постепенно в ходе исторического развития структуры немецкого предло кения, отдельные же типы полинегативных конструкций прослеживаются в плоть до XVIII в., а в редких случаях наблюдаются в современном немецком языке.

Доклад кэнд, филол, наук Л. Г. К ораблевой (Лепияград) был посвящен вопросу о неполных и односоставных предложениях в немецном языке. Докладчик, указав на типологическую самостоятельность двусоставных и односоставных предложений, считает неправомерным выделение в самостонтельный структурный тип неполных предложений, которые представляют собою своеобразные структурные подвиды двусоставных или односоставных предложений Л. Г. Кораблева дает перечень наиболее четко грамматически определявшихся в немецком языке типов предложений, являющихся предметом исследования

Проблемы сложного предложения рассматривались в докладе доц Е. В. Гулыги (Москва) «О соотношении синтаксической кдассификации придаточных предложений и структурно-ссмантической классификации сложноподчиненных предложений». Е. В. Гулыга предложила структурно-семантическую классификацию придаточных предложений, основанную различной степени самостоятельности компонентов сложноподчиненного предложения и на количестве модальных планов. Докладчик различает «мономодальные» и «бимодальные» сложпоподчиненные предложения. Основываясь на степени смысловой самостоятельности компонентов сложноподчиненного предложения, Е.В.Гулыга делят предложения, входящие в согипотаксиса, на «автосемантичные», «потенциально-автосемантичные», семантичные» и «десемантизованные». Автосемантичным докладчик называет тот компонент гипотаксиса, который выступает в качестве носителя «семантического ядра» и является завершенным в смысловом отношении. Потенциально-автосемантичное предложение — грамматически зависимая, но в смысловом отношении самостоятельная часть гипотаксиса Синсемантичным называется такое предложение, которое приобретает смыся только в сочетании с другим компонентом сложноподчиненного предложения. Десемантизованное предложение состоит преимущественно или исключительно из формальных элементов.

Доклад доц. Н. М. Александрова (Ленинград) был посвящен проблемс членов предложения. Решение этой проблемы докладчик видит в более тщательном учетс смысловых отношений между данным членом предложения и словом, к которому он относится. Н. М. Александров отметил также необходимость различать генетические и специальные синтаксические связи членов предложения.

Доклад капд. филол. наук В. М. 11 а в-(Ленинград) был посвящем роли словосложения как средства выражения атрибутивных отношений в группе существительного. В. М. Павлов различает особый вид атрибутивной связи, в основе которой лежит указание на отношение определяемого к другому предметному понятию, представленному предельно обобщенно, вне связи с тем или другим кон-кретным предметом. Таким образом находит опосредованное выражение качсственная характеристика определясмого. Одновременно предметной отнесенностью в речи может обладать сочетание атрибута и определяемого только как единое целое. Такое соединение выражает обобщение постоянных признаков вида, относящегося к определяемому как к своему роду. Выражение признака в другом слове сближает соединения такого порядка с обычными синтаксическими словосочетаниями; тот факт, что это видовой признак, и опосредованный характер его выражения сблиданные соединения с лексикой. В русском языке основным средством выражения указанной атрибутивной связи является относительное прилагательное, в немецком — сложнос существительное субстантивным первым компонентом. В докладе отмечается влияние функциональной близости определительного компонента немецких сложных существительных к самостоятельным словоформам как на развитие его форм и значения, так и на фиксирование ряда типов структуры многочленной группы существительного (с несколькими параллельно или последовательно подчиневными атрибутами) в современном немецком изыке.

На совещании были заслушаны также следующие сообщения: старш. Фридман (Ростов-на-Допу) «Особенности употребления частицы nicht в разных типах предложения»; канд. филол, наук Н. П. Фомина (Псков) «Приадъективный член предложения в немецком языке»; канд. филол, наук М. В. Р а с в-(Петрозаводск) «Особенности обоский рота "абсолютный винительный в современном кемецком языке«»; канд. филол. наук Б. М. Балин (Иваново) «Некоторые особенности и закономерности вемецких глагольных сочетаний,влияющих на формирование значений эквивалентных видовым»,

Доклады и сообщения вызвали большой интерес и оживленный обмен мнениями. Особый интерес вызвали вопросы развития структуры немецкого предложения, а также классификация сложноводчивенных предложений. Обсуждению соответствующих докладов были посвящены вы-

ступления Е.И.Шендельс (Москва), Е.Н.Риттер (Горький), Л.Л. Иофик (Ленинград).

В прениях выступили также И. А. Цыганова (Лепинград), Л. В. III и шкова (Лепинград) и ряд других участ-

ников совещания.

На заключительном заседании с целью планомерного координирования работы над проблемами синтаксиса немецкого языка было избрано бюро, в состав которого вошли: В. Г. Адмони, Н. М. Александров, Л. Г. Кораблева, Е. В. Гулыга, О. Х. Цахер (Иркутск) и Л. Г. Фридман. Задачами бюро являются организация взаимной информации, издательская деятельность, организация межвузовских совещаний. Материалы данного совещания будут изданы отдельным сборником.

Л. М. Каннер, Л. В. Шишкоса (Ленинград)

22 июня 1959 г. на заседании кафедры русского явыка МГУ состоялся доклад научного сотрудника Чехословацкой Ака-демии наук проф. Л. Долежела (Прага) «Проблемы анализа стиля художественной прозы». В своем Л. Долежел предложил метод анализа стиля художественного произведения. В основе изучения стиля, по мнению докладчика, понятие высказывания. Комплекс высказываний создает художественное произведение (текст). Исследование строения текста предполагает изучение способов и присмов сочетания высказываний в высшее единство, художественное произведение. Эпический текст отличается от драматического наличием двух планов — плана автора и плана персонажей (влап А и план П). Установив некоторые общие черты, характеризующие структуру эпического текста в чеш-ской прозе XIX в., Л. Долежел в планс типологического исследования произвел сопоставление классической чешской прозы XIX в, и современной «модерной» (в смысле франц. *moderne*) прозы, сложив-шейся в 20-х годах XX в. Если для классического эпического текста характерна четкая дифференциация плана А'и плана П, резкие переходы от одного плана к другому (речь автора - прямая речь), то в «модерном» тексте четкие границы между планами А и П разрущаются: широко применяется несобственно-прямая речь (комбинация признаков плана А и II) и смешанная речь (вкрапление в план 🐧 как сигналов признаков плана П), а в результате отмены графического дифферсициального признака плана П возникает необозначенная прямая речь. В «модерном» тексте используются разные типы рубежей (сосдинения, перехода) планов, реплик, отрезков.

В конце доклада автор кратко охарактеризовал функции названных приемов построения текста (разрушение объективности повествования, «полифонкый» характер текста, чередование объективных и субъективных и субъективных и субъективных и субъективных передача внут-

ренней речи, внутренних мопологов). Актуальная задача стилистического анализа— выявление связей между отдельными семантическими планами произведения

и планами текстовыми.

Доклад Л. Долежела был выслушан с большим интересом и вызвал оживленные прения, в которых приняли участие акад. В. В. Виноградов, профессора МГУ: А. И. Ефимов, Е. М. Галкина-Федорук, А. Б. Шапиро и Н. С. Поспелов, ст. научи. сотр. русского языка В. Д. Ле-канд. филол. наук А. В. Сте-Ин-та вин, панов. Все выступавшие признали плодотворным анализ структуры эпического текста, предложенный в докладс. В. Д. Л свин сделал одно существенное добавление к установленным Долежелом различительным признакам плана A и 11. Ло-лежел считает план A нейтральным, немаркированным в стилистическом отношении, а план П стилистически окращенилм. Это разграничение верно только в рамках художественного произведения. План А (норма речи произведения) может быть стилистически маркированным по отношению к литературному языку в целом (ср. произведения, написанные в форме сказа, некоторые виды исторического романа и др.). В. В. Виноградов, подводя итоги обсуждения, сказал, что доклад Л. Долежела — продолжение традиций изучения литературного произведения как динамической конструкции, которое проводилось учеными старшего поколения ленинградской школы (ср. ра-боты Л. П. Якубинского, Ю. Тынянова, В. В. Виноградова и др.). Подобное изучение полезно, так как оно помогает отграничивать стилистическое изучение отдельного произведения от анализа стиля языка, стиля писателя. В докладе Л. Долежела недостаточно раскрыты некоторые наж-ные понятия — высказывания, типа высказывания, рубежа высказывания, реплики, отрезка. Целое художественное произведение, например лирическое стихотворение, может представлять собой одно высказывание -- следовательно, оно является не динамическим сцеплением высказываний, а динамическим развертыванием одного высказывания. Для произведений другого характера должны быть найдены более крупные сдиницы членения текста, чем отдельные высказывания (сюда относятся, например, объединения реплик в диалоге, главы произведения, так как это единства не только тематические, но и стилистические).

В художественном произведении необходимо различать словесно-образный план и композиционно-тематический. Раскрытие композиционно-тематической структуры произведения к ее соотношенин со структурой текста — центральная задача

стилистического анализа.

Доклад Л. Долежела ценен и интересен стремлением привести в систему принципм анализа художественной прозы как целостной динамической структуры.

Е. А. Земская (Москва)

С 23 по 27 июня 1959 г. в Нальчике состоялась научная сессия Кабардино-балкарского научно-исследовательского института посвященная проблемам этногеисза карачаево-балкарцев и их языка. На сессии было заслушано свыше десяти докладов и сообщений, связанных с различными вопросами этногенеза карачаево-бал-карского народа и языка. Среди докладов наибольшее внимание привлекии доклады канд. ист. паук Т. Х. Кумыкова (Нальчик), С. К. Бабаева (Нальчик), Л. И. Лаврова (Лепинград), Х. О. Лайпанова (Черкесск). Х. О. Ланнавод Е. П. Алексеевой (Черкесск) и З. В. Анчабадзе (Тбилиси), профессоров (Москва), Х. А. Поркшеяна (Ереван) и Б. А. Алборова (Орджоникидзе), докторов исторических наук Р. Л. Харадзе и А.И.Ро-бакидзе (Тбилиси), архитектора Э.Б.Бериштейна (Москва) и некоторые другие.

Доклады вызвали оживленные прения, в результате которых были приняты решения, намстившие как основные награвления, по которым должен решаться вопрос об этногенезе карачасно-балкарцев и их языка, так и дальнейшие задачи историков, этнографов, археологов, автропологов и лингвистов в разработке проблематики, связанной с этногенезом карачаево-балкарцев. С заключительным словом выступил директор Кабардино-балкарского института истории языка и литературы канд истор, наук Х. Г. Берикето в ов.

H. A. Баскаков (Москва)

Состоявшийся в Ленинграде 25-27 июня IV пленум Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР в значительной части был посвящен обсуждению принцицов составления словарей к отдельным произведениям русской художественной литературы. Выход в свет первых томов «Словаря языка Пушкина» положил пачало ряду ведущихся сейчас в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза работ по составлению словарей писателей или отдельных их произведений. Вот почему большой интерес присутствовавших на пленуме Словарной комиссии вызвал доклад Ю. С. Сорокина обинструкции для составления и построения словаря к «Мертвым душам» Гоголя¹,

Докладчик сообщил, что уже предварительная работа пад словарем показывает, что в «Мертвых душах» широко и пользовано лекси е кс богат тво русского языка. Только в первом томе произведения находится свыше 9700 отдельных слов; большинство знаменательных слов употребляется здесь не чаще 1—4 раз. Составляемый сло-

¹ Этот словарь в настоящее время составляют под руководством Ю. С. Сорокина научные сотрудники словарного сектора Института русского языка АН СССР В. В. Замкова, Т. Н. Поиовцева и учительница одной из ленинградских школ С. С. Карапетьянц.

варь по своим конструктивным принципам примыкает к «Словарю языка Пушкина», но во многом от него и отличается Последнее объясинется тем, что это словарь только одного произведения, не претендующий показать все языковые средства во всем объеме литературного наследия писателя. Если словарь языка Пушкина основоположника нового русского литературного языка — представляет национально-языковую порму русскую 20-30-х гг. XIX в , то словарь языка Гоголя, когда он будет создан, такой цели служить не может, ибо язык этого писатедя, по словам Ю. С. Сорокина, во многом никак нельзя признать нормой литературного языка его времени. Но задача «Словаря языка Пушкина»: описать факты общенационального литературного языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях Пушкина. — отодвигала, естественно, задний план другую задачу: показать в нем своеобразие, все начественные особелности пущкинского стиля в области словоупотребления В словаре же к «Мертвым душам» проблема ноказа индивидуального своеобразия языка и стиля писателя выдвигается на первый план.

Разумеется, что один словарь к «Мертвым душам» не решит полностью этой проблемы; здесь нужна серия словарей к отдельным произведениям Гоголя, различных по стилистико-жапровым особенностям, и другие пособия, но только таким путем можно достигнуть необходимого результата. Обсуждаемый словарь в принципе должен быть полным как по словнику, так и по характеристике словоупотребления Гоголя Однако, подобно «Словарю языка Пушкина», он будет включать и элементы дифференциального словаря, а именно — в способах толкования слов: слова, совпадающие по значению с вовременным ях употреблением, как правило, не будут иметь при себе толкований. Словарь должен состоять из двух частей: собственно словари и словоуказателя. В этом его отличие от «Словаря языка Пушкипа», а также и в том, что в словник введежы собственные имена и т. д. В словарь но включается лексика черновых материалов и вариантов «Мертвых душ», но для сопоставления будут привлечены «Записные инижки» Гоголя и другие материалы писателя.

Все выступавние по докладу Ю. С. Сорокина единотушно отмечали большую научную ценность задуманного словаря. И Ожегов подчеркнул огромяую роль «Мертвых душ» в развитии русского литературного языка в послепушкинский период, что лишь увеличивает важность соэдания словаря именно к этому гениальному произведению К П. Авдеев указал, что такой словарь полезен не только специалистам-филологам, но и учителям средпей школы. Он поможет углублениее и нее изучать художественную ткань «Мертвых дущ». А. М. Бабкин, привотствуя вовую отрасль советской лексикографии составление словарей к отдельным произведениям писателей - счел нужным прелупредить об опасности перенесения присмов обработки лексического материала, применяемых в общих толковых словарях национального языка, в словари, призванные выявлять индивидуальные особенности словоупотребления писателя. На примере словаря к комедин «Горе от ума» Грибоедова, изданного в 1939 г. В. Ф. Чистяковым, он показал, к наким неудачным результатам привело некритическое применение толкований слов, принятых в общих толковых словарях, в словаре, где собраны своеобразные, ипдивидуальные, обусловленные стилистино-художественными заданиями употребления слов. «Словарь языка Пушкина» также не всегда разграничивает частное от общего в языке писателя, а это ведет к неточному объяснению слов.

Соглашаясь с общими принципами составления и построения словаря к «Мертвым душам», изложенными в докладе Ю С. Сорокина, Л. С. Ковтун и И. И. Ковтунова заметили, что возможны и другие принципы составления словарей к отдельным произведениям художественной литературы. И. И Ковтунова даже попыталась наметить основные типы словарей к отдельным произведениям. Могут быть словари, отражающие лексику эпохи так, как она представлена в языке данного писателя или его отдельного произведения; могут быть словари, отражающие индивидуальные особенности употребления лексики данной эпохи в контексте художественного произведения, охватывающей систему словеснохудожественных образов данного произведения; наконец, могут быть словари комбинированного типа. Однако во всех случаях необходимо производить разграничение явлений общеязыковых и индивидуальных, как справедливо настаивает на этом А. М. Бабкин. Явления же стилистического порядка надо показывать на фоне лексической системы языка данной эпохи. Так как словарь к «Мертвым душам» относится к типу второй группы словарей, И. И. Ковтунова советует пополнить инструкцию указаниями, как показывать различные случаи стилистического осложнения семантики слова в контексте.

Некоторые разногласия выявились при обсуждении объема словника С. И. Ожегов выразил сомнение в необходимости давать все без исключения слова (как, например, имена всех персонажей произведения). Другие же выступавшие (А.В. Миртов, А.С. Чикобава, Ф.П. Филин, К.П. Авдеев, Л.С. Ковтун) высказались за исчернывающую полноту словника. При этом Ф. П. Филин советовал собственные имена выделить в отдельную часть словаря. А. С. Чикобава указал, что причастия надо давать отдельными словарными статьями. Л. С. Ковтун рекомендовала дифференцированно показывать словаре фразеологию общенациональную и чисто гоголевскую. В связи с объемом словника подверглась обсуждению проблема использования в словаре черновых материалов и вариантов «Мертвых душ». Г. П. Блок считает, что если словарь

охватывает текст второго тома «Мертвых душ», который падлежит считать незаконченным, «черновым», то, следовательно, было бы логичным также использовать все варианты основного текста произведения. Против такого соображения высказался К. П. Авдеев, считающий, что словарь должен соответствовать пределам произведения в том виде, в каком оно «живет», известно любому читателю.

В § 15 инструкции говорится: «В данном словаре, по соображениям как теоретическим, так и практического удобства, шире, чем это принято в современных толковых словарих, проводится принцип выделения омонимов». С. И. Ожегов, А. С. Чикобава и Л. С. Ковтун скептически отнеслись к возможности правильного выделения омонимов в словаре исторического илана,

Большое внимание при обсуждении доклада привлекла проблема введения в словарь стилистических помет. Как известно, составители «Словаря языка Пушкина» отказались от них, мотивируя свой отказ слабой разработапностью исторической стилистики русского наыка. Ю. С. Сорокин что стилистические пометы для словаря к отдельному произведению пеобходимы, хотя бы в ограниченном количестве («славянизм», «просторечное», «областное», «новообразование»). При расстановке следует опираться на показания соответствующих эпохе словарей; в даняом случае — словарей литературного русского языка XVIII— первой половины XIX вв. С. И. Ожегов, Г. П. Блок и Ф. П. Филин, принимая указанную мотивировку составителей «Словаря языка Пушкина», советовали и здесь воздержаться от стилистических помет. Большинство же выступавших (А. М. Бабнин, А. В. Миртов, А. С. Чикобава, Л. С. Ковтуп, В. П. Петушков, К. П. Авдеев) поддержали Ю. С. Сорокина и даже рекомендовали расширить число стилистических помет. Совершенно резонно заметил К. П. Авдеев, что нельзя же, продолжая ссылаться на неразработанность исторической стилистики, не предпринимать дальнейшем никаких шагов к ее скорейшему созданию. Именно в словарях такого тина, как словарь к «Мертвым душам», и должна разрабатываться основа исторической стилистики, Словарь к «Мертвым дунцам», благодаря тому, что он создается в Лепинграде, где существует многомиллионная картотека выборок из произведений русских писателей XVIII-XX вв., может быть снабжен безукоризненными стилистическими пометами,

В ходе обсуждения доклада Ю. С. Сорокина были затронуты многие вопросы, связанные с характером построения словаря к отдельному произведению. Даже такой частный вочрос, как применение способа порячковой нумерации значений в словарной статье, вызвал оживленный обмен мнения ли. Исходя из того, что, во-первых, словарь к «Мертвым душам» будет отмечать не все значения слова, в которых оно было известно в русском языке времени Гогодя, а только те из них, какие встречаются в

языке поэмы, и что, во-вторых, в словаре будут находиться вариации значений слов. связанных с индивидуальной реченой иаверой писателя и условиями контекста,коллектив составителей словаря решил. используя различные типографские значки, обойтись без порядковой нумерации значений в словарных статьях, С. И. Ожегов поддержал в этом составителей словаря, усмотрев в отказе от нумерации значений определенную теорию. С ним согласился и А. М. Бабкин, отметив, что применение способа нумерации значений ляпъ свяжет составителей, заставляя их искать субординации значений слов, тогда как это не является задачей намеченного словаря. Однако другие выступавшие (Г. П. Блок, Ф. П. Филин, А. С. Чикобава, И. И. Ковтунова) указывали, что не следует игнорировать общепринятую лексикографическую технику и что способ нумерации значений слов необходим для практического удобства пользования словарем,

В заключительном слове Ю. С. Сорокив отметил, что обсуждение инструкция на пленуме Словарной комиссии будет очень полезно для коллентива, работающего над словарем к «Мертвым душам». Несмотря на то, что многие сделанные здесь пожелания и рекомендации являются взаимоисключающими, все они нуждаются в глубоком, внимательном изучении до того, как коллектив составителей приступит к основ-

ному этану своей работы.

Не менее живой интерес собравшихся на пленуме Словарной комиссии выявал доклад Д. С. Лихачева о словаре к «Слову о полку Игореве» 1. Потребность в данном словаре, сказал докладчик, особенно сильна среди литературоведов, ибо изучение «Слова» в настоящее время зашло в тупик из-за отсутствия исходных фундаментальных работ, опираясь на которые можно было бы производить дальнейпие исследования. Среди таких фундаментальных работ главенствующее значение принадлежит словарю к «Слову о полку Игореве». Словарь STOT, подчеркивает П. С. Лихачев, предназначается для исследователей-литературоведов и для тех переводчиков, которые одновременно с переводом «Слова» ведут исследовательскую работу по истолкованию его текста. Словары «Слова» делается с широким привлечением для сопоставления соответствующих цитат из памятников русской письменности XI-XVI вв., фольклора, показаний областных словарей и т. д.; будет даже привлечен изобразительный материал Словарь будет служить справочным пособием при рассмотрении отдельных вопросов, отнюдь не давая их окончательных решений Вот почему, по мнению докладчика, предпочтительнее это издание будет назвать «Материалами для словаря к "Слову о полку

¹ Этот словарь составляет сотрудница Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР В. Л. Виноградова; ее работой руковолят Б. Л. Богородский, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачев.

Игореве"» по типу известных «Материалов» И. И. Срезневского. Д. С. Лихачев сообщил плепуму Словарной комиссии, что уже готов исрвоначальный вариант первого выпуска словаря «Слова», охватывающий слова на буквы «А—Г», общим объемом в 20 авт. листов. Весь словарь предполагается составить в течение 4—5 лст. Его объем будет равен приблизительно 120 авт. листам.

Важность настоищего научного предприятия бесспорна. Об этом говорили все выступавшие по докладу Д. С. Лихачева на пленуме Словарной комиссии. К. А. Тимофеев заявил, что значение словаря к «Слову о полку Игореве», по его мнению, не уступает огромному значению «Словаря языка Пушкина». Но большинство членов Словарной коми сии выразили свое несогласие с тем, что данный словарь предназначается исключительно для литературоведов и переводчиков «Слова». В этом словаре нуждаются и другие специалисты, в том числе в историки русского изыка, а между тем лингвистическая часть в нем совсем не разрабстана. А. П. Евгеньева выразила сомнение по поводу того, что все лереводчики «Слова» отлично знают историческую грамматику русского языка. Но дело не только в них. Пренебрежение лингвистикой пагубно сказывается на самом словаре. А. П. Евгеньева убедительно это показала на примере пробных словарных статей («братие», «встрило»), розданных для ознакомления членам Словарной комиссии. С доводами А. П. Евгеньевой согласился С. И. Ожегов, считающий, что преддагаемый тип словаря к «Слову» нельзя назвать подлинно филологическим, каким он должен быть. О необходимости ввести в словарь лингвистическую часть говорили К. А. Тимофеев, Ф. П. Филин, впрочем оговариваясь, что им не хотедось бы видеть словарь к «Слову» как некий вариант общего исторического словаря русского яаыка.

Различные точки зрения были высказаны по поводу элементов энциклопедизма в словаре. А. П. Евгеньева полагает, что они придают словарю характер свода энциклопедических комментариев к лексике «Слова о полку Игореве», мешают филологической трактовке материала. Б. В. Горнунг, напротив, думает, что энциклопедические элементы не помещают филологическому словарю такого типа, а лишь расширят его рамки.

Многие из выступавших (А. П. Евгеньева, Г Ф. Нефедов и др.) не советовали увлекаться привлечением материалов для иллюстрации значений слов из намятников, припадлежащих ко времени более позднему чем период создания «Слова о полку Игореве». Это будет лишь дезориенчитателя. Необходимо тировать определить границы привлекаемого диалектологического и фольклорного материалов. Ф. П. Фидин рекомендовал произвести продуманный отбор памятников, из которых будет браться иллюстративный материал, с учетом жанровой соотносимо-сти их со «Словом».

Все выступавшие по докладу Д. С. Лихачена признали весьма интересным сопостанительные цараллели лексики «Слова» с лексикой памятников других славянских стран. Б. В. Гориунг считает полезным включить в данный словарь свод конъектур и толкований «темных мест» цамятника, предложенных когда-либо исследователями. Ф. П. Филин посоветовал производить дифференцированную разработку слов, обращая внимание главным образом на те слова, которые совершенно выпали из состава русского языка. С. И. Ожегов убежден, что составитель словаря к «Слову» правомочен производить выделение устойчивых словосочетаний, не имея для aroro никаких авторитетных историколингвистических оснований.

Странное впечатление на присутствовавших на пленуме Словарной комиссии произвело выступление Б. Л. ского. Упрекнув всех советских лексикографов в приверженности к старым академическим словарим, он отстаивал право на экспериментальность в области составления словарей. Утверждая, что создавае-мый словарь к «Слову о полку Игореве» является филологическим в подлинном смысле слова, Б. Л. Богородский затем заявил, что интересы литературоведов и лингнистов не всегда совпадают (например, указание в словаре на форму аорист литературоведу ничего не скажет), а посему в данном словаре не нужен «педантический» грамматический отдел.

Обсуждение выявило, как выразился А. М. Бабкин, «аморфность предприятия»; многоплановость работы не сведена пока к четким, определенным принципам конструкции словаря. Научная задача состав-ления словаря к «Слову», сказал С. И. Ожегов, еще неясна, расплывчата. А. П. Евгеньсва предложила опубликовать в печати представленную на обсуждение в Словарную комиссию инструкцию по составлению словаря к «Слову», с тем чтобы имелась возможность ее критически проанализировать всем, кто того желает. В. В. Горнунг считает пужным подвергнуть тщательному и всесторониему рецепаированию ту часть словаря, которая уже готова в первоначальном варианте, для того чтобы критические суждения специалистов могли помочь окончательному определению принципов составления этого очень важного научного издания.

С высказанными соображениями по существу согласились Б А. Ларин и Д. С. Лихачев. Действительно, составление словаря к «Слову о полку Игореве» связано чрезвычайными трудностями ствие рукопислого текста, «темные места», исключительность жапра памятника т. д.); структура словаря очень своеобразна из-за особого положения «Слова» среди других литературных произведений древней Руси. До осуществления этого чрезвычайно нужного научного издакия необходимо со всей тщательностью продумать во всех частностих его план, способы организации и подачи лексических материадов,

Пленум Словарной комиссии обсудил еще доклад А. В. Миртова «О работе над словарем языка эпохи Великой Отечественной войны». Докладчик за многие годы, начиная с первых дней воспиых действий, собрал богатейший фактический материал. Его внимание особенно привлекали так называемые «окказиональные» слова и словосочетания — «словополобные сочетания», по терминологии И. А. Бодуэна де Куртене. Сейчас картотека А. В. Миртова состоит из 18 тысяч новых слов или новых употреблений слов. Высту-павший в прениях Г. Ф. Нефедов Нефедов сообщил, что он также собрал большой материал по изыку периода Великой Отечественной войны (общим объемом примерно 18-20 авт. листов). Он упрекнул составителей академических толковых словарей в игнорировании новых слов и значений, возниклих в военное время. Б. А. Ларин отметил, что в Советском Союзе многие лица занимались сбором языковых фактов, связанных с эпохой Великой Отечественной войны, однако словарей, построенных на этом материале, до сих пор нет. Особенно важны теоретические выводы, которые должны быть сделаны на основании изучения лексики народного явыка этого времени В. П. Петупков также отметни, что если о языке первых лет революции имеются некоторые труды (например

монография А. М. Селищева «Язык революционной эпохи»), то о языке времени первых интилеток, эпохи Великой Отечественной войны у нас почти вичего существенного не опубликовано. Словарная комиссия Отделения литературы и языка АН СССР должна оказать помощь изданию подобного рода словарей. А. М. Бабкин, соглашаясь с этим предложением, указал на необходимость выработки припципов лексикографической обработки такоматериала, ибо принципы составления общих толковых словарей здесь вряд ли окажутся пригодными. С. И. Ожегов считает, что должен быть создан план издания подобного рода лексических запасов, которых уже немало накоплено. Он посоветовал собирателям лексики периода Великой Отечественной войны не ограничиваться военной терминологией, словоупотреблением военного быта.

Пленум Словарной комиссии заслушал также интерсспый, содержательный до-клад А. С. Чикобава «Основные лексикографические особенности первого толкового словаря грузипского языка» («Бунет слов» Саба-Сулхана Орбелиани, 1716 г.) и сообщение Д.И.Буторина о русской части «Русско-китайского фразеологического словаря», изданного в Харбине

в 1958 г

И. Петушков (Ленинград)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. 1959, №№ 52—56.

Сборник трудов по языкознанию № 3 (Военная академия Советской Армии.) - М., 1959, 219 стр.

Уч. Таписитского зап. вечернего пен. ин-та иM. В. Г. Белинского. Вып. І. Работы по наыкознанию. — Тапткент, 1959. 83 стр.

Уч. зап. Украинская Академия сельскохозяйственных наук. Кафедра странных языков. Т. I. — Киев, 1959.

127 стр.

М. Я, Немировский. из истории изучения хеттекого иероглифического языка. Иберийско-кавказское языкознание. Т. 1X — X. —1958. Стр. 351— 375 [отд. отт.]

В. В. Решетов. Узбекский изык. Ч. І. Введение. Фонетика. — Ташкент,

1959. 359 стр.

Дослідження і матеріали з української мови. Т. І.—Київ, 1959. 136 стр.

Наукови записки. Ураїнська Академія сільскогосподарських наук. Кафедра

суспільнях ваук. — Київ, 1957. 319 стр. Festschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität, Greifswald, zu Ostseewochc (vom. 27, Juni bis 5, Juli 1959), Jg. VIII, Нf. 3. Стр. 129—. 84.

Jazykovebný časopis. Ročn. IX. Císlo 1-2.-B atislava, 1958, 192 crp.

Język polski. XXXIX, 2.-1959. Crp. -160.

Mechanical translation. Devoted to the translation of languages with the aid of machines. Vol. V, № 2. - Cambridge (Mass.), 1958. Стр. 49—91.

Oomoto. № 1959. Стр. 65—96. 227-228. - Majo-Junio

Slavia orientalis. Roczn. VIII, Nº 1.-

Warszawa, 1959. 164 crp.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-arx-Universität, Leipzig. Festjahrgang Marx-Universität, zur 550 Jahrfeier. Jg. 8 (1958-1959), Hf. 2. Стр. 255-425.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock (Als Manuskript gedruckt). Jg. 8, Hf. I (1958—1959), 130 crp. D. Freydank. Zur Entwicklung von

germ. au im Altniederdeutschen. Wissen-Zeitschrift Martin-Luschaftliche der ther-Universität, Halle-Wittenberg Manuskript gedruckt). VIII, 4/5.— Juni 1959 Стр. 717—718. [отд. отт]

H. Heintze. Stilkritik und Gesellschaftskritik bei Jules Vallès. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als

nuskript gedruckt). VIII, 4/5.— Juni 1959. Стр. 737—748 [отд. отт.] G. Kahlo. Djampi — djampi. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als Manuskript gedruckt), VIII, 1959. Стр. 689—694 [отд. отт]

J. Krámský (University of Prague). A quantitative typology of languages (Reprinted from «Language and speech». Vol. 2, pt. 2. April—June 1959. Crp 72—

W. Spiewok. Die Sprache der

uedlinburger Handschrift des Sachsenpiegels aus dem B. Jahrhundert. Wissenhaftliche Zeitschrist der Martin-Lutherniversität, Halle-Wittenberg (Als manucript gedruckt). VIII, 4/5,- Juni 1959.

тр. 719—724 [отд. отт.] W. Steinberg. Beiträge zur hiorischen Wortgeographie, Wissenschaftche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als Manuskript gedruckt). VIII, 4/5.— Mai 1959. Crp. 695—716 [отд. отт.] G. Waringhien. Lazar Ludvik

Zamenhof (On the occasion of the centenary of his birth). Universala Esperanto-Asocio. Centro de esploro kaj dokumentado.— Londono, document RDC/6-1 (special issue). 9 стр. [ротапринт]

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАПНЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКСВНАНИЯ» в 1959 г.

ПЕРЕДОВ**ЫЕ**

ХХІ съезд КПСС и некоторые задачи усского языкознавия № 3 Виноградов В. В.— Состоявие перспективы развития советского слаяноведения № 6 Вопросы славянского языкознания на

V Международном съезде славистов... № 1 СТАТЬИ Андресв Н. Д., Зиндер Л. Р.— Існовные проблемы прикладной лингвиики № 4 Белодед И. К., Мольничук С.— Вопросы развития национальных зыков в период перехода от социализма : коммунизму № 5 Голенищев-Кутузов И. Н. ловораздел в русском стихосложении. № 4 Иллич-Свитыч В. М.— О некоорых рефлексах индоевропейских «лаингальных» в праславянском . . . Конрад Н. И. — О национальной традини в китайском языкознании . . № 6 Люй Шу-сян. — Вопрос о слове в титайском языке № 5 Мещанинов И. И.— Различные иды классификации языкового мате-мала № 3 Поспелов Н. С.— Сложноподмиенное предложение и его структурные і простых и сложных словосочетаци-кая география и этимологические исслеования № 1 Чичагов В. К. — О динамической труктуре русского повествовательного

дискуссии и обсуждения

Гориунг Б. В.— О характере язы-taза № 3 Дульзон А. П.— Вопросы этимолонческого анализа топонимов субстрат-юго происхождения . . . № 4 Жирков Л. И.— Всегда ли случайно ипологическое сходство языков?... № 1 К обсуждению вопроса об омонимах (обор статей, поступивших в редакцию)... № 2 Колшанский Г. В.— О природе юнтекста. Об образовании восточнославянских нациопальных литературных ложениях фонологии № 2 Мартемъянов Ю. С.— Конструкция avoir parlė со стороны структуры и

некоторых статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» . . . № 1 Об образовании восточнославянских на-

циональных литературных языков (авкета) № 4 Об образовании восточнославянских

национальных литературных языков (ответы на вопросы апкеты) № 5,6-Серебренников Б. А.— О методах изучения топонимических

званий № 6 Суник О.П.— Опроисхождении морфологической структуры слова . . . № 5 Сюй Го-чжан. — Обзор струк-турального направления в лингвисти-Топоров В. II — О введении веро-

ятности в языкознанке № 6 Шанский Н. М.— Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического

характера № 5 Щербак А. М.— Об алтайской гипотезе в языкознании № 6

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

Баскаков А И — О классификации причастий в турсцком языке № 6 Венедиктов Г К --- Оследах старого сигматического аориста в современиом болгарском языке № 5 Галанович П. II., Мацкевич Ю. Ф.— О классификации белорусских диалектов № 6 Гарибян А С.— Обармянском кон-

ские написания жч, же и в перед передними гласными № 4 Гордина М. В.— К вопросу о фонеме во въетнамском языке . . . № 6 Грипбаум Н. С. — Крито-микенские тексты и древисгреческие диалек-

употребления древнегреческого аориста..... № 4 Жирмунский В. М.— Готские

аі, аи с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии № 4

Маслов Ю.С.— Категория предельности, непредельности глагольного действия в готском языке № 5 Поповска Таборска Г.— Ис-
ности/непредельности глагольного дей-
ствия в готском языке № 5
, Поповска-Таборска — Г. — Ис-
езновение кашубских долгот . № 4 Серебренников Б. А.— Дна
Серебренников Б. А.— Два
полиних вопроса спавинтельной грам-
спорных вопроса сраввительной грам- матики финно-угорских языков № 4
Фурке Ж.— Генсзис системы соглас-
Ψ y p κ e η(.— renesare cacrema cornac-
ных в армянском языке № 6
COOFFICING M BANGETON
СООЕЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ
Абаев В.И.— Из истории слов. № 1 Алатырев В.И.— Глаголы при-
Адатырев В. И.— Глаголы при-
творного действия в удмуртском языке. № 1
Артемюк Н. Д.— Квопросу о срав-
интельном исследовании словарного со-
атора полотрониях ажигов
става родственных языков № 2 Байчура У. Ш. — Характер уда-
Баичура у. ш. — ларактер уда-
гения в минарско-татагском диалекте. № 2
Берман И. М.— О «вставочном» ти-
пе_словобразования № 2
гения в миніарско-татагском диалекте. № 2 Берман И. М.— О «вставочном» ти- не слов образования № 2 Будагов Р. А.— «Слонарь труд- постей французского языка» и его значе-
п остей французского языка» и его значе -
пие для культуры речи
Вей М.— Замечания по поводу частот-
ного словаря чешского явыка № 2
Геровский Г.И.— О специфике
литературного двуязычия у восточных славян № 3 Григорьев В. П.— Так называе-
славян № 3
Григорьев В. П.— Так называе-
мые интернациональные сложные слона
в современном пусском языке . № 1
в современном русском языке № 1 Клычков Г. С.— Индоевропейская фонема *s как коррелят ларингаль-
MADONA ** Var ronnonge nanuprant.
нх № 1
ных
лантева О. А.— гасиоложение ком-
понентов устойчивого словосочетания
как элемент его структуры № 3
Лурия А. Р.— Афазия и аналиа речевых процессов № 2 Маргарян Б. А.— О слове поче
чевых процессов № 2
Маргарян Б. А.— О слове поч-
та № 2 Мухив А.М.— Происхождение ге-
Мухин А. М.— Происхождение ге-
рундия в английском языке № 2
Надэль Б. И., Пиотров- ский Р. Г.— О хронологических исти-
ский Р. Г.— О хронологических и сти-
JWCTRUCCKUY ROUDDRESV D EBSYDOURDCERWY
исследованиях № 3
Pedenouckas F A Slammeran
имениальная форма L. л.— «напинская м. 4
Соболова П. А. Обассавическа
производия в н. А.— Об основном и
исследованиях № 3 Реферовская Е. А.— Латинскан «медиальная» форма № 1 Соболева П. А.— Об основном и производном слоне при слонообразова-
тельных отношениях по конверсии 🗛 2
Терещенко H. M — К вопросу о
тельных отношениях мо конверсия № 2 Терещенко Н. М.— К вопросу о вевецко-хантыйских языковых свя-
зях
III & A
истелинг д. А.— О пеоднородиости

Маслов IO C — Категория предель-

грамматических категорий № 1 ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Бодуэн де Куртене И. А.-Основы общей фонетики (Из курсь лек-ческие взгляды И. А. Бодуэна де Куртене..... № 6 Сертиевский М. В.— Франдузский язык в Алжире № 2 Трубецкой Н. С. — Об одной особевности западнославянских языков. № 2

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бельская И. К.— О принципах построения словаря для машинного перевода № 3 Ю н-цю ань. — Исследователь-Лю ская работа в области машинного персвода в КНР № 5

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Скок П.— Об этимологическом слова ре хорватского, или сербского, языка . № 5 Хапсен К.— Пути и цели структурадизма № 4

ГКОНСУЛЬТАЦИ

Григорьев В. И.— Что такое дистрибутивный анализ? N_2 1 Григорьев В. И.— О коде и язы-ческом методе датировки распада праязыка № 2

письма в РЕДАКЦИЮ

Булаховский Л. А., Фрейман А. А.— Некоторые соображения о перспективах развития советской лингвистической вауки № 4 Микуш Р. Ф.— Письмо в редакцию..... № 5 Перего П.— Остатье М. В Сергиевского «Французский язык в Алжиpc» . . . , . , , , № 6

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Арутюнова Н. Д — Статьи Г. Марчанда по теории синхронного словообразования № 2 Велкин В. М — Обсуждение проблем национального языка в арабской печати ти Вескровный В. М.— Современ-ная лексикография хинди . № 1 Бородина М. А — Обзор статей в журналс «Revue de linguistique romaе» Гельгардт Р Р.— Олитературном языке в географической проекции. . . № 3 Гиндин Л А — Обвор литературы по В. Н. — Новое в литуанистике № 1 Исаенко Б. С. - Китайское языко анание в СССР за последнее десятилетие $\dots \dots X^{-1}$

Рецензип Абаев В. И.— E. Benreniste. Études sur la phonétique et l'etymologie de No 2 Der deutsche Satz..................................№ 33 Апресян Ю. Д — Структуральная семантика С. Ульмана № __ Ахманова О.С. Конрад Н И -«The Kenkyusha dictionary of English Eastern Ojibwa № .

Бахтурина Р. В.— «Russisches ckläufiges Wörterbuch». «H. H. Bieldt. Rücklaufiges Wörterbuch der ruschen Sprache der Gegenwart»... № 5 Габка К.— О некоторых вопросах сторической перспективы» № 1 Галкина-Федорук Е. М.— *С Ахманова*. Очерки по общей и рус-schen. Bd. I..................№ 1 Жанпеисов Е. Н., Томанов .— Вопросы истории и диалектологии ізахского языка № 6 И саченко А. В.— Успехи славя--германской топономастики в ГДР . № 4 Коростовцев М. А.— Н. С. Петеский. Египетский язык № 2 Кузнецова А. И.— Els Oksaar mantische Studien im Sinnbereich der hnelligkeit № 5 Левин В. Д.— Новые книги по тории русского и украинского литера-gisches Wörterbuch № 5 gisches Wörterbuch № 5 Маковский М. М.— И. *Пудик* рефикс ga- y готском језику.... № 2 Мартынов В. В.— К. Н. Schön-lder. Probleme der Völker- und Sprachischung № 3 Мещерский Н. А.— Польское изние новгородских берестяных гра-N₂ 6 Падучева Е. В.— N. Chomsky. в. Из истории изучения русского синксиса.... № 3 Правдин А. Б.— Творительный ... № 3 ingen mit dem Infinitiv im Altkirchenavischen № 4 Ревзин И. И., Финн В. К.— E. Osgood, G. E. Suci, P. H. Tannenbaum. ie measurement of meaning № 4 Рензин И. И.— «Словарь польскоязыка XVI века» № 5 Тенишев Э. Р.— С. Е. Малов. зык желтых уйгуров № 2 Черный И. П.— «Atlasul lingvis-

Баскаков Н. А.— А. А. Юлдашев.

стема словообразования и спряжения агола в башкирском языке № 4

Основы синтаксиса современного русско-С. П.— Атлас русских народных говорс центральных областей к востоку от Мосі

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Авторефераты по языкознанию, опуб ная сессия по вопросам германского языкознания..... № Вопросы ги: Бондарко А. В.— Вопросы ги: гольного времени на IV Международно Н. — Вопросы истории славянски. литературных языков на IV Международ ном съезде славистов № 4 Дондуков У.-Ж. Ш.— Языкознание в Бурятии в 1956—1958 гг.... № 4 Дунаевская И. М. — Сессия, посвященная ассириологии, египтологии и семитской эпиграфике, в Ленингра-нологии и фонетики на IV Международ-ПР...... № 5 Иллич-Свитыч В. М.— Балто-ГДР славянская проблематика на IV Международном съезде слависто № 1 Иллич-Свитыч В. М.— Вопросы славянской прародины на IV Международном съезде славистов..... № 3 Маслов Ю. С.— Вопросы проис-

хождения глагольного вида на IV Международном съезде славистов № 2

Михальчи Д. Е.— Заметки румынском языкознании..... № 3 Над чем работают ученые № 1, Научно-исследовательская работа ня

местах..... № 4,5 Новые издания № 5 Терентьев В. Т — Еще раз о первой грамматике чувашского

№ 3 филология в Лейпциге в 1957—1958 гг. . . № 1 № 1,2, Хроникальные заметки

3,4,5,6 Цейтлин Р. М — Вопросы из-

учения старославянского языка на IV Международном съезде славистов № 2

Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию № 1,2,3, 4,5,6

всем подписчикам и читателям журнала «вопросы языкознания»

Уважаемый товарищ!

Редакционная коллегия просит Вас прислать в адрес журнала (Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21, журнал «Вопросы языкознания») ответы на следующие вопросы:

- 1. Место Вашего жительства (название города).
- 2. Ваша профессия и специальность.
- 3. Ученая степень и звание.
- 4. Накие статьи, опубликованные в журнале за 1959 г., были для Вас интересны?
- 5. По наким вопросам Вы хотели бы найти статьи или отклики в ближайших номерах журнала?
 - 6. Какие опубликованные статьи Вы считаете неудачными?

Редколлегия журнала «Вопросы языкознания»

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Випоградов (москва). Состояние и перспективы развития совет-	,
ского славяноведения	3 18
дискуссии и обсуждения	
В. Н. Топоров (Москва). О введении вероятности в языкознание В. А. Серебренников (Москва). О методах изучения топонимических	28
пазваний	36 51 64
материалы и сообщения	
Жан Фуркс (Париж). Генезис системы согласных в армянском языке Н. С. Грицбаум (Кишинев). Крито-микенские тексты и древнегреческие	68
диалекты	78 87
М. В. Гордина (Ленинград). К вопросу о фонеме во вьетнамском ядыке А. Н. Баскаков (Москва). О классвфикации причастий в турецком языке	103 110
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗВАНИЯ	
А. А. Леоптьев (Москва). Общелингвистические взгляды И. А. Бодузна	
де Куртене	115 124
консультации	
В. И. Григорьев (Москва). О коде и языке	128
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	1200
Обаоры	
Б. С. И саепко (Москва). Китайское языкознание в СССР за последнее десятилетие	131
Реценани	
А. Б. Шапиро (Москва). Т. И. Ломпев. Основы синтаксиса современного	
русского языка	136
дпалектологии казахского языка»	142
стяцых грамот	144
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
II. II е р е г о (Сент-Уан, Франция). О статье М. В. Сергиевского «Француз- ский язык в Аджире»	148
научная жизнь	
Хропикальные заметия	150 157 158
редколлегия	
О. С. Ахманова, Н. А. Васкаков, В. А. Вокарев, В. В. Виноврадов (главный редакт В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), А. И. Ефимов, Н. И. Конрад (зам. главного редактора), В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев,	top),
В. А. Серебренников, Н. И. Толстой (п. о. отв. секретаря редакция), А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова Адрес редакции: Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21. Тел. Б 7-19-93.	

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

год издания VIII

6

ноябрь-декабрь